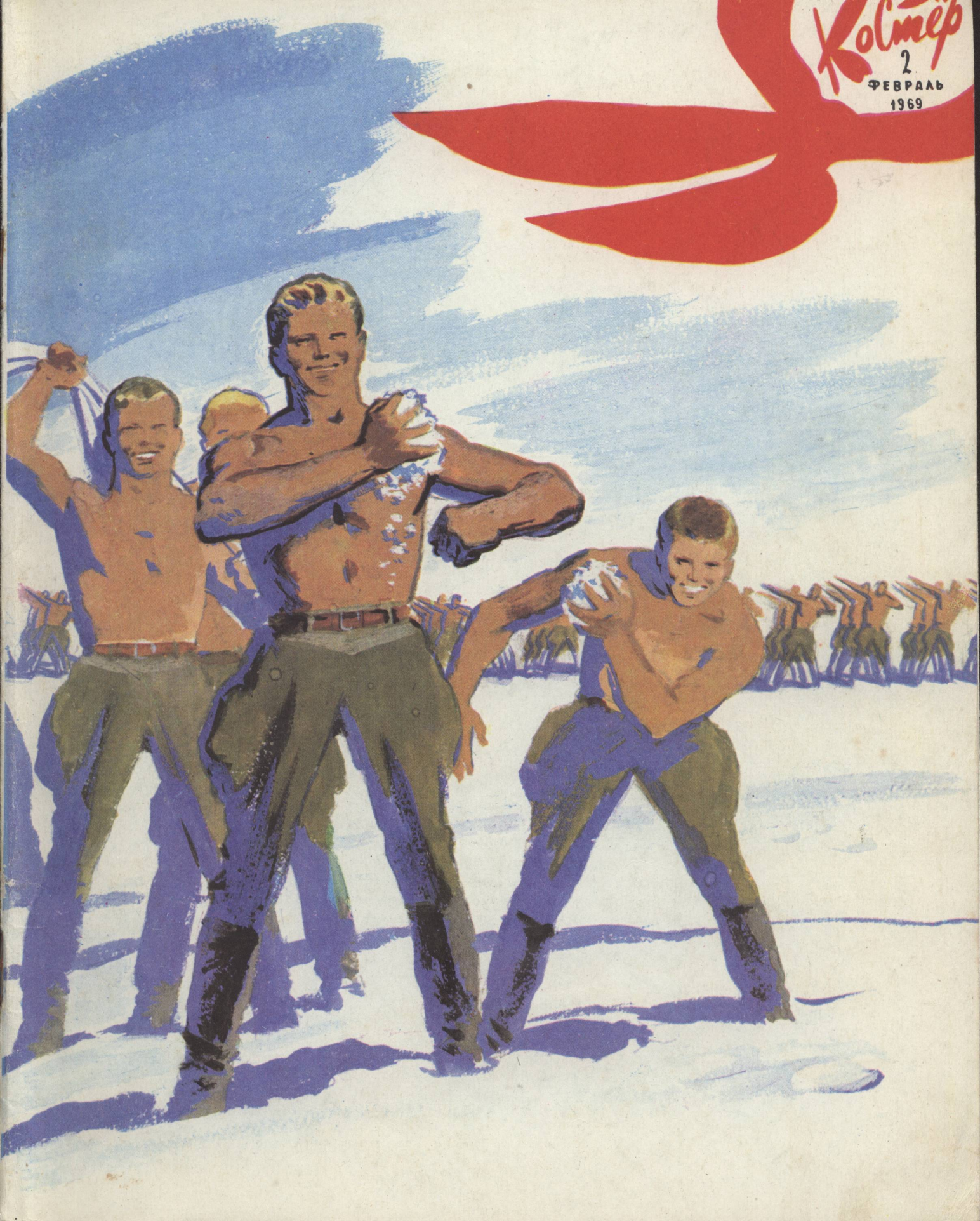

Колхоз

2

ФЕВРАЛЬ
1969

КТО МОЖЕТ БЫТЬ ГВАРДЕЙЦЕМ?

*Эти снимки сделаны в Киеве
на IV-Всесоюзном слете участников похода
по местам революционной и боевой славы советского народа
Репортаж со слета читай на странице 2*

В ЭТОМ НОМЕРЕ

- Кто может быть гвардейцем?**
репортаж Г. УСЫСКИНА 2
- Страна Поэзия 4**
- Шпион**
отрывок из повести В. КОЗЛОВА 6
- Таймень**
стихи О. ТАРУТИНА 15
- „Тепло все как-то сделано“ 15**
- Лесной сервис**
стихи О. ДРИЗА 17
- Невероятно насыщенная жизнь**
повесть В. ФРОЛОВА 18
- Совет друзей 33**
- Спортивный марголинский**
очерк С. ЮРЬЕВОЙ 35
- Открытки из Африки**
рассказ о путешествии П. ВОЙЦЕХОВСКОГО 38
- Дар Нелтуна**
очерк А. БАТУЕВА 41
- Морская газета 44**
- Сборная мира — сборная СССР**
символический хоккейный матч 46
- Общий дедушка**
беседа Н. ДОЛИНИНОЙ 49
- Рассказы про слова**
Л. УСПЕНСКОГО 53
- Тысячи кадров в секунду**
репортаж И. ВОЙТЕНКО 54
- Уголён**
журнал для малышей 57
- Школа „Спринт“ 59**
- Что? Где? Когда? Почему?**
заметки, фото, рисунки 60
- Шахматы 61**
- Уголок веселого архивариуса 62**
- Прорыв эскадры**
игра 63

СБОРНАЯ МИРА — СБОРНАЯ СССР

В июне прошлого года на страницах «Костра» разыгралась символическая футбольная битва. Судя по многим читательским письмам, матч понравился ребятам. И мы решили теперь, накануне хоккейного чемпионата мира в Стокгольме, выстроить на 46, 47, 48-й страницах «Костра» ледяной дворец «Костер-халле».

СБОРНАЯ СССР —
КРАСНЫЕ СВИТЕРЫ
С БЕЛОЙ ПОЛОСОЙ

СБОРНАЯ МИРА —
ЖЕЛТЫЕ СВИТЕРЫ
С ЗЕЛЕННОЙ ПОЛОСОЙ

Место встречи — «Костер-халле»

Судьи матча — Далли (США) и Вициск (Польша)

Секретарь (автор) — спортивный обозреватель М. ЭСТЕРЛИС.

Судьи-хронометристы (художники) — Л. МОСКОВСКИЙ и К. СЕВАСТЬЯНОВ

Все в «Костер-халле»!

КТО МОЖЕТ БЫТЬ ГВАРДЕЙЦЕМ?

Он сам представился, строго и сдержанно:
— Федор Кононенко.

Но я, вслед за начальником штаба Мариной Харченко, стал называть его Федюней.

Федюня не ветеран: только первый год в первой гвардейской бригаде учащихся города Киева, но в музей бригады как вступительный взнос он притащил выкопанную где-то немецкую винтовку.

Федюня за короткое время стал старшим лейтенантом и командиром самого трудолюбивого и шумливого пятого взвода. Пятый взвод — это двадцать пять ребят от второго до пятого класса. Да, да! Именно от второго!

Младших гордо называют — «сыновья бригады». Вот, например, Саня Пустынский.

— Какой он гвардеец? Ему в игрушки играть! — сказал я Феде. Федюня обиделся:

— А вы знаете, что Саня этот в прошлом году почти шесть часов шел с нами в колонне — и хоть бы слово! Его на руки хотели

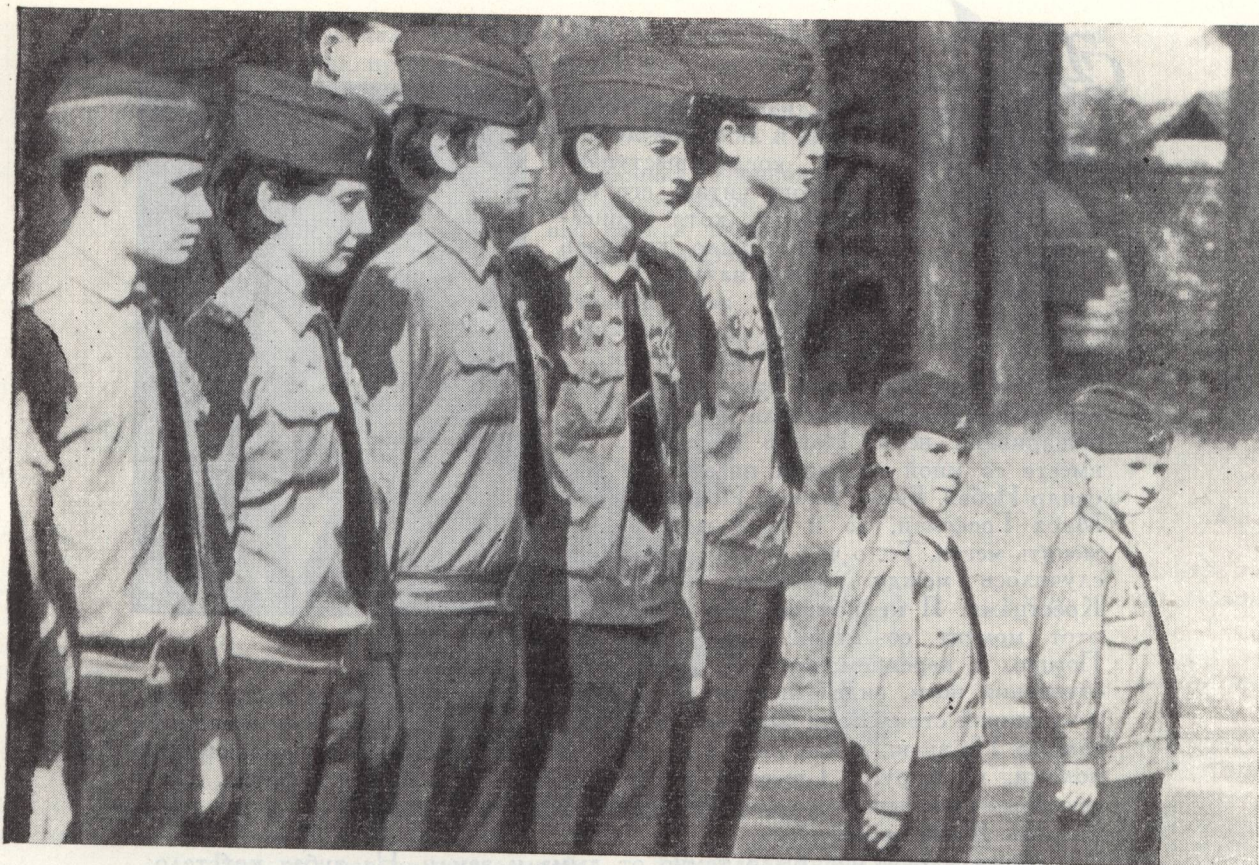
взять, он ведь тогда еще первоклассником был.

И остальные гвардейцы обиделись за Саню: — А вот совсем недавно, две недели назад, когда мы готовили материалы к слету, десятиклассники от усталости за столом засыпали. Но Саня вместе со всеми в альбомы тексты переписывал, у него почерк красивый.

— А по штабу кто дежурит? Такие, как Саня, или чуть старше, из Федюниного взвода.

Возражать было бесполезно. Человека здесь ценят не за внешние качества. Старше или младше, мальчик или девочка, главное — отношение к делу и к товарищам.

— Вот Андрей Спиринов, вы его знаете, — рассказывает Юра Бондаренко, — он комиссар бригады. Андрей — настоящий друг. В Праге когда мы были, в конце похода по боевому пути чехословацкого корпуса, все гулять идут, в кино, а он сам попросил оставить его дежурить, чтобы других не обижать. Или в походе —

свое одеяло всегда младшим отдает, когда холодно.

— Ну, а когда походов нет, что вы делаете? — спросил я.

Марина стала перечислять, загибая пальцы.

— Строевая подготовка, радиодело, изучаем стрелковое оружие. Книг сколько прочитать надо перед походом! Мы получаем и отправляем каждую неделю 300 писем! И музей тоже не сразу делается. Мы даже раскопки вели с миноискателем. Нам его шефы подарили и научили пользоваться. Мы его обязательно в каждый поход берем.

— А вы можете назвать самую ценную реликвию, найденную в этом году?

И я услышал такой рассказ...

— Мы недавно ездили в Спас-Деменск Смоленской области. Самое заметное место там — высота 233,4. Немцы ее чуть ли не год укрепляли. Три дня части 10-й гвардейской армии дрались за эту высоту. Фашисты отбили все атаки. Тогда и поручили последний штурм комсомольцам 1-й штурмовой бригады. Было это 10 августа 1943 года. В полной тишине, когда фрицы ужинали, подползли комсомольцы к укреплениям. Командир отделения Саша

Лазарев подбегает к блиндажу, а ему навстречу фашистский офицер. Из пистолета прямо Саше в грудь всю обойму выпустил, а Лазарев даже и не моргнул. Офицер так рот и раскрыл. Полную обойму в упор — и хоть бы что! Саша действовал молниеносно — фашисты так и не успели понять, как это русского солдата пуля не берет. А секрет весь в том, что у каждого комсомольца под маскировочным халатом был надет стальной щиток, и пуля его не пробивала. Вот такой щиток мы и привезли с высоты 233,4.

* * *

В небе взрывается праздничный фейерверк, звучит походная музыка, начинается парад. Первым, направляющим отрядом идут гвардейцы. Развернуты знамена. Ребята печатают шаг.

Выше головы! Гвардия идет!

Г. Усыскин, наш спец. корр.

Киев. IV Всесоюзный слет участников похода по местам революционной и боевой славы советского народа.

СТЕПАН ШИПАЧЕВ

Стихотворение «Павшим» я люблю и до сих пор, когда выступаю, не могу читать его без волнения, хотя написано оно было двадцать лет тому назад.

Что же явилось толчком к написанию этого стихотворения?

1941 год. Июльская жара. Пыль. Дым пожаров. Немцы наступали. Их самолеты обшаривали небо. Нашей редакции, где вместе со мной работали писатели Александр Исбах, Борис Бялик, Иван Чичеров, Марк Гроссман, то и дело приходилось менять место. То, о чем я хочу рассказать, случилось между городами Валдаем и Крестцами. Я не помню уже, кто был в этот момент со мной в одном вагоне. Помню, в переднем тамбуре, спустив на ступеньки ноги, сидел железнодорожник, кажется, помощник машиниста, а за спиной стоял Ваня Фролов, наш фотограф. Я как раз вышел в задний тамбур. Не знаю, думал ли я о чем или просто любовался проплывающими полями, но вдруг... Где-то в глубине мозга — это была, вероятно, доля секунды — послышался писк, слабый, не громче комариного, — и все оборвалось. Я упал в небытие...

Когда я очнулся, было темно от дыма и земли. На зубах хрустело. Левая штанина галифе была разорвана от колена до паха. Не понимая ничего, я выскочил из тамбура. Первым попался мне на глаза Марк Гроссман. Он был бледен. По щеке текла кровь. Все из вагонов уже повыскакивали и попрятались в ближнем березняке. На меня закричали: ложись! Над березняком, куда попрятались наши, совсем низко летел фашистский самолет. Это, видимо, был тот же бомбардировщик, который расправился с нашим поездом. Летчик сделал новый заход не иначе как для того, чтобы убедиться, точно ли бомбы легли на цель.

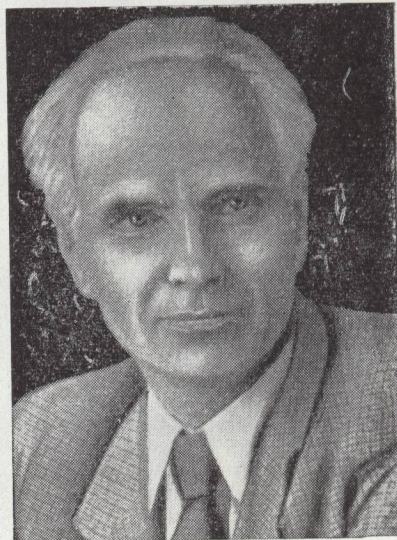
Придя в себя, в тамбуре я обнаружил большой осколок. Он пробил стенку вагона, двойную дверь тамбура и упал, очевидно, рядом со мной. Я взял его в руки. Это был рваный кусок железа, еще не успевший остыть. Железнодорожнику, что сидел на ступеньках, оторвало ноги выше колен, и он был мертв. Мертв был и Ваня Фролов. Ему размозжило голову. Брызги его крови засохли на потолке тамбура, и еще долго потом никто не решался их стереть.

По обе стороны нашего вагона, почти у самой насыпи, дымились две огромных воронки. Нетрудно было представить себе, с какой силой хлестнуло взрывными волнами по составу, споткнувшемуся на всем ходу; как грохнулся я в тамбуре... Но ничего этого я не слышал. Слабый, сразу же оборвавшийся писк — это единственное, что дошло тогда до моего сознания. Я подумал потом: может быть, Ване Фролову и железнодорожнику тоже послышался в ту секунду такой же писк? Только в их мозгу он оборвался навечно.

Через несколько лет после того я написал стихотворение «Павшим». В нем есть строчки:

Я сам воочью смерть видал.
Шел от воронок дым.

Горячим запахом металл
Запомнился живым.

Как знать, если бы я не держал в руках тот, еще не остывший кусок
рваного железа, пришли ли бы ко мне эти строчки:

Горячим запахом металл
Запомнился живым.

Но дело тут не только в отдельных строчках, деталях, а в том, что
этот случай дал толчок основной мысли этого стихотворения: чем я обя-
зан павшим, чем обязаны и вы, ребята, павшим в гражданскую войну,
павшим от кулацких обзоров и в Великую Отечественную.

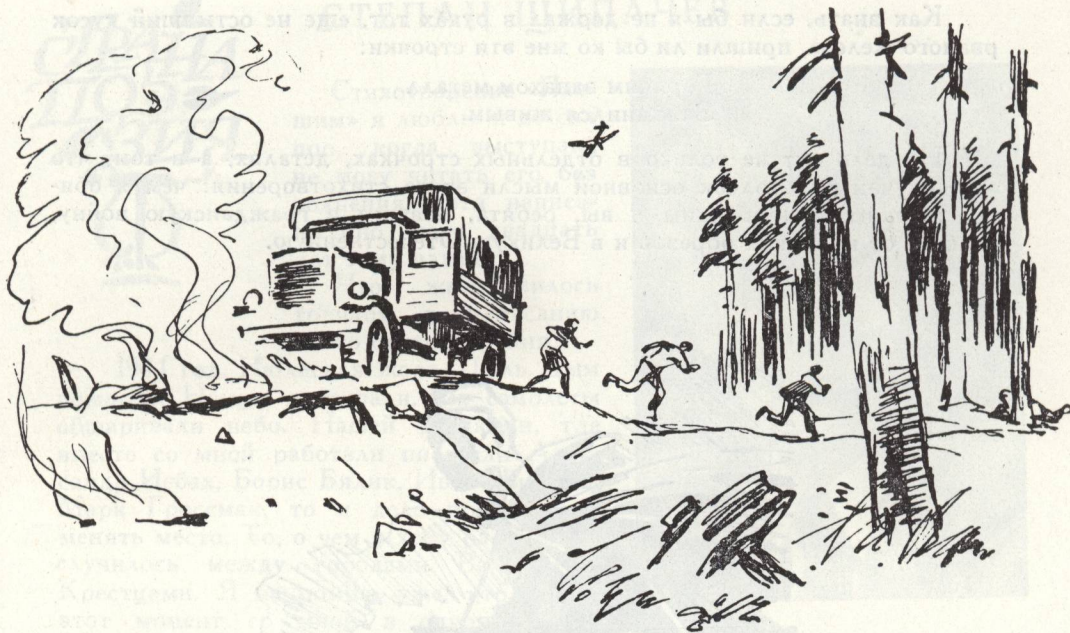
ПАВШИМ

Весь под ногами шар земной.
Живу. Дышу. Пою.
Но в памяти всегда со мной
Погибшие в бою.
Пусть всех имен не назову,—
Нет кровнее родни.
Не потому ли я живу,
Что умерли они?
Была б кошуштенной моя
Тоскливая строка
О том, что вот старею я,
Что, может, смерть близка.
Я мог давно не жить уже:
В бою, под свист и вой,
Мог пасть в соленом Сиваше
Иль где-то под Уфой.
Но там упал ровесник мой,
Когда б не он, как знать,
Вернулся ли бы я домой
Обнять старуху мать.
Кулацкий выстрел, ослепив,
Жизнь погасил бы враз,
Но был не я убит в степи,
Где обелиск сейчас.

Рисунок В. Звонцова

На подвиг вновь звала страна.
Солдатский путь далек.
Изрыли бомбы дочерна
Обочины дорог.
Я сам воочью смерть видал.
Шел от воронок дым;
Горячим запахом металл
Запомнился живым.
Но все ж у многих на войне
Был тяжелее путь,
И Черняховскому — не мне —
Пробил осколок грудь.
Не я — в крови, полуживой,
Растерзан и раздет —
Молчал на пытках Кошевой
В свои шестнадцать лет.
Пусть всех имен не назову,—
Нет кровнее родни.
Не потому ли я живу,
Что умерли они?
Чем им обязан — знаю я.
И пусть не только стих,
Достойна будет жизнь моя
Солдатской смерти их.

С. Щипачев

ШПИОН

Вильям Козлов

Рисунки В. Орлова

Снова, как и раньше, идут ребята по обочине асфальтированного шоссе. Мимо проносятся машины. Над головой воют самолеты, похлопывают зенитки. Немецкие бомбардировщики волна за волной накатываются на Бологое, куда ребята держат путь. Бологое — большая узловая станция.

Вышний Волочек вытянулся вдоль шоссе на десять километров. К самой дороге подступило водохранилище. Оно до краев заполнено сплавным лесом. Толстые мокрые стволы трутся друг о дружку шершавыми спинами, будто доисторические чудовища. На берегу, наклонившись к воде, стоит белый катер. На черной трубе расположились две вороны. Еще несколько деловито разгуливают по дощатой палубе.

Наконец город остался позади. К шоссе придвинулись ели и сосны. На стволах желтеют свежие раны. Беловатая смола комками засыхает на коре. Один телеграфный столб срезан до половины. Провода кое-как закреплены на обрубке. В кювете вверх колесами лежит грузовик. Кабина расплющена, борта изрешечены осколками. Дальше — еще один грузовик. Он до половины сгорел. По обе стороны шоссе на небольшом расстоянии друг от друга неглубокие воронки.

Отрывок из повести «Витька Грохотов и компания». Повесть будет опубликована издательством «Детская литература» в 1969 году.

Витька и Верочка поднимают руки, но машины, не останавливаясь, проскакивают мимо. Здесь уклон и шоферам не хочется тормозить.

— Ну, что им, жалко? — восклицает Верочка, выразительно глядя вслед машинам. — Ведь пустые, могли бы и подвезти.

— Вы не умеете, — говорит Алла. — Я сейчас остановлю.

Она поправляет волосы, одергивает платье и, улыбаясь, машет рукой приближающейся машине. Большой крытый грузовик останавливается. Молоденький улыбающийся от уха до уха шофер распахивает дверцу.

— Куда прикажете? — весело спрашивает он.

— Чего он радуется? — удивляется Верочка.

— Вы, барышня, в кабину, остальные — в кузов... Только не прыгайте на ящиках, а то без пересадки попадем на тот свет, к боженьке в гости...

— Нам в Бологое, — говорит Алла.

— А я в Валдай... До поворота подброшу вас, барышня!

Ребята без лишних слов лезут в кузов. Алла усаживается в кабину. Веселый шофер садится рядом с ней и лихо трогает машину.

Никто не понял, что произошло. Вдруг впереди, на шоссе, сверкнуло пламя, раздался взрыв и в воздух взметнулись обломки асфальта и черный дым. Шофер побледнел и, вцепившись в руль, нажал на тормоза. Со

скрежетом и визгом машина остановилась у дымящейся воронки.

— Воздух! — крикнул шофер, распахнул дверцу, кубарем выкатился на дорогу и наметом ударился в лес. И уже оттуда, обернувшись, закричал дурным голосом:

— Уходите от машины! Вот балбесы!.. Бегом в лес, рванет сейчас!

Коля и Витька высочили из кузова. Грохотом сгреб с лесенки замешкавшуюся Верочку и поставил на дорогу.

— Бомбят? — спросила она.

— Кому говорю — в лес! — орал шофер. — Пикирует!

Все бросились через кювет в лес. Последней выскочила из кабины Алла. Она никак не могла открыть дверцу со своей стороны.

Продираясь сквозь кусты, они слышали, как ревет над головой бомбардировщик, как свистят бомбы и грохочут взрывы. Внезапно лес оборвался, и они высочили на поляну. Посредине большое круглое пятно — след старого стога, четыре почерневших жердины воткнуты в землю.

— Смотрите, вон он! — воскликнула Верочка, задирая голову.

На небольшой высоте описывал круг «юнкерс». Он был серый, с крестами на крыльях. Плексигласовый нос и фонарь стрелка-радиста блестели на солнце. Видны были черные головы летчиков, белые, крест-накрест опоясавшие их ремни парашютов. Бомбардировщик задрал крыло, и в тот же миг из брюха его высыпалось несколько крошечных блестящих шариков. Потрепыхавшись в воздухе, они выравнялись, и послышался знакомый визг. Шарики приближались, росли, стали продолговатыми, черными. Скрывшись за высокими кронами деревьев, бомбы упали на шоссе. Один взрыв, второй, третий, и наконец оглушительный грохот, от которого вздрогнула земля, а с деревьев посыпались иголки, сучья.

— Влепил, гад! — сказал шофер. — В мою старушку.

«Юнкерс» сделал еще один круг, но бомб больше не сбросил. Скоро он скрылся за деревьями, еще немного был слышен добродушный мурлыкающий звук моторов, а потом стало тихо.

— Вы так ловко высочили из машины, — сказала Алла. — Наверное, часто вас бомбили?

Шофер угрюмо взглянул на нее. От его недавней улыбки не осталось и следа.

— Я ведь верхом на смерти ехжу, — сказал он, — взрывчатку вожу.

— И мы тоже верхом на смерти ехали? — спросила Верочка.

Шофер поддал сапогом гриб мухомор и ничего не ответил.

Машины на шоссе не было. Была одна большая черная воронка. Из нее валил ядовитый желтый дым. Шофер, держа пилотку в руке, пристально смотрел в воронку, будто еще надеялся на дне ее вдруг увидеть свою целую и невредимую машину с ящиками, набитыми чувствительной взрывчаткой.

— Лучше бы ты эту машину и не останавливала, — сказала Верочка, моргая.

— Невезучая я, — ответила Алла.

— Я так думаю, наоборот, — заметил Коля, — повезло нам.

— В каких только переплетках я ни был со своей старушкой, — сказал шофер, — бог милловал, а тут, видно, судьба...

— Такой молодой и в бога верите, — сказала Верочка.

— Не трещи, — вяло оборвал ее шофер. — Может быть, эта старушка мне не раз жизнь спасала.

— Чего же вы ее тогда одну бросили? — спросила Верочка. — Свернули бы вон на ту дорогу — и в лес.

— Какая умная, — мрачно усмехнулся шофер. — Пока бы я разворачивался, он пять бомб успел бы в кузов кинуть.

Со стороны Вышнего Волочка подошла длинная легковая машина. Затормозила у воронки. Рослый плечистый командир с двумя шпалами на петлицах подошел к ним.

— Прямое попадание? — спросил он. — Шофер жив?

— Так точно, товарищ подполковник, — отрапортовал шофер, вытянувшись в струнку.

— Снаряды?

— Взрывчатка, товарищ подполковник.

— Сукины сыны, — пробасил подполковник. — За одиночными машинами охотятся!

Витьке вдруг показалось, что он где-то слышал этот густой мужественный голос. Разглядывая светловолосого командира с живыми серыми глазами, он вспомнил свой дом, зеленый парк, клен. Под этим кленом он впервые увидел этого человека вместе с Сашкой Ладонщиковым.

— Сидор Владимирович, — вспомнил Витька и как звать командира. — Вот где встретились...

Подполковник уставился на него. Секунду молча смотрел, потом пожал плечами.

— Извини, дорогой, не припомню.

— Вы Сашки Ладонщикова дядя... Помните, приезжали перед войной? Еще ящик ирисок нам купили.

Командир вспомнил, лицо его просветлело.

— Да-да, конечно, помню... — сказал он. — Ты, кажется, Гошка?

— Витька Грохотов.

— Помню, помню... А этот Буянов, отчаянный такой паренек, где он?

— Вы Сашин дядя? — не поверила Верочка. — Ни капельки не похожи.

— Не видел я своих больше... Немцы захватили город в первый же месяц. Эвакуировались, наверное?

— Вчера только ваш Сашка был здесь, — выпалила Верочка. Она не заметила, что Витька делал ей знаки: дескать, молчи!

— Где же он? — оживился командир. — Вот так встреча!

— Уехал он, — сказал Витька.

— Куда?

— Не сказал.

— Вы что же, одни? А где родители?

— Ребята опустили головы, помрачнели. Подполковник взглянул на них и решительно сказал:

— Поехали в Валдай, там по порядку разберемся.

Кроме подполковника и шофера, в машине сидел седой худощавый человек с одной шпалой на петлицах. Он подвинулся, давая ребятам место.

— Старых знакомых повстречал, — сказал подполковник, усаживаясь рядом с шофером. — Вот ведь война разбросала по белу свету людей... Тебе куда, безлошадный? — взглянул он на шофера, сиротливо стоявшего на обочине.

— Я из вашей части, товарищ подполковник...

— Чего же стоишь? Садись!

Подполковник Сидор Владимирович Ладонщиков привез ребят в стрелковый полк. Полк входил в новую дивизию, формирующуюся под Валдаем. Через неделю дивизия должна была вступить в боевые действия на Калининском фронте. А пока бойцы под руководством опытных командиров обучались в лесу стрельбе, рукопашному бою, испытывали новое противотанковое оружие. Жили в землянках, сложенных из тонких неотесанных жердей и покрытых еловыми ветками. На высоченной сосне была сооружена наблюдательная вышка. Там постоянно несли вахту бойцы.

Командир жил в большой выгоревшей палатке. Внутри — грубо сколоченный стол, скамейка, раскладная кровать, аккуратно застланная серым солдатским одеялом. На полу еловые ветви.

— Располагайтесь как дома, — сказал Ладонщиков. — А я пока поживу у замполита. И ушел по своим делам.

Немного погодя к ребятам пришел пожилой боец с желтой ленточкой, свидетельствующей о боевом ранении, и двумя медалями. Когда боец, его звали Иван Константинович, нагнулся, медали нежно звенели.

— Приказано проводить к повару, — сообщил он. — Проголодались небось?

— Нам везет, — заметил Витька. — Второй раз угощают казенными харчами.

— Армия не обеднеет, — усмехнулся Иван Константинович.

Пообедали на лесной полянке, под открытым небом. Здесь стояли сколоченные из досок длинные столы и скамейки. Неподдалеку расположилась походная кухня. Повар в высоком белом колпаке возвышался над дымящимся котлом, как памятник. Трое молодых бойцов, зубоскала, чистили картошку. Белые лоснящиеся клубни с бульканьем летели в большую алюминиевую миску.

— Посмотри на повара, — шепнула Алла.

Витька обернулся, потом встал и пересел к Алле. Теперь он мог как следует разглядеть повара. Это был высокий молодой человек с очень знакомым лицом. Он помешивал в котле большим половником и не смотрел на ребят. Иван Константинович подставил вместительную миску, и повар ловко нашлепал в нее из котла полужидкого горячего варева. Нагнулся и достал из ящика несколько белых мисок и алюминиевых ложек. Из другого ящика вытащил буханку хлеба. Взвесил в руке и тоже отдал Ивану Константиновичу.

— Где-то я его видел, — сказал Витька.

— Это же старший лейтенант Сафронов, — шепнула Алла.

Это был он. Его трудно было сразу узнать в фартуке и в колпаке. Но почему он не смотрит в их сторону?

— Не хочет признаваться, — сказала Алла. — Был командир, а теперь повар... Стесняется.

Повар спрыгнул с возвышения и, достав из ящика длинный нож, принялся точить о красный кирпич. Нож взвизгивал, поблескивал в его руках. Витька встал из-за стола, взял миску и подошел к повару.

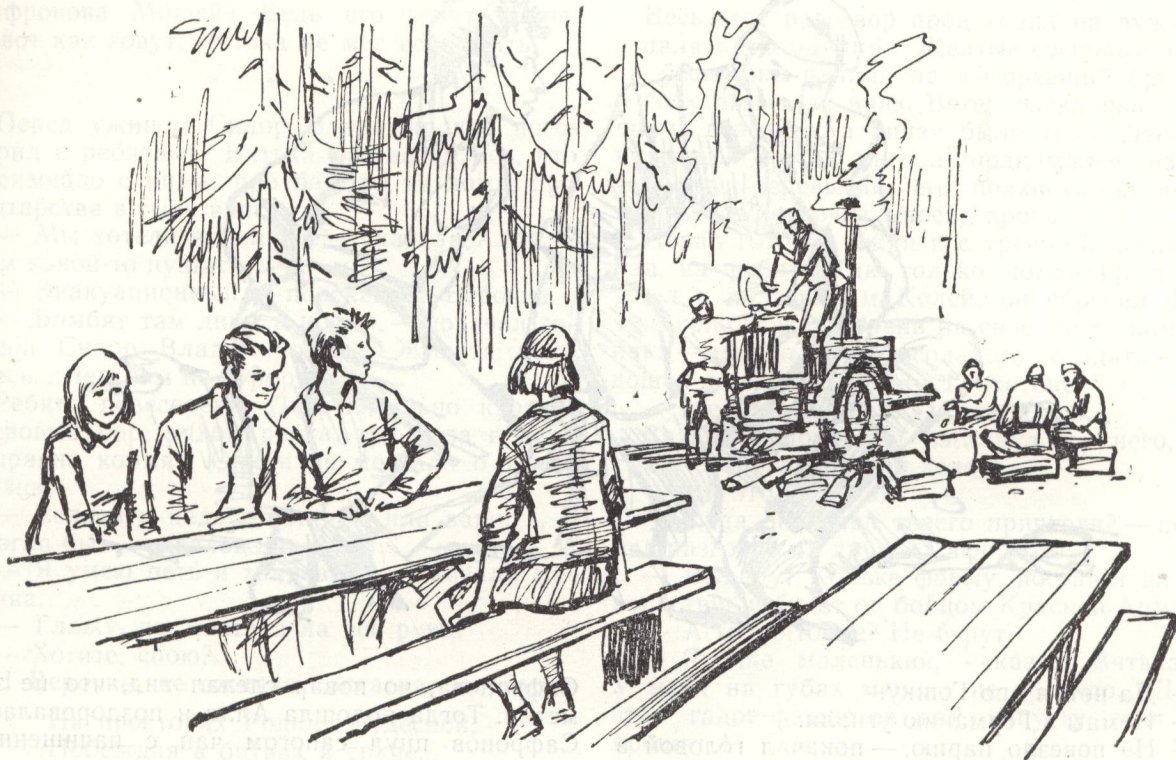
— Можно добавки, товарищ Сафронов? — спросил он.

Повар поднял голову и улыбнулся.

— Старые знакомые...

— Разжаловали? — спросил Витька.

Сафронов взглянул на бойцов и мигнул: мол, отойдем в сторонку. Они присели на поваленное дерево с обрубленными сучьями. Повар достал махорку, газету, зажигалку, сделанную из винтовочной гильзы. Витька еще не видел таких зажигалок.

— Куришь? — спросил Сафронов.

Витька отказался. Он несколько раз пробовал, но так и не привык. От курева было противно во рту и болела голова.

— Не ожидал вас здесь встретить, — сказал Витька.

Сафронов аккуратно скатал сигарку, чиркнул зажигалкой. Затянулся и с удовольствием выпустил клубок сизого дыма.

— Гора с горой не сходится, а человек с человеком...

— Мы Ладонщикова встретили. Раньше он был майор, а теперь подполковник, — сказал Витька.

— А я вот пошел на понижение... Еще хорошо, что не угодил в штрафной батальон.

— Бывает, — сказал Витька и деликатно замолчал. Неудобно человека расспрашивать. Может быть, ему самому неприятно вспоминать. Надо — сам расскажет.

И Сафронов рассказал:

— Два дня всего и побыл-то у стариков... Как война грянула, скорее в часть. Да разве доберешься? Немцы наступают, берут город за городом. Прибился я к одному полку, а тут беда — попали в окружение. Несколько раз нарывались на немцев. От полка не осталось и роты. Пришлось документы спрятать в лесу. Командиров и коммунистов расстрели-

вали без разговоров... Несколько человек нас выкарабкалось. Перешли линию фронта, а свои встретили с недоверием. Оно и правильно, люди приходят из окружения разные. Поди разберись, кто тут свой, а кто чужой. Да еще без документов. Вот и определили пока на кухню...

Витька слушал Сафронова и думал, что вот как в жизни бывает, был человек боевым командиром, а стал полковым поваром! Когда они повстречались у реки Вишенки, старший лейтенант был совсем другим: бравый, со строевой выправкой, веселый, весь в желтых ремнях и с пистолетом, а сейчас — в этом фартуке и колпаке. Движения медлительные, голос ровный, спокойный, ходит переваливаясь, как утка, и, кажется, даже ростом меньше стал. Переживает, наверное, здорово...

— Хотите, мы скажем командиру полка, что вы старший лейтенант? — сказал Витька. — Он нам поверит!

— Откуда ты знаешь его?

— Помните Сашку Ладонщикова? Ну, еще такой толстый... Он тоже был с нами. Так это его родной дядя.

— С вами еще был черненький...

— Это Гошка Буянов, — сказал Витька.

— И где он теперь?

— Сашка-то?

— Да нет, я про Гошку.

— Немцы в Германию угнали.

— Не повезло парню, — покачал головой в белом колпаке повар. — Как же он так?

— Сдрейфил он, — сказал Витька.

Ему не хотелось говорить про Буянова, и он замолчал. Сафронов тихонько тюкал наточенным ножом по стволу. На толстой серой коре оставались насечки. Витька заметил на лбу повара небольшой красноватый рубец. Раньше его не было.

— Знаешь что, — помолчав, сказал Сафронов. — Ты пока ничего не говори командиру полка... Вечером после ужина мы с тобой все как следует обмозгуем.

— Ладно, — пообещал Витька.

— Миша! — позвал повара один из бойцов, чистивших картошку. — Принимай продукцию...

Сафронов взглянул на Грохотова и встал.

— Долго тут будете?

— Пока не прогонят, — усмехнулся Витька.

Сафронов отправил бойцов на речку за водой и снова повернулся к Витьке.

— У нее вроде бы коса была? — спросил он, кивнув на Аллу.

— Фашист отрезал, — сказал Грохотов.

— Вот сволочи!

— Одного нашего убили.

— Рыжего?

— Вы его не знаете, — сказал Витька.

Алла, Коля и Верочка все еще сидели за столом и разговаривали. Коля тоже узнал

Сафронова, но повар сделал вид, что не заметил. Тогда подошла Алла и поздоровалась. Сафронов пнул сапогом чан с начищенной картошкой и усмехнулся.

— Смешно, что я стал поваром?

— Вы прекрасно кашу сварили, — сказала Алла.

— Честно говоря, мне куда приятнее было бы делать бифштексы из фашистов.

— Но вас, как большого специалиста, не отпускают на фронт?

— Вы стали совсем взрослая, — сказал Сафронов и с любопытством посмотрел на Аллу.

— Шпиона-то поймали? — спросила она.

Сафронов достал из чана картофелину и принялся внимательно рассматривать.

— Бездельники, — сказал он. — Разве так чистят? Для себя и то не могут постараться.

— Я так и знала, что не поймаете.

— Парашютиста? — вспомнил Сафронов. — Скрылся.

— Так как насчет добавки? — спросил Витька.

— Это пожалуйста! — повар поднялся на прицеп и, поддев половником кашу-размазню, плюхнул в Витькину тарелку. — Кто еще хочет?

— Благодарю вас, — сказала Алла.

Витька уселся за стол и стал есть. Каша была из гречневой сечки с мясными консервами. Алла права, каша вкусная. Витька ел размазню и раздумывал, почему боец назвал

Сафронова Мишей? Ведь его зовут иначе. А вот как зовут, Витька не мог вспомнить.

* * *

Перед ужином Сидор Владимирович поговорил с ребятами. Витька рассказал все, что произошло с ними: про бегство из дома, про мытарства в тылу врага.

— Мы хотели в Бологое, — сказала Алла. — Там какой-то пункт.

— Эвакуационный, — подсказала Верочка.

— Бомбят там днем и ночью, — покачал головой Сидор Владимирович. — Живите пока здесь... Чем вам не курорт?

Ребята повеселели. Действительно курорт: сосновый бор, рядом речка, три раза в день исправно кормят. Они и не мечтали о такой жизни.

— Если что надо постирать или зашить, я смогла бы, — предложила Алла.

— Я умею петь и танцевать, — сказала Верочка.

— Гляжу, вы мастера на все руки!

— Хотите, спою?

И Верочка, не ожидая согласия, затянула:

На просторах Родины чудесной,
Побеждая в битвах и труде...

— Побеждая? — усмехнулся подполковник.

— Закаляясь, — поправила Алла.

— Это ближе к истине, — сказал Ладонщиков.

— А вы, орлы, что умеете? — спросил Ладонщиков. Он немного повеселел. — Наверное, акробаты?

— Я знаю немецкий, — сказал Коля.

Подполковник живо заинтересовался.

— Говорить, читать по-ихнему сможешь?

— У меня не было практики, — замялся Коля.

— Он понимает все, что они говорят, — поддержал приятеля Грохотов. — Даже когда по радио.

— Что же ты раньше-то, дорогой мой, молчал? Я погибаю без переводчика. Был один в штабе — отозвали в дивизию. Сколько тебе лет?

— Скоро семнадцать, — не сразу ответил Коля и покраснел. Он в первый раз соврал.

— Пошли в штаб, — хлопнул его по плечу Ладонщиков.

— У меня разряд по стрельбе, — сказал Витька Грохотов. — И по боксу...

Но подполковник не обратил внимания на его слова. Он обнял Колю за плечи и увел с собой.

— Длинный в сорочке родился, — с завистью сказал Витька, глядя им вслед.

Весь этот разговор происходил на лужайке у палатки командира. Желтые сосновые иголки бесшумно падали на выгоревший брезент и соскальзывали вниз. Ветер раскачивал верхушки деревьев, а внизу было тихо. Дым из кухонной трубы свечой поднимался вверх, там, над деревьями, его подхватывал ветер и, развеив в клочья, уносил прочь.

Повар готовил ужин и с тревогой поглядывал на ребят. Как только командир полка ушел с долговязым Колей, он сбросил фарфур, колпак и, поставив на свое место помощника — маленького косолопного солдата — пошел к расстроенному Грохотову.

— Не проболтался? — спросил он.

Витька недоуменно взглянул на него, не сразу сообразив, в чем дело.

— Вы это про что?

— Куда он повел твоего приятеля? — перевел разговор на другое Сафронов.

— Выдадут Кольке форму, поставят на довольствие и будет он бойцом Красной Армии...

— А тебя что же? Не берут?

— Я еще маленький, — сказал Витька. — У меня на губах молоко не обсохло... Да я этих гадов-фашистов как капусту стал бы крошить!

— Тут рядом березнячок, там земляники полно... Прогуляемся?

Витька пожал плечами: ему было все равно.

Навстречу попался молоденький шофер, у которого разбомбило машину. Через плечо скатанная шинель, в руках вещмешок и карабин.

— Ты куда это, Миша? — спросил он. — Я тут разбежался, думал, ты мне запросто, как своему корешку, отвалишь две порции...

На Витьку шофер и не смотрел, будто его тут и не было.

— До ужина еще два часа, — сказал повар.

— Получил новое назначение — ординарцем к комполка, — тараторил бывший шофер. — Наездился я, Миша, теперь буду бате сапоги чистить... Работенка не бей лежачего.

Новоиспеченный ординарец, ухмыляясь, направился к палатке командира, а Сафронов и Грохотов по едва заметной тропинке углубились в лес.

Земляника пряталась под небольшими кружевными листьями. На солнце ягоды были маленькие и сладкие, в тени — рыхлые, крупные. Витька ползал по земле на коленях и рвал вкусную землянику. Белые березы с черными родимыми пятнами тихо шумели над головой. Солнце опускалось за лесом, и длинные тени опрокинулись на земляничную поляну.

Рядом рвал ягоды Сафронов. Пилотку он заткнул за ремень, и светлые волосы спустились на лоб. Он клал в рот сочные ягоды и даже причмокивал от удовольствия.

— Целина, — говорил он. — Кроме меня, здесь никто не бывает.

— Я всем теперь расскажу про эту поляну... — отвечал Витька. — Весь полк сбежится и не оставит ни одной ягоды.

— Не расскажешь...

— Девчонкам-то можно?

— Вот и доверь тебе тайну.

— Какую тайну?

— Я весь состою из тайн... — рассмеялся Сафронов. — Да, ты мне не рассказал, как вы перебрались через линию фронта. Когда мы переходили, пять человек погибли.

— Где вы переходили? — спросил Витька. — Через болото?

— Оно ведь непроходимое.

— А нас дядя Кондрат провел. Он знает тропу.

— Кто это такой дядя Кондрат?

— Из Шершнева... У него на доме вместо трубы — жестяное ведро.

— А мы поперли напролом... Пятерых и недосчитались.

— Жалко, что мы в тылу не встретились, — сказал Витька. — Дядя Кондрат и вас бы переправил.

— Жалко...

Витька перестал рвать ягоды и посмотрел на Сафронова.

— Как вы думаете, сколько мне лет?

— Ну, пятнадцать.

Витька даже сплюнул от огорчения.

— И военком столько же дал... Как сделать, чтобы выглядеть старше?

— И охота тебе на фронт? Без рук без ног останешься или совсем убьют.

— Я их ненавижу, фашистов проклятых, — сказал Витька. — Глаз у меня верный, знаете, сколько бы я их убил?

Он хотел было похвастать, что у него есть браунинг, но раздумал: кто знает этого Сафронова? Еще отберет.

— Так-то просто, думаешь, убивать? — усмехнулся Сафронов.

— Там, в Шершневе, был склад боеприпасов... Я рассказал летчикам, и они разбомбили. И на станции тоже разбомбили их танки. И одну бомбу сбросили на комендатуру. По моей просьбе. Там гад один был — полицей Семенов.

Витька замолчал, обнаружив под тонкой березой настоящую россыпь крупной сладкой земляники. Он срывал сразу по несколько ягод и отправлял в рот. Руки стали мокрыми от сока. Давно Витька не ел с таким удовольствием ягоды. Когда они в стакане, не такие вкусные, а на корню — объеденье!

— Рассказывай дальше, — сказал Сафронов.

— Чего рассказывать?
— Кого ты еще разбомбил?

— Я! Это летчики, — сказал Витька. — Знаете, какие у нас штурмовики? Утюжат немцев почем зря! Летают над самым лесом. И бомбы бросают точно в цель. И «мессершмитты» ничего с ними поделаться не могут.

— Можно подумать, что ты летал на них... — усмехнулся Сафронов.

— Я их руками щупал.

— Где ты так врать научился?

Витька оторвался от ягод и обернулся к повару.

— А я на аэродроме был... И ребята. Почему вы мне не верите?

— Никакого там аэродрома нет, — сказал Сафронов. — Я ведь тоже в тех местах был.

— Значит, это был мираж... — усмехнулся Витька.

— Не такие немцы дураки, чтобы терпеть у себя под носом военный аэродром!

— Пройдете в ста метрах и ничего не заметите, — сказал Витька. — Маскировка будь здоров.

— Это сразу за березовой рощей?

Витька с любопытством посмотрел на него.

— Сдался вам этот аэродром.

— Никак не могу понять: трепач ты или...

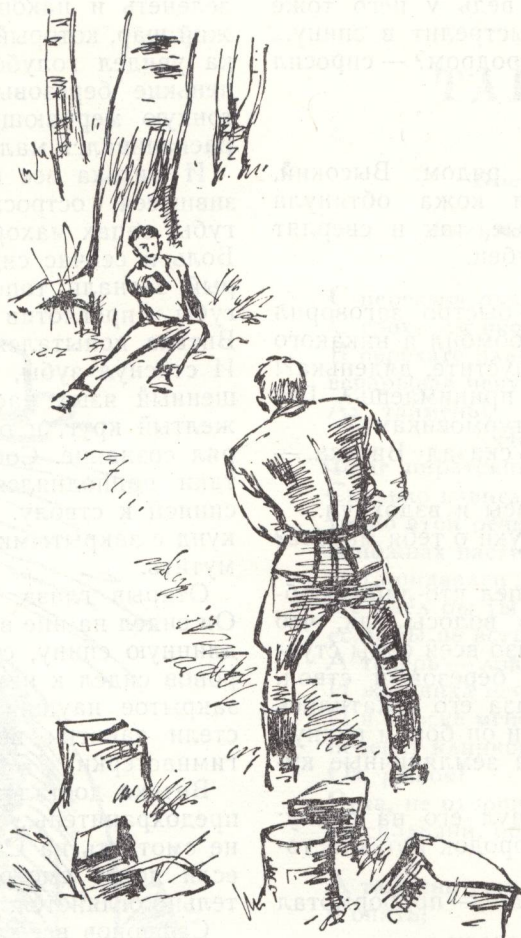
— Я молчу, — обиделся Витька.

Станный какой-то этот Сафронов. Разговаривает с ним, как с маленьким. С какой стати Витька будет врать про аэродром? Вот насчет бомбы, которую командир авиационного полка обещал сбросить на комендатуру, еще можно сомневаться... Командир не такой человек, чтобы обманывать, но просто летчики могли и промахнуться.

— Я еще никогда столько ягод не видел, — сказал Витька, подползая на коленях к большой березе.

— Там еще больше, — показал в другую сторону Сафронов.

Но Витька топтался около березы. Под низкорослым кустиком в сочной зелени мер-

цали крупные ягоды.

Сафронов, хмуря светлые брови, не спускал с него глаз.

— Ну, что ты привязался к одному месту? — сказал он. — Пошли туда...

И тут Грохотов заметил в узловатых березовых корнях дупло, аккуратно прикрытое дерном с завядшей травой.

— Нора, — обрадовался Витька. — Никак барсучья?

Он отвалил дерн в сторону и в то же мгновение почувствовал, как сильные пальцы впились в его плечо.

— Вставай! — резко сказал Сафронов.

Витька успел увидеть в норе что-то небольшое, квадратное, завернутое в зеленый брезент.

— Клад! — сказал он.

Сафронов рывком поставил Витьку на ноги. Лицо у него было злое, губы сжаты.

Витька, ничего не понимая, смотрел на него. Чего это он взбеленился?

— Отпустите, — сказал Витька, пошевелив плечом, которое все еще сжимал Сафронов.

— Свалились вы на мою голову... — выругался повар.

И Витька сразу вспомнил, как его звать. Владимир! Так он назвал себя там, у реки Вишенки.

— Вас звать Володя, а вовсе не Миша, — сказал он.

— Я давно забыл, как меня зовут, — усмехнулся Сафронов.

— Не понимаю...

— Сейчас, дорогой, все поймешь...

И Витька наконец стал понимать, что происходит. Перед ним стоял никакой не Сафронов, и не повар... Это был самый настоящий шпион. Вот почему он тогда сказал, чтобы они никому не рассказывали про парашют. На этом парашюте спустился с неба он сам. И в норе никакой не клад, а его имущество...

В кармане браунинг. Он на предохранителе. Если его выхватить, то выстрелить все равно

не успеешь... Бежать! Но ведь у него тоже наверняка есть оружие. Выстрелит в спину...

— Где же находится аэродром? — спросил Сафронов.

— Не помню.

— А ты вспомни.

Сафронов стоял совсем рядом. Высокий, широкоплечий. Коричневая кожа обтянула острые скулы, глаза желтые, так и сверлят насквозь. И на лбу вспух рубец.

— Я жду.

— Я все вам наврал, — быстро заговорил Витька. — Никто ничего не бомбил и никакого аэродрома я не видел... Отпустите, дяденька?!

— Ты меня за дурака принимаешь? Где расположен аэродром со штурмовиками?

— Ничего я не знаю, — сказал Витька. — Наболтал всякого сдуру...

Сафронов взглянул на часы и вздохнул.

— Думаешь, охота мне руки о тебя марать? А что делать?

И прежде чем Витька успел что-либо сообщить, он схватил его за волосы так, что слезы из глаз брызнули, и изо всей силы стукнул головой о шершавый березовый ствол. Витька даже не охнул. Глаза его закатились под лоб, ноги подкосились, и он боком рухнул на землю, подмяв под себя земляничные кустики с крупными ягодами.

Сафронов ногой перевернул его на спину: из Витькиного рта на подбородок потекла тоненькая струйка крови.

— Черт бы вас побрал! — пробормотал Сафронов.

Эта дурацкая встреча с ребятами спутала все его планы. Во второй раз заброшенный в тыл под другой фамилией, он благополучно устроился поваром в только что сформированном полку Ладонщикова. Два раза в неделю с этого самого места он передавал на ту сторону важные сведения. И надо же так: проклятый мальчишка наткнулся на рацию, спрятанную в тайнике.

Сафронов достал пакет, развернул брезент и извлек портативный передатчик. К молодой березе была привязана антенна — кусок провода в коричневой изоляции.

Наладив передатчик, он стал отстукивать свои позывные.

Витька открыл глаза и увидел огромный желтый круг. Круг стал сужаться, розоветь,

зеленеть и наконец превратился в тугой рыжий шар, который вдруг лопнул... Потом Витька увидел голубоватое с желтым небо, маленькие березовые листья и совсем близко тонкую мерцающую нить, на конце которой раскачивался маленький паук.

И Витька все вспомнил: внезапно приблизившееся остроскулое лицо, скривившиеся губы, запах махорки и тупую боль в затылке. Боль и сейчас сидела там, будто клин, который загнули топором. Облизнув запекшиеся губы и проглотив солоноватый комок в горле, Витька попытался оторвать голову от земли. И стиснул зубы, чтобы не застонать. Прикушенный язык распух. В глазах заколебался желтый круг, и он чуть было снова не потерял сознание. Собрав все свои силы, он все-таки приподнялся на руках и прислонился спиной к стволу. Так сидел он несколько секунд с закрытыми глазами, пока не перестало мутить.

Открыв глаза, Витька увидел Сафронова. Он сидел на пне в пятнадцати шагах и, согнув длинную спину, стучал на передатчике. Сафронов сидел к нему боком. Прямо ему в ухо, закрытое наушниками, светило солнце. Блестели завитки волос, пуговицы на рукавах гимнастерки.

Витька достал из кармана браунинг, отвел предохранитель... Все это время он старался не смотреть на Сафронова, так как знал, что если долго смотреть на человека, он обязательно оглянется.

Сафронов все-таки оглянулся. И хотя заходящее солнце било в глаза, он сразу все понял. Передатчик полетел на землю, Сафронов стремительно выпрямился, и в этот момент прозвучал негромкий выстрел.

— Ожил, гаденыш... — пробормотал Сафронов, схватившись за живот. Даже издали было видно, как посерело его лицо. Он сделал несколько шагов по направлению к мальчишке, который, моргая, смотрел на него.

Не целясь, Витька выстрелил еще раз. Сафронов остановился, нагнул голову и, выставив руки, стал оседать. Он сел на землю, будто на стул. Потом опрокинулся на спину, выставив острые колени, голова задралась вверх, рот раскрылся.

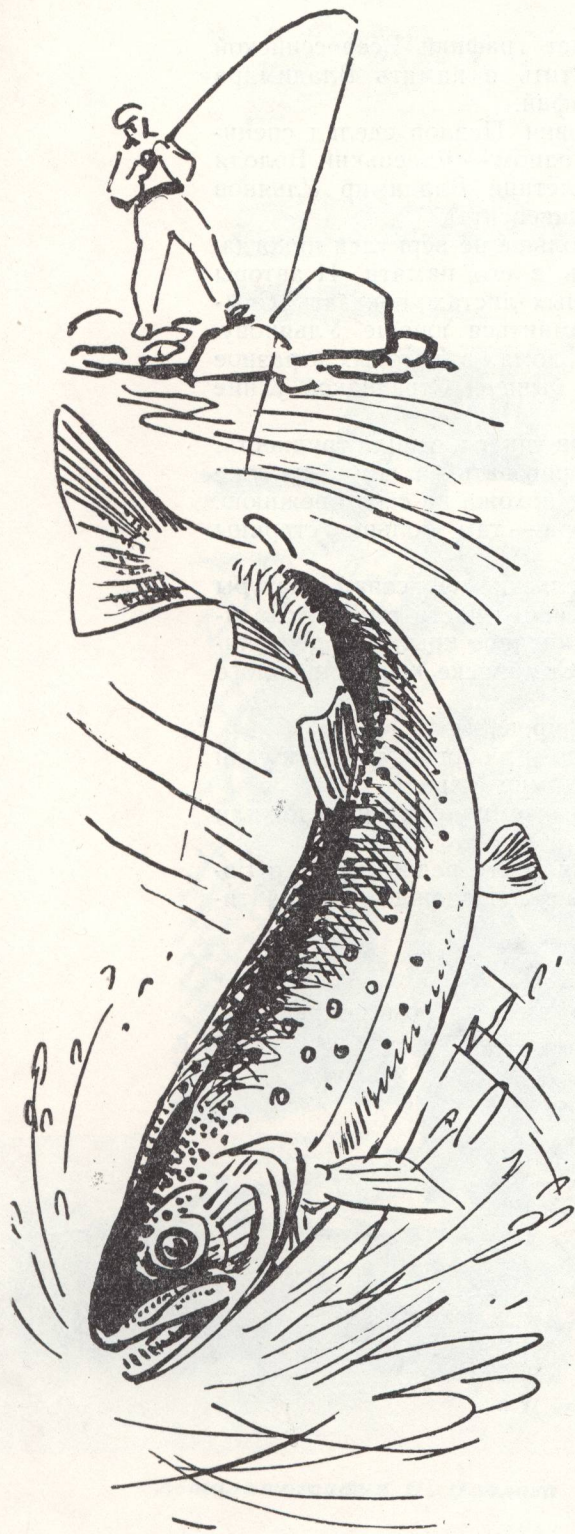
— Шпион, — прошептал Витька. — Надо же, шпион!..

Он почувствовал, что слабеет. Все вокруг поплыло, и Витька снова потерял сознание.

ТАЙМЕНЬ

Олег Тарутин

Рисунок Е. Захарова

С переката рушится вода,
С грохотом вколачиваясь в камень.
В перекаате плавает еда,
вспарывая пену плавниками.
Ах, таймень!

Полярный крокодил!
Флаг пиратский — хвост черно-багряный.
Сколько навигаций отходил
ты по этой речке безымянной?
В ножнах пасти — лезвия клыков,
лоб придавлен лобовой броней.
Не имел бы ты живых врагов,
если бы не встретился со мною...
А теперь — лови мою блесну!
И жестянка исчезает в пене.
И в броске мгновенном бок тайменей
перекат клинком располоснул.
Ох, рывок!
Рука, не оторвись,
не скользни, нога,

не выдай, леска!
А таймень уже свечою ввысь
и опять,

с многопудовым всплеском —
в глубину.

А я опять тяну.
Победить во что бы то ни стало!
Отпустить и выбрать слабину.
Ошибиться — значит, все пропало...
Снова он взлетает, невесом,
вновь торпедой в глубину уходит,
вот уже гигантским колесом
катится ко мне по мелководью.

Влево,
вправо,

ну еще назад...
Бесполезно, можешь мне поверить.
Вот уже он выскочил на берег,
бешеные выпучив глаза.
Полежи теперь на берегу,
отдышись. И я вздохну немного.
Не тянись клыками к сапогу.
Эй! Куда?

Да отпусти же ногу!
Ах, таймень, полярный крокодил,
что сапог! — залечим эту рану.
Все равно тебя я победил
в битве той у речки безымянной.

„ТЕПЛО ВСЕ КАК-ТО СДЕЛАНО“

Тридцать один год назад кабинет графики Всероссийской академии художеств решил выпустить в память Владимира Ильича Ленина серию автолитографий.

Художник Николай Александрович Павлов сделал специально для серии два портрета. На одном — маленький Володя Ульянов, на другом — семнадцатилетний Владимир Ульянов уезжает поступать в Казанский университет.

В Симбирск Владимир Ильич больше не вернулся никогда. Но родной город продолжал жить в его памяти. И авторы ленинской серии решили в остальных листах показать Симбирск — таким, каким он мог запомниться юноше Ульянову.

Прежде всего зарисовали оба дома, в которых в разное время жила семья Ульяновых: на бывшей Стрелецкой улице и на бывшей Московской.

С гимназией, где Володя Ульянов учился, вышла трудность: пришел художник Архангельский рисовать, а гимназия уже не та: перестроена, перекрашена, не похожа на себя прежнюю. Пришлось зарисовывать ее со двора — там больше старины сохранилось.

Еще Дмитрий Иванович Архангельский нарисовал с натуры спуск к реке Свияге. И Старый венец — часть города, сходящую к Волге. И еще крылечко — типичное крылечко деревянного домика, каких было много в Симбирске конца прошлого века.

Все эти рисунки были литографированы.

Художники работали старательно и любовно, так, как если бы их работу мог увидеть сам Владимир Ильич.

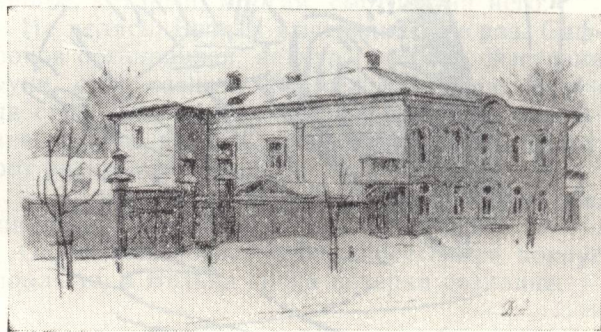
Серию отпечатали в десяти экземплярах и уложили в папки.

Одну папку инициатор издания и его редактор Петр Евгеньевич Корнилов послал в Москву, Надежде Константиновне Крупской.

Крупскую тронул подарок.

В ответном письме она писала:

«Большое спасибо. Очень мне этот альбом понравился, тепло все как-то сделано».

Автолитография Н. Павлова

ЛЕСНОЙ СЕРВИЗ

Овсей Дриз

Наш гончар знакомый
Делает из глины
Розовые кринки,
Красные кувшины,
Кружки и тарелки
Синевы небесной.
Вот как любопытно!
Вот как интересно!
На пузатый глечик
Он наносит краску
И неторопливо
Начинает сказку.
А горшки и кружки
Стали кругом тесным.
Ох, как любопытно!
Ох, как интересно!

— О далеком, давнем
Речь вести я буду.
Было очень дико
И тепло повсюду.
И росли деревья,
Разрастались травы.
Жили здесь олени,
Зебры и жирафы.
И слоны бродили
По лесам окрестным.
Вот как любопытно!
Вот как интересно!

Этой самой чашей
Проходил когда-то
Мой пра-пра-пра...

прадед
Смуглый и лохматый.
Шел и вдруг увидел
На лесной тропинке
Чудеса:
Тарелки,
Чашки,
Кружки,
Кринки!
Кто их изготовил?
Мастера не видно.
Ох, как интересно!
Ох, как любопытно!

Мой пра-пра-пра...
прадед

Сразу догадался:
Здесь прошли олени,
В глине след остался.
Здесь бежали зебры
И кабан сердитый.
И жираф пятнистый
Ставил тут копыта.
Вот следы слоновьи,
Это сразу видно.
Вот как интересно!
Вот как любопытно!

Между тем, он видит
На тропинке белки
Пьют вчерашний

дождик
Из лесной тарелки.
Зайцы пьют из кринки,
Ежики — из кружки.
И беседой мирной
Заняты зверушки:
— И шалаш и копыта
Смастерили люди.
Но еще не знают люди
о посуде.
Ничего об этом
Людам не известно.
Просто — любопытно!
Даже — интересно!

Мой пра-пра-пра...
прадед

Стал на колени
И склонился низко
К чашечке оленьей.
Он дождя отведаль
И сказал: «Чудесно!»
Ох, как любопытно!
Ох, как интересно!

А затем из глины
Вынув осторожно,
Он обжег посуду
В печке, как положено.
И посуда вышла —
Поглядеть завидно.
Вот как интересно!
Вот как любопытно!

Перевел Г. Сапир
Рисунки Т. Канустиной

НЕВЕРОЯТНО НАСЫЩЕННАЯ ЖИЗНЬ

ПОВЕСТЬ

Вадим Фролов

Рисунки И. Харкевича

Бабушка берет Василия Андреевича под руку, Витька берет его за руку, и они идут по Литейному, а я еще некоторое время сижу на ступеньках этого парадного подъезда и глажу тихонько ступеньки рукой, и мне становится все как-то странно — будто это я, а будто и не я, а тот худой-худой мальчишка, который везет на саночках завернутую в белую простыню свою маму, а кругом всё так тихо и стоят вмерзшие влед трамваи и троллейбусы, и лежит посреди Литейного бомба. Лежит. И вот-вот разорвется. И троллейбус, в котором сидят замерзшие люди, взлетит на воздух...

Г. А. говорит, что самое главное в человеке — это чтобы он знал, что он хочет. Тогда человек будет на высоте. Ну, а если человек хочет... убивать? Тогда он тоже будет на высоте? Нет, это все, конечно, ерунда, и Г. А. наверняка так не думает. Я сижу на каменной ступеньке, трогаю ее рукой и думаю: вот здесь сидел мой папа. Ему было тринадцать, столько — сколько мне сейчас...

Конечно, они за мною возвращаются.

Продолжение. См. «Костер» № 1, 1969 г.

— Вот она, — кричит Витька, — дура! А мы ее...

— Пошли, — говорит полковник. — Чего ты тут застряла?!

— Она очень впечатлительная девочка. Я вам говорила об этом, полковник, — говорит бабушка.

«Полковник» она обязательно говорит в нос, мне даже не передать это: «по-о-н-л-л-нк-ов-ник».

— Ладно, — говорит полковник, — идите вперед, мы за вами.

Они — бабушка и Витька — идут вперед, а мы за ними.

— А ты, пожалуй, действительно... — говорит полковник.

— Ну, и ладно, — сердито говорю я, хотя сердиться мне и не на что.

— Ну и ладно, — говорит полковник. — Тебе сколько лет?

— Тринадцать... исполнилось, — говорю я.

— Мне минуло тринадцать лет... — сказал Василий Андреевич словно про себя и замолчал.

Мы шли рядом с ним в десяти, нет, пожалуй, в пятнадцати шагах за бабушкой и Витькой. Я видела, как Витька оборачивался, а бабушка поворачивала его обратно и что-то говорила ему, а он опять оборачивался, а бабушка брала его за затылок и снова поворачивала обратно.

— Понимаешь, — говорил мне полковник, — я вот старый солдат и, вроде, моя профессия — убивать людей...

— Людей? — удивилась я.

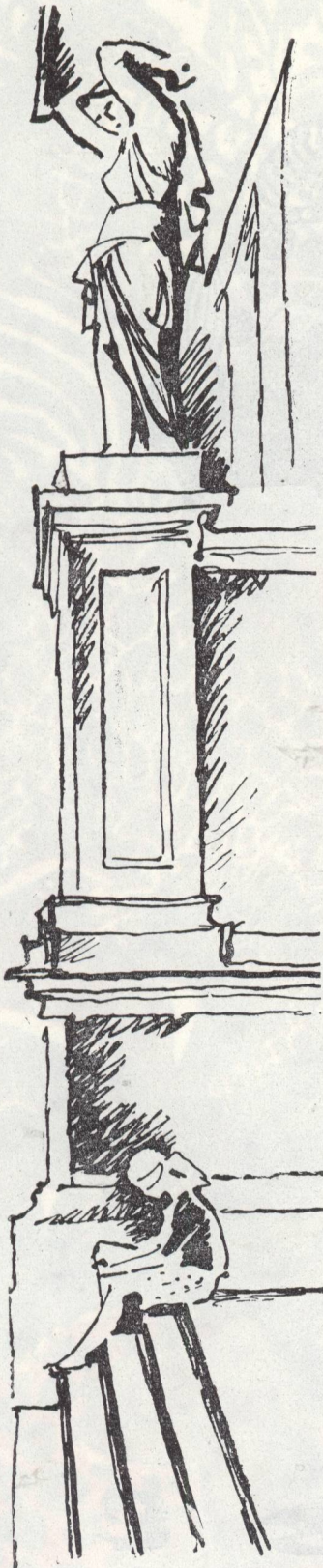
— Врагов, — сказал полковник, внимательно посмотрев на меня, — конечно, врагов...

Я задумалась.

— Ну, ладно, — сказал полковник, — тебе не об этом думать надо. Тебе надо жить, старушка. Пойдем-ка догоним их, а то обидятся. Странно, что я с тобой на такие темы разговариваю. Побежали.

Мы побежали и догнали наших. Витька был какой-то притихший, а бабушка очень громко начала говорить.

— Обратите внимание, Василий Андреевич, — кричала бабушка, — на этот дом. Почему-то считалось, что именно в этом доме жила «Пиковая дама»...

— Ну? — сказал полковник и посмотрел не на большой и довольно красивый дом, а на будку — есть такие милицейские будки: зеленые с золотом и за стеклом регулировщик.

— Да, представьте себе, какая обывательская ошибка, — кричала бабушка, — на самом деле это особняк маркизы де Шевро. Потом этот особняк купили Юсуповы — у них вообще в Петербурге была чуть ли не половина лучших домов...

— Очень интересно, — говорил полковник.

— А у нас еще в Московском районе строят зимний стадион, — орал Витька, — на двадцать восемь с половиной тысяч!

— Очень интересно, — говорил полковник.

— А настоящий дом «Пиковой дамы» совсем не здесь, — кричала бабушка. — Он на углу Гоголя и Гороховой, то есть — Дзержинского. Это дом знаменитой «усатой княгини» — Голицыной...

— И рядом с проспектом Гагарина, — орал Витька, — будут теплые бассейны — хоть зимой купайся — как в Москве.

— А куда мы так бежим? — спросил Василий Андреевич на углу Литейного и Невского.

— Действительно, Витя, куда мы так бежим? — спросила бабушка.

— Бежим и все, — сказал Витька.

Они остановились, и я подошла к ним. Глаз под повязкой очень ныл, и мне почему-то было довольно грустно.

— Это Невский? — спросил полковник.

— Да, — сказала бабушка, — это Невская перспектива...

Она хотела продолжать. Я это видела. Она хотела опять открыть рот и уже больше его не закрывать, потому что на Невском есть о чем поговорить до самой Дворцовой площади. Я тоже открыла рот, и тогда полковник взял меня за локоть.

— Что-то жарко, — сказал он.

— Газировочки бы, — сказал Витька.

Полковник посмотрел по сторонам и увидел на противоположном углу кафе-мороженое ресторана «Москва».

— Есть идея, — сказал полковник, — мы сейчас пойдем есть мороженое и пить газированную воду.

— Н-ну... — сказала бабушка.

— И шампанское. Холодное. Полусухое.

— Полусладкое, — сказала бабушка и улыбнулась.

И все-таки со мной случаются иногда неожиданные вещи: думаешь, думаешь — вот бы случилось, и случается. Не совсем так, как думаешь, но что-то около того. Мы сели за столик, а полковник (я его теперь буду называть все время полковником — так удобнее,

а то «Василий Андреевич» — слишком длинно, а «дядя Вася» — как-то сладко) пошел заказывать для нас мороженое.

— Какой отличный человек, — сказала бабушка, доставая пудреницу.

— Ага, — сказал Витька. — Дядя Вася, мне два сливочных, одно ореховое, одно земляничное и три разных! Ассорти!

— А тебе? — спросил меня полковник от буфета.

Я помахала рукой. Не потому, что я уж такая скромная, а потому, что мне действительно было сейчас все равно. Полковник кивнул. Бабушка пудрилась. Витька пыжился. А я посматривала по сторонам. Этот кусочек кафе, где продают мороженое, был совсем маленьким. Вообще-то кафе большое, но оно уходит на несколько ступенек вниз, и там люди пьют кофе и едят, а здесь, у самого входа — таким угольничком — едят мороженое и сидят мальчишки и девчонки, которые ужасно хотя бы казаться взрослыми. Девчонки громко смеются, щурят глазки и незаметно — это они думают, что незаметно, — поправляют юбочки. А мальчишки потихоньку курят сигареты и пускают дым под стол. Я даже засмеялась: сидит с двумя девочками Коля Иванов — он сейчас в десятом — такой важный, его все побаиваются, мне-то его бояться нечего — он меня даже и не знает.

Ну, вот, он сидит с двумя девочками, слабые такие девчонки, одну я, кажется, тоже знаю, и пускает дым под стол, и такой довольный, такой храбрый. Я посмотрела на него и подумала, а как бы он пускал дым под стол там, на том парадном подъезде? Понимаю, что несправедливо, а подумала и все. И еще я подумала: а что такое доброта? Вот нажать кнопку — и никаких тебе Фуфлей, или, как его там, Фуфел, никаких тебе Хлястиков (я почему-то уверена, что этот Хлястик — подлый), никаких тебе врагов. И белобрыхых с веснушками не будет. Откуда он только взялся?! И Венки Жука не будет. Не будет и все! А Г. А.? Тоже не будет? А папы? А мамы? А полковника? А Витьки? А бабушки?

— Маша! — крикнул полковник.

— А? — спросила я, очнувшись.

— Иди-ка, помоги мне.

— Я пойду, — сказал Витька и выскочил из-за стола.

— Какой отличный человек, — сказала бабушка. Она уже кончила пудриться и начала подкрашивать губы. — В нем есть что-то аристократическое.

— Офицер... — сказала я.

— Ты злая, Маша, — сказала бабушка и убрала помаду в сумочку.

— Прости, бабушка, — сказала я. И вот тут я увидела, что какая-то девчонка машет мне из-за самого углового столика. Я присмотрелась и узнала Юльку из нашего класса, а рядом с ней, конечно, Зоенька. Я помахала Юльке в ответ, а она замахала еще сильнее — звала меня. Я развела руками, дескать, не могу, занята. Тогда она вылезла из-за своего столика и подошла к нам.

— Здравствуйте, Антонина Петровна, — сказала она очень ласково. — Здравствуй, Маша. Вы тоже мороженое едите?

— Здравствуй, Юленька, — сказала бабушка. — Я тебя давно не видела. Ты почему...

— Я только что приехала, — ласково сказала Юленька, — с юга. Я так соскучилась по Машеньке. — И она наклонилась, чтобы меня поцеловать.

— Осторожно! — закричала бабушка. — У нее... инфлуэнца!

Юленька отшатнулась. Ах, какая у меня все-таки отличная бабка.

— Ничего особенного, — сказала я, — просто насморк.

Мне даже не хочется говорить, как они лезли вокруг полковника. А он ничего не замечал и их тоже угощал мороженым. Я еле-еле съела один шарик, Витька навалился вовсю, а бабушка выпила с полковником шампанского и раскраснелась, разрозовелась, рассиропилась и начала приглашать и Юльку и Зоеньку к нам в гости. Вот и пойми ее! А Витька тоже приглашал их в гости, и полковник тоже. А я думала: я же хотела, чтобы именно они меня увидели с полковником, и ведь я обрадовалась, когда Юлька меня на ухо спросила: не меня ли позвал этот полковник — Герой Советского Союза? И я же так гордо и независимо ответила, что да — меня, и вообще... А теперь этот противный полковник хохочет с ними, как будто меня тут и нет, а Зоенька тихим голоском спрашивает, что у меня с глазом и говорит, что от всяких глазных болезней помогает бодяга...

И Витька хохочет, а бабушка улыбается, а полковник очень серьезно соглашается с Зоенькой.

А потом, потом Юленька встает и так торжественно говорит:

— Вы меня простите, товарищ полковник, тут не совсем подходящее место, но я воспользуюсь случаем. Разрешите нам, — она обводит рукой меня и Зоеньку, — от имени

класса пригласить вас к нам в шестой, простите, теперь уже в седьмой «б» на встречу с героем.

Вот дура! Я чуть не заорала от злости.

— С каким героем? — спрашивает полковник.

— Да с вами же! — говорит Юлька.

— Не знаю, не знаю, — говорит полковник, улыбаясь, — я скоро уезжаю. — И почему-то смотрит на меня.

— Полковнику надо отдохнуть, — совершенно разозлившись, говорю я. — А вы тут пристаёте...

— До свиданья, — говорит Витька, — привет.

— Заходите, девочки, — говорит бабушка так ласково-ласково, и я уже совсем не знаю, как к ней относиться.

А полковник встает и провожает девчонок до двери. Они идут и довольно кисло улыбаются. А полковник возвращается, смотрит на меня очень сердито и говорит что-то совсем непонятное:

— Ты что, Мария, на меня инвентарный номер повесила, что ли?

А я не знаю, что со мной такое — мне хочется реветь и драться. Я выскакиваю из-за столика, роняю Витькино мороженое и вылетаю на улицу. Идет себе народ, идет, смеется, разговаривает и никому до меня нет дела. И нет ни одного человека, который бы меня понял.

— Здорово! Ты почему не пришла? — слышу я какой-то знакомый голос.

Ну, что сказать?! Это какая-то фантастика. Белобрысый Семен тут как тут, как будто его звали.

— Куда? — спрашиваю я.
— В садик на Некрасова.
— Чего тебе надо?! — ору я.
— Вот чудачка, — говорит белобрысый, улыбаясь. — Как бодяга?

Провалитесь вы все пропадом с этой бодягой.

— Чего тебе надо?

— Да ничего, — говорит он, пожимая плечами, — вчера надо было, а сегодня ничего. Сегодня я тебя случайно увидел. Смотрю: стоит и ревет.

— Я реву?

— Ну, не я же.

— Я не реву.

— Ну и правильно. Чего реветь-то.

— А я и не реву.

— Я и говорю. Хочешь мороженого?

Какой-то совершенно сумасшедший парень. Я ему ясно показываю, что мне до него нет никакого дела. Подумаешь, заступилась за него. Так если на его месте был кто-нибудь другой, я бы тоже заступилась — ведь трое на одного.

— Хочу мороженого, — говорю я, — идем.

— Куда? — удивляется он.

— Сюда, — говорю я и тащу его в кафе.

— Знаешь, — говорит он, — у меня на это дело денег не хватит.

— У полковника хватит, — говорю я.

— А-а-а... ну, тогда пошли, — говорит он, и я никак не могу понять: то ли он дурак какой-то ненормальный, то ли он надо мной смеется.

Мы заходим в кафе, и я смотрю на наш столик. А там идет какой-то спор. То есть спора нет, а просто Витька и бабушка, стараясь перекричать друг друга, что-то доказывают полковнику. Наверно, какая я дура. Ну и ладно. Ну и пусть. Я иду к столику и тяну за собой Семена. В общем-то, и не тяну, а просто веду за руку, и когда я соображаю это, то мне сразу становится боязно — совсем смеяться будет. Пусть бы он сопротивлялся. А зачем? Не все ли равно. Теперь-то уже совсем все равно. И все-таки я думаю, что же я им скажу насчет этого Семена? Но говорить мне ничего не приходится. Мы подходим к столику. Витька свистит, а бабушка, улыбаясь, говорит:

— Здравствуйте, здравствуйте, юный рыцарь! Садитесь.

— Спасибо, — говорит Семен, — здравствуйте, — и весь расплывается в улыбке, и веснушки бегут куда-то во все стороны.

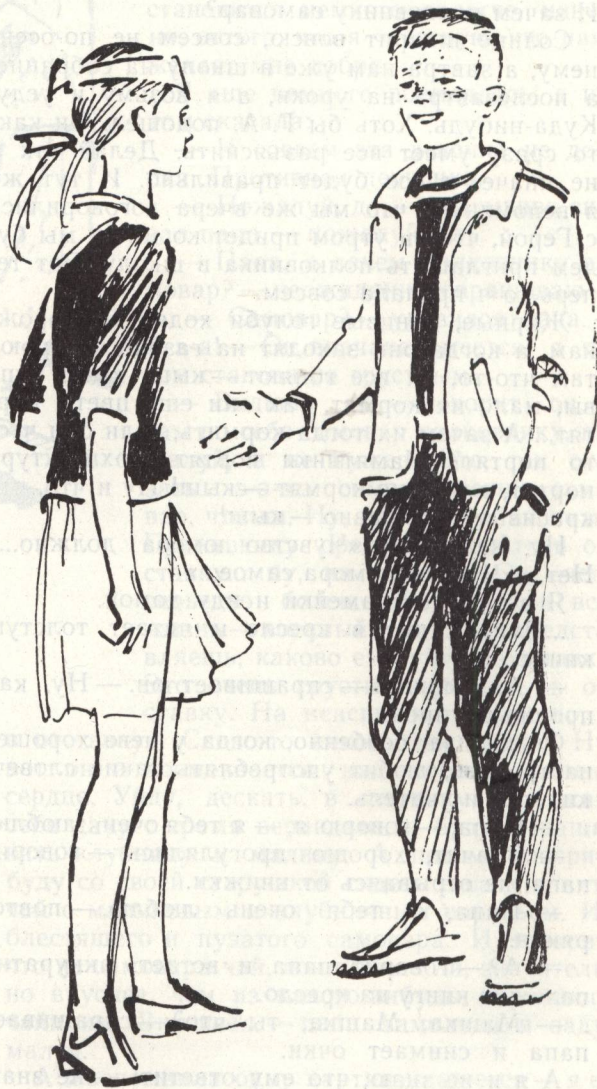
Он здоровается за руку с Витькой, кланяется бабушке, и она протягивает ему руку, а он ее очень вежливо пожимает, потом он смот-

рит на полковника, и тот встает и протягивает ему руку, и он, этот белобрысый, очень серьезно ее пожимает, а потом усаживает меня, а сам говорит «минуточку» и, спросив разрешения, берет за соседним столиком стул и усаживается рядом со мной как ни в чем не бывало. Потом он лезет в карман, достает какие-то жалкие пятаки и спрашивает меня, что ты, то есть — я, хочешь, то есть, что я хочу?

— Не беспокойтесь, — говорит полковник и идет к буфету.

— Сегодня совсем летний день, — говорит бабушка.

— Но уже все-таки чувствуется осень, — говорит этот Семен, а я сижу и ничего не понимаю — что они: действительно знают его и меня разыгрывают, или я вообще дура, а он...

— Катись, — говорю я.
— Ты мне? — спрашивает он спокойно.
— Не бабушке же, — говорю я.
— Знаешь что, Мария, — холодно говорит бабушка, — это ты можешь ка-тить-ся. А молодой человек останется.

— Ну, не надо так, — говорит этот с веснушками и встает.

Вылетая из кафе, я вижу, как полковник, поставив на стол две вазочки с мороженым, кладет руку на плечо этому телепатику и что-то говорит ему. И тот садится и начинает есть. А уж в окно я вижу, что у него очень серьезный и озабоченный вид и полковник и бабушка что-то усиленно говорят ему, а он ест мороженое и качает головой...

...Я сижу в садике на Некрасова и не знаю, как я там очутилась. Ну почему, почему мне сегодня так плохо? И почему все такие злые? И зачем полковнику самовар?

Солнце шпарит вовсю, совсем не по-осеннему, а завтра нам уже в школу на собрание, а послезавтра на уроки, а я возьму и уеду. Куда-нибудь. Хоть бы Г. А. подошел. Он как-то сразу умеет все разъяснить. Делай так и не иначе, и все будет правильно. И тут же я вспоминаю, что мы же вчера договорились с Герой, что он утром придет ко мне и мы будем приглашать полковника в школу. Вот теперь-то я пропала совсем.

Жирные, ленивые голуби ходят по дорожкам, а когда они заходят на газоны и клюют там что-то, их все гоняют — кыш, кыш! Ишь вы, мало их кормят, так они еще цветы портят... А зачем их тогда кормить, если они что-то портят? Памятники портят, архитектуру портят, а их еще кормят — кыш! Ну и что, что красивые? Все равно — кыш!

Ну, как это? «Чувство юмора должно...» Нет... «Чувство юмора самое...»

Я встаю со скамейки и иду домой.

...Папа сидит в кресле и читает толстую книгу.

— А, пришли! — спрашивает он. — Ну, как прошвырнулись?

Он иногда, особенно, когда у него хорошее настроение, любит употреблять такие словечки, хотя и учитель.

— Папа, — говорю я, — я тебя очень люблю.

— Значит, хорошо прогулялись, — говорит папа, не отрываясь от книжки.

— Папа, я тебя очень люблю, — повторяю я.

— А? — говорит папа и встает, аккуратно положив книгу на кресло.

— Машка, Машка, ты что? — спрашивает папа и снимает очки.

А я и не знаю, что ему ответить — не знаю

и все. Что-то со мной случилось за эти два дня, а что — я никак не могу понять. Я и злюсь на себя, и почему-то мне себя жалко, и еще какие-то трудные мысли вертятся в голове медленно и тяжело, как мельничные жернова. Какие-то серьезные и важные мысли — о людях, о жизни, о войне, о том, что люди почему-то умирают, о дружбе, о любви — в общем, обо всем. Но ни одной мысли я не могу высказать, потому что не подбирается слов — мысли какие-то бессловесные, а крутятся и крутятся.

— Что-нибудь случилось? — встревоженно спрашивает папа. — Где все остальные?

— Ничего не случилось, папа, — я стараюсь говорить спокойно, но чувствую, что голос у меня дрожит, — ничего не случилось, остальные... едят мо... мороженое.

— Вот оно что, — озабоченно говорит папа. — Ты, наверно, устала, иди приляг.

Ничего я не устала, но я молча киваю и иду в свою комнату, сажусь на подоконник и смотрю в окно, и уже ничего не думаю, а так лениво сижу на подоконнике и смотрю в окно на машины, автобусы и людей.

Через некоторое время ко мне заходит папа. Он становится рядом со мной и тоже начинает смотреть в окно. А потом говорит задумчиво:

— Вот был у меня случай перед самой войной. Очень мне нравилась одна девочка из нашего класса. И однажды мы пошли с ней в Таврический сад. Детского катка тогда там еще не было, и мы — мальчишки и девочки — катались на каналах и на пруду. А надо сказать — я катаюсь неважно: мне совсем недавно подарили коньки — были раньше такие коньки «английский спорт» — они привинчивались к обыкновенным ботинкам и выглядели как толстые металлические линейки. А у той девочки были «снегурочки» — сейчас таких тоже нет. Лед на каналах был плохой, вперемежку со снегом, но на таких коньках можно было кататься довольно сносно — у них были широкие лезвия. Ты слушаешь?

Я кивнула. Чудной он, папа; ну при чем здесь какие-то «снегурочки»?

— Ну, вот. Девочка была очень хорошая, такая милая девочка, скромная, добрая и, знаешь, очень, очень хорошенькая, — это папа сказал почему-то шепотом и сделал круглые глаза. — И я, конечно, старался как мог, чтобы не ударить лицом в грязь. Понимаешь — я только-только научился немного ездить назад, даже перебежка у меня немного получалась. Я и решил, — папа хмыкнул, — пофорсить. Ехал, ехал задом и посматривал на нее. Вижу, она улыбается. Ай да я, — думаю, —

что за я! И вдруг — раз! И очутился по пояс в воде. Там, оказывается, почти у самого берега была небольшая прорубь — я в нее и влетел. И стою, высовываюсь из этой проруби, как суслик из норы, и ничего не соображаю.

Я засмеялась. Папа очень довольный посмотрел на меня и тоже засмеялся, а потом вздохнул.

— Это мне сейчас смешно, а тогда — ой, ой. Кругом все хохочут, а она стоит и ну просто заливается... Я кое-как вылезла из проруби, вода с меня течет, и выгляжу я как жалкая мокрая курица, а она хохочет, и все маль-

чишки и девчонки хохочут, а один — это, понимаешь, был мой соперник — прямо ржет, довольный такой, и кричит мне, что, дескать, дофорсился, а сам раскатывается вокруг нее, а потом берет ее за руку и они уезжают, а я мокрой курицей бреду домой, и мне, естественно, попадает от мамы. И в довершение всего я, естественно, заболеваю и никто не приходит меня навестить. А?! — папа сказал это так возмущенно, как будто он только сейчас вылез из проруби. — Каково?! Просто жить не хотелось.

Хитрый у меня папка, но я-то все его хитрости вижу насквозь. И хоть этот случай совсем не похож на то, что сейчас со мной, мне все-таки становится немного полегче, наверно, оттого, что я чувствую, что папа желает мне добра.

Я еще немного посмеялась, а потом сказала:

— И совсем эта девочка не добрая. Противная девчонка.

— Пожалуй, да, — задумчиво сказал папа, — пожалуй, да.

— Папа, а зачем полковнику самовар? — неожиданно спрашиваю я.

— Самовар? — удивился папа. — А-а-а! — Он вначале смеется, а потом становится грустным.

— Видишь ли, — говорит он, — сам по себе самовар полковнику, пожалуй, и не нужен. Это, так сказать... э-э-э... символический самовар, что ли. Ну, как тебе объяснить? Полковнику предлагают уйти в отставку... ну, на пенсию. Он очень серьезно болен. Но ведь он всю жизнь — военный, и ты представляешь, каково ему уйти в отставку. Это очень грустно — уходить в отставку. На пенсию и то грустно, а

в отставку... Слово-то какое: от-став-ка... Ну, вот он и посмеивается над собой... скрепя сердце. Уйду, дескать, в отставку, отгрохаю себе дачу с тремя верандами и буду выращивать клубнику и малину. А потом, говорит, буду со своей старушкой сидеть в саду и пить чай с малиновым и клубничным вареньем. Из блестящего и пузатого самовара. И говорит, что из самовара чай, понимаешь ли, значительно вкуснее, чем из какого-нибудь паршивого чайника. Вкуснее... — папа замолчал и задумался.

А я вспомнила одну картину, кажется — я ее

видела в Русском музее. Сидит в саду за столом толстая и вся какая-то розовая, как поросенок, молодая тетка-купчиха и пьет чай. Блюдечко держит на пяти растопыренных пальцах и такая довольная — прямо млеет вся, а глаза выпуклые и блестящие, как у коровы, но выражения в них никакого — дура такая сытая и больше ничего... Здорово нарисовано! Художник Кустодиев, по-моему. Вспомнила я эту картину и представила себе, как полковник сидит за пузатым самоваром и держит блюдечко на растопыренных пальцах. И глаза у него... Грустные у него глаза. Очень грустные.

А папа вдруг закричал так, что я даже вздрогнула:

— Ты можешь себе представить полковника в саду за самоваром?!

— Как купец, — сказала я. — Нет, не могу.

— Вот и я не могу, — говорит папа, сердясь, — хотя, наверное, чай из самовара, да еще с клубничным вареньем — это действительно очень вкусно...

И папа вышел из комнаты. Но потом сразу вернулся.

— Да, — сказал он, — а что все-таки случилось?

— Ты про что? Про глаз? — спросила я.

— Ну, и про глаз.

— Это все ерунда.

— А что не ерунда?

— Па, — сказала я ласково, — ничего, ничегошеньки не случилось такого. Просто я, наверно, дура и чего-то не понимаю. Но я пойму, ты не беспокойся.

— Ну ладно, — сказал папа, почему-то повеселев. — Конечно, поймаешь. — И он вышел.

А скоро пришли наши. Я слышала, как они там шумели и смеялись, и мне было немного обидно, но только немного, и сидела я у себя в комнате уже просто так, из принципа.

Потом в комнату зашла бабушка и сделала, наконец, мне примочку. Она ни о чем не говорила, а только напевала про себя арию из оперетты

«Сильва»: «Помнишь ли ты, как улыбалось нам счастье?...» Уходя, она сказала:

— Очень милый этот твой рыцарь — Сенечка. Очень, очень.

— Да какой он мой! — заорала я.

— Только он немного странный. Какой-то... хм-м... толстовец. Платон Каратаев. Вот именно.

После бабушки появился Витька. И удивительное дело — совсем не ехидничал, а так покрутился в комнате, поглядывая на меня, и сказал:

— Ты, Машка, не волнуйся — глаз заживет, а этой жучинофуфлиной компашке мы с ребятами еще покажем! А этот твой хахаль ничего! Только...

Я сделала шаг в его сторону, и он испарился. Ну и ну! — подумала я, — что же это такое? Навязался на мою голову этот белобрысый! Платон... как его... Каратаев. А кто такой Платон Каратаев? Я была ужасно зла. Этому Семену я все-таки дам от ворот поворот. Решительно и беспощадно. Ишь, вообразил!

Ну, конечно, заглянул и полковник. Он подмигнул мне и уже открыл рот, чтобы что-то сказать, но я не дала ему. Я сказала:

— Знаю, о чем вы хотите сказать. Что этот Сенька хороший парень, только...

— Ну? — удивился полковник. — И совсем не это. Я хотел сказать, что если ты хочешь, можешь составить мне компанию на завтра. Я собираюсь на... фронт поехать. Поедем?

У меня даже сердце зашло. Я, конечно, поняла, что полковник хочет проехать по тем местам, где он когда-то воевал, и это было бы интересно, но две причины помешали мне согласиться. Во-первых, он наверняка предложил мне это, чтобы подлизаться ко мне... Ну, не подлизаться, не так сказала, а, ну, в общем, чтобы я не расстраивалась из-за сегодняшнего. А во-вторых, завтра ведь у меня классное собрание, и я обязательно должна на нем быть.

— Спасибо, — сказала я как можно более приветливо, чтобы он не подумал, что я поняла, почему он мне предложил это, — но я никак не могу — у меня завтра собрание. — И тут я вздохнула с сожалением.

— Жаль, жаль, — сказал полковник, и мне показалось, что ему действительно было жаль, — ну, в другой раз.

А в дверях он тоже обернулся и сказал очень серьезно:

— А что? Он и в самом деле отличный парень, только... — и помахал в воздухе рукой.

Я, наверно, так посмотрела на него одним

глазом, что он поднял руки вверх, потом покачал головой немного удивленно и вышел.

За обедом все болтали о чем угодно и со мной говорили, будто ничего и не было, и это было хорошо, а то мне уже надоело сердиться на всех и на себя.

Вечером папа с полковником ушли разыскивать еще одного своего товарища по фронту. Мама пришла поздно, и они с бабушкой о чем-то долго говорили в папиной комнате. А перед самым сном мама позвала меня к себе и мы улеглись с ней в ее постель, как бывало в моем детстве, и долго-долго разговаривали. О чем разговаривали, я рассказывать не буду — мало ли какие дела могут быть у женщин. Но мне после этого разговора стало как-то тепло и уютно. А когда я уже собра-

лась к себе, мама поцеловала меня и вздохнула:

— Ох, мало я тобой занимаюсь, доча, совсем мало...

— Ты не расстраивайся, — сказала я, — я ведь не очень плохая, да и папа мной занимается... с избытком. — Тут я тоже вздохнула, а мама засмеялась.

— Ма, — спросила я, — а кто такой Платон... Караваяев?

— Караваяев? — переспросила мама, — наверно, Каратаев?

— Ага, Каратаев.

— Это у Толстого в «Войне и мире» есть такой солдат. Очень хороший и добрый. Даже слишком добрый. А зачем тебе?

— Так, — сказала я и пошла спать. И заснула сразу.

Глава III

ИЗ СТА ЗАЙЦЕВ НЕ СОСТАВИШЬ ОДНУ ЛОШАДЬ

Значит, так. Собрание было назначено на одиннадцать, а я вышла из дому в девять. Решила немного погулять, подумать и прийти в школу пораньше, чтобы поболтать с ребятами. И, конечно же, сразу, как я только вы-

шла, начались приключения. Это просто невероятно, как мне за последние дни стало везти на приключения!

Только я вышла, а меня в подворотне уже поджидают Фуфло и Хлястик. Веньки не было.

— Здорово, — кривляясь, говорит Фуфло. — Как глазик?

— А твой? — спрашиваю я.

— Ничего, — говорит он, — проходит.

— Ну, и у меня проходит, — говорю я и иду дальше, но дорогу мне загораживает Хлястик.

— Слышь-ка, — говорит он ласково, — если ты на Веньку в школе накапаешь, то мы тебе оба глазика... — и он тычет мне в лицо двумя растопыренными пальцами.

Я не из трусливых, но тут мне стало страшновато — у него был такой противный голос и такие жуткие зеленые глаза...

— Очень мне нужно на вашего Веньку ябедничать, — говорю я, храбрясь, а сама думаю, как бы убежать, — но раз вы так, то теперь это уже мое дело. Может, и накапаю...

Хлястик и Фуфло притискивают меня к стенке, и как назло никого нет. По улице идут прохожие, но сюда и не смотрят, а кричать же я не буду. Ой, не идти мне сегодня в школу, думаю я, обязательно второй глаз подобьют.

— Ты сс-смотри, — шипит Фуфло и толкает меня в плечо.

— Только попробуй, — шипит Хлястик и толкает меня в другое плечо, и мне уже хочется зареветь во весь голос. Ужасно обидно! Какие-то подонки прямо. И когда я уже готова была зареветь, появляется, кто бы вы думали?.. Появляется собственной персоной, как чертик из коробочки... Семен! Ну, не сказка ли?!

— Привет, Маша, — говорит он и улыбается до ушей, — ты чего тут делаешь?

— Б-беседую, — говорю я.

— Мы беседуем, — злорадно ухмыляясь, говорит Фуфло и идет навстречу Семену. Хлястик тоже отстает от меня и тоже поворачивается к белобрысому.

— О чем? — спрашивает Семен как ни в чем не бывало.

— О погоде! — кричу я и даю дёру.

Мчусь до угла, заворачиваю за угол. Удрала, удрала! Ур-ра! Несусь по тротуару до следующего угла, потом... поворачиваю и мчусь обратно. Когда вбегаю под арку, вижу, что там уже никого нет, кроме дворничихи Светланы. Она подметает.

— Светлана! — кричу я. — А где мальчишки? Они только что здесь были.

— Аа-а, Машенька, — говорит Светлана. — Ну, как глазик?

— Хорошо, — говорю я, — где мальчишки?

— А-а, эти, — говорит Светлана, — да постояли, поговорили, посмеялись и ушли куда-то...

— Смеялись?! — кричу я.

— Ну да, — говорит Светлана немного удивленно, — а чего им не смеяться — такие шалопаи.

Я медленно выхожу из-под арки. Смеялись. Ха! Интересно. Прямо здорово интересно. Я-то мчалась его выручать, а он, оказывается, с ними смеялся. Правда, я не сразу бросилась его выручать, а сперва удрала, но потом-то все-таки бросилась. Позавчера бросилась и сегодня бросилась! А он, видите ли, смеялся... А?

Я задумчиво иду по улице и задумчиво сажусь на скамейку в садике на Некрасова.

Всегда я мимо этого садика проходила совершенно спокойно, а тут за три дня уже третий раз...

Потом я понемногу успокаиваюсь и только удивляюсь, чего это меня прямо заносит в этот садик? И чего это я думаю об этом Семене? Очень мне он нужен! «Все!» — говорю я себе. Сегодня же, если, конечно, увижу его, а я почему-то уверена, что увижу, обязательно скажу ему раз и навсегда, чтобы он не попадался мне больше на моем жизненном пути, иначе... иначе он будет иметь дело с Г. А., а если надо, то и с другими мальчишками из нашего класса.

* * *

По дороге я купила три больших гладиолуса. В школу пришла за пятнадцать минут до начала собрания и сразу в вестибюле встретила Г. А. Он был очень красивый. Прямо невероятно красивый, как Жерар Филипп в картине «Монпарнас-19». Я эту картину посмотрела в Ольгино — там в кино пускают всех, и до шестнадцати тоже. Г. А. был в полосатом свитере, рукава он закатал до локтя. И еще на нем были японские джинсы с каким-то драконом на заднем кармане, а на ногах новенькие отличные кеды. Он стоит в вестибюле, такой красивый и мужественный и... и ждет меня. Я это ясно вижу. И я жалею, что надела школьную форму. Ведь хотела надеть свое новое платье, но передумала. А зря — почти все девчонки и мальчишки пришли как хотели, и девчонки, конечно, фу-ты ну-ты! Ну, ладно, не это главное. Главное, что он ждет меня, а не кого-нибудь.

Я не спеша иду к нему.

— Чао, Гера, — говорю я весело.

— Здравствуй, — говорит он, не глядя на меня. — Я удивлен, — говорит он и смотрит куда-то поверх моей головы, — я позвонил

тебе, как мы обговорили, а ты взяла и ушла. Где-то шаталась, — говорит он и смотрит уже прямо мне в глаза, вернее, в глаз, потому что второй-то у меня завязан.

— Гера, — сказала я, — я не шаталась. Я... бродила.

— Бродила? — спросил Гера. — Это, по-моему, совсем отлично. Она бродила!

Он был так возмущен, что мне стало стыдно, а когда мне становится стыдно, я сразу принимаю гордый вид.

— А я очень люблю бродить, — гордо сказала я.

— Так, — сказал Гера, — вместо того чтобы продумать и обсудить, как нам пригласить твоего полковника... Коля, Коля, иди сюда!

Как с заметками? Ты подожди...

«Подожди» — это он сказал мне, а сам отошел с Колькой Матюшиным и стал с ним обсуждать что-то с ужасно деловым видом. Я, конечно, понимаю, что общественное должно быть выше личного — об этом нам толкуют чуть ли не с первого класса, но мне почему-то всегда бывает ужасно обидно, когда Г. А. забывает меня ради каких-то там заметок, собраний, секций и мероприятий. Подумаешь, заметки — я и сама их пишу, но его-то я из-за них не забываю.

А впрочем, к лучшему. По крайней мере, хоть сейчас обойдусь без нотаций. Соберусь с мыслями и что-нибудь придумаю. Нет, врать я, конечно, не буду — я абсолютно не умею ему врать, а просто придумаю, как бы получить ему объяснить, что со мной случилось вчера. И я не стала его ждать, а пошла на третий этаж к нам в шестой, нет, теперь уже в седьмой «б».

Зашла в класс, а там уже почти все и, конечно, стоит страшный шум и гвалт. Орут все сразу — каждому хочется похвастаться, как и где он провел лето и какие подвиги совершил. Помалкивают пока только новенькие, а их у нас, как мне сообщили Зоенька и Юлька, трое: два мальчишки и одна девчонка.

Ясно, что, как только я зашла, все сразу усталились на мою повязку.

— Чепуха, — сказала я, — соринка попала. — Одним глазом я посмотрела на Веньку — он сидел в углу ужасно скучный, но когда я сказала про соринку, мне показалось, что он немного взбодрился. Вот чудак, неужели он думал, что я наябедничаю?!

Я помахала рукой, дескать, все в порядке, и начала изучать новеньких.

Номер первый: длинный и скучный. Какой-то совершенно унылый мальчишка.

— Знаешь, как его зовут? — спросила Зоенька и хихикнула. — А-по-ло-гий! А?

Ну и ну! Понятно, почему он такой странный — все время трясется. И ни на кого не смотрит. Уселся в углу, трясется и что-то замышляет. Это я сразу поняла, как только Зоенька сказала мне его имя. Человек с таким именем должен быть зол на весь свет, а раз зол, значит, обязательно что-то замышляет. Правда, когда я потом рассказала об этом папе, он сказал, что я не имею права делать такие выводы. Родители назвали его так — значит, у них были свои соображения. Им — родителям — виднее. Они же его родили, а не ты.

Не хватало еще такого рожать! Сидит — трясется. И имечко — у-у! Жизнь, между прочим, показала, что я была права. Но это после.

Номер второй: очень приятная такая, полненькая девчонка с ямочками на щеках и, моему, веселая и умненькая.

— Тебя как дразнят? — спросил ее этот нахал Петька Зворыкин.

— Меня не дразнят, — сказала она, — но если ты хочешь знать, как меня зовут, то я тебе скажу. Конечно, если ты очень вежливо попросишь.

— Я не попрошу, — сказал Петька независимо, но я видела, что он растерялся, — скажите, пожалуйста, фифти-фуфти!

— Чудак, — сказала новенькая, — у тебя очень плохое произношение. Надо говорить: фефти-фюфти. Понял?

Девчонка усмехнулась так хитренько и уселась на подоконник. Отличная девчонка. И прическа у нее отличная. Интересно, как на нее посмотрит Г. А.? Зоенька и Юлька на нее уже косятся, а мальчишки незаметно поглядывают.

Третьего новенького еще не было. Гера появился вместе с Колей Матюшиным. Он сразу направился ко мне, и вид у него был такой важный и строгий, что я перетрусилась. К счастью, тут же в класс вошла наша славная Маргоша — Маргарита Васильевна, и все ра-

достно заорали: все соскучились по ней, не только я. На столе уже стоял большой букет цветов, а про свои совсем я забыла — как вошла в класс — сунула их в парту и забыла. А тут, конечно, вспомнила, достала их и протянула Маргоше. Она взяла цветы и поцеловала меня в щеку, ребята заорали еще громче, а я за спиной услышала тихое: «подлиза». Повернулась — ну, ясно, это Аполоний. Стоит сзади, смотрит на меня невинными глазами и трясется. Я ничего не ответила, только посмотрела на него так презрительно...

Наконец все уgomонились и расселись по местам, и Маргоша весело сказала:

— Ну, здравствуйте.

— Здравствуйте! — опять заорали все.

— Какие вы все стали большие, здоровые и красивые. Я очень рада вас всех видеть, — сказала Маргарита Васильевна.

— И мы тоже! — закричали мы.

— И вы тоже, — басом сказал Коля Матюшин и покраснел.

— Что тоже? — удивилась Маргарита Васильевна.

Коля почему-то ужасно смутился, махнул рукой и сел, а этот Аполоний — он сел справа от меня за соседнюю парту — выпучив свои масляные глазки, очень вежливо сказал:

— Он хотел сказать, — и он показал на Колю, — что вы тоже стали большие, здоровые и красивые...

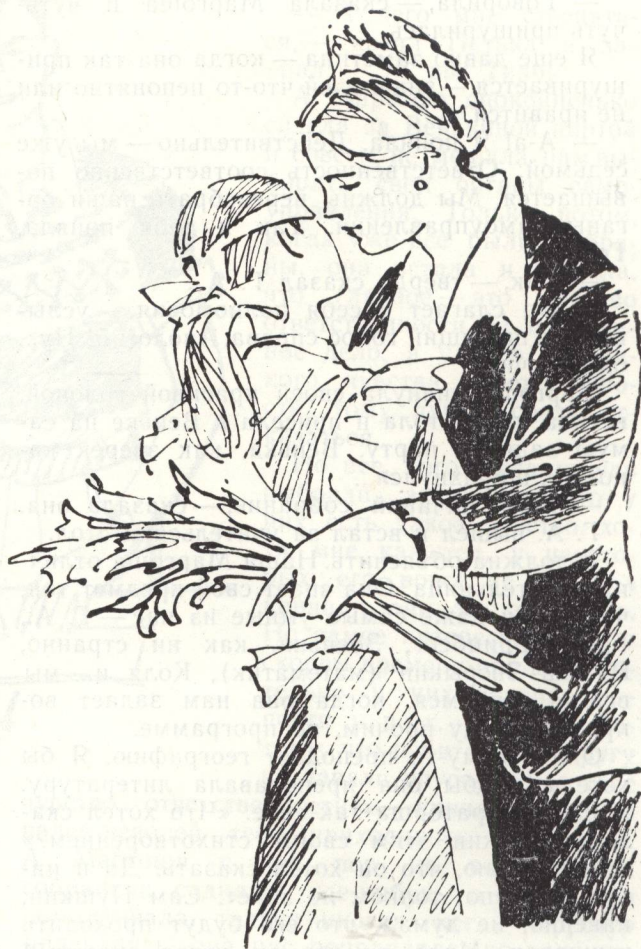
Колька погрозил этой трясучке кулаком, а Маргарита Васильевна засмеялась.

— Ну, что ж, спасибо, — сказала она.

А между прочим, наша Маргоша и верно большая, здоровая и красивая. Румянец во всю щеку — такая, в общем, русская красавица, а главное, очень добрая и умная. Я не помню, чтобы она на кого-нибудь крикнула или просто, как говорят учителя, повысила тон. (У нас была одна учительница, которая так и говорила, когда сердилась: «Вы хотите, чтобы я повысила на вас тон?») Не помню, чтобы Маргоша читала кому-нибудь нудные нотации, как некоторые. А вот умела сказать как-то так, что все сразу становилось понятно — и какой ты хороший и какой ты ужасно, ужасно плохой. И действительно становилось очень стыдно, если ты оказался плохим, и очень радостно, если ты был хорошим. И потом ей совершенно невозможно было врать. Она только посмотрит, улыбнется как-то грустно и, между прочим, немного презрительно, и ты готов хоть сквозь землю провалиться...

— Ну, ладно, — сказала Маргарита Васильевна, — давайте поговорим, как мы будем жить, товарищи семиклассники.

— Отлично будем жить! — крикнул Гриня

Гринберг и встал. — Как мы будем жить? — спросил он нас и поднял руку. Он махнул рукой и мы все гаркнули:

— Отлично!

— Ну, вот и прекрасно, — сказала Маргоша, — значит, нам и собрание проводить вроде незачем. Пойдемте погуляем.

— У-р-ра! — завопили все, но тут встал Г. А. — Конечно, мы пойдем и погуляем, — сказал он, — но все-таки мне кажется, что некоторые организационные вопросы мы должны решить сейчас.

— Правильно, — сказали хором Зоенька и Юлька.

Они всегда кричат «правильно», чтобы ни сказал Г. А.

— Какие вопросы, Гера? — спросила Маргоша.

— Ну как же, Маргарита Васильевна, — сказал Гера немного даже укоризненно, — вы же сами нам всегда говорили, что мы должны быть организованными.

— Говорила, — сказала Маргоша и чуть-чуть прищурилась.

Я еще давно заметила — когда она так прищуривается — значит, ей что-то непонятно или не нравится.

— А-а! Я поняла. Действительно — мы уже седьмой. Ответственность соответственно повышается. Мы должны переизбрать наши органы самоуправления. Так я тебя поняла, Гера?

— Так, — твердо сказал Г. А.

— Он слагает с себя полномочия, — услышала я шипящий голос справа. Аполоний! Ну... он получит!

Маргоша кивнула своей красивой головой, встала из-за стола и присела к Веньке на самую заднюю парту. Венька, как зверек какой-то, шарахнулся...

— Гера, начинай собрание, — сказала она. Г. А. вышел и встал за учительский стол.

Я должна объяснить. Наша Маргоша отличная учительница. Она знает свой предмет так, что мы, и даже самые умные из нас — Г. А., Гриня Гринберг, Зоенька, как ни странно, Петька Зворыкин (математик), Коля и... мы всегда теряемся, когда она нам задает вопросы, между прочим, по программе.

Она почему-то преподает географию. Я бы хотела, чтобы она преподавала литературу. У нас литераторша так себе. «Что хотел сказать Пушкин этим своим стихотворением?» А я не знаю, что он хотел сказать. Да и никто, наверно, толком не знает. Сам Пушкин, наверно, не думал, что его будут проходить в школах. Мало ли что он хотел сказать?! А вот читаешь его и совсем не думаешь, что он хотел сказать. Он сказал — и все. И все понимаешь. Ну, не очень-то и не всегда, но главное все-таки понимаешь... Папа о Пушкине вообще не может говорить спокойно. Он говорит:

— Я засыпал под Пушкина и просыпался под Пушкина. И вот сейчас мне много лет, а я помню, как мама читала мне на сон грядущий «Руслана и Людмилу»... «Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой...» И если ты будешь знать Пушкина — тебе захочется знать все!

И вот что интересно — по литературе у меня всегда железная четверка. По грамматике — пять, а по содержанию всегда четверка.

— Басова, как всегда, в своем репертуаре, — говорит наша литераторша Рената Петровна, — ей мало темы, которую утвердило гороно, ей обязательно надо высказать свои мысли. Это, конечно, неплохо, но надо их иметь, а Басова перепевает чужие, вычитанные из взрослых журналов. А там бывают

всякие мысли. И в них даже мы, специалисты, иногда разбираемся с трудом. А ваше дело программа!

Ничего я не перепеваю. Я просто стараюсь думать — так меня, по крайней мере, учит папа.

Но нашей Ренате — мы ее зовем «граната» — ей нужны только «взрывы». Она так и говорит: Пушкин — это взрыв нашей поэзии. Горький — это взрыв нашей прозы. «Взрыв» — она произносит шипящим голосом вначале, а потом — на «р» — она сама взрывается.

А литературу я очень люблю. Я думаю, что человек не может жить без литературы. Литературы и чувства юмора. Но это не всегда получается. У Ренаты Петровны, например, чувства юмора и не бывало. А у Маргоши — ого! Она — молодец, у нее сплошное чувство юмора — она понимает, что иначе с нами нельзя, иначе ничего не получится.

Я помню, как только Маргоша пришла к нам в класс и сказала, что она будет у нас классной руководительницей, Петька Зворыкин сказал:

— Видали мы и не таких. (У нас до этого была очень слабая классная руководительница, и мы говорили что хотели).

— Не таких видали, — сказала Маргарита, — таких, как я, не видели.

— Ну? — сказал Петька.

— Что сказал Гагарин, когда сел в свой корабль? — спросила она.

— «Поехали», — сказал Г. А.

— Правильно, — сказала она, — «поехали». Что вы знаете, например, о снежном человеке?

— Это неподтвержденная гипотеза, — сказал Гриня Гринберг.

— Я поеду на Памир! — крикнул Коля Матюшин.

— Баланда, — сказал Петька Зворыкин.

— Какое отношение это имеет к географии? — спросил Г. А.

— А что такое Шхельда? — спросила Маргарита Васильевна.

— Гора, — сказал Г. А.

— Она имеет отношение к географии? — спросила Маргарита.

— Ну... — сказал Гера.

— А к чему она еще имеет отношение? — спросила Маргарита.

— Альпинисты на нее лазают, — вдруг сказал Венька.

— Точно, — сказала Маргарита Васильевна, — а это имеет отношение к географии?

— Имеет! — вдруг заорала я.

— Не так громко, — сказала Маргарита, — но, в общем, я рада, что вы меня поняли. Да-

вайте выберем самоуправление.

Она сказала это, вышла из-за стола и уселась за парту, попросив подвинуться Веньку, с которым никто не хотел сидеть, потому что он все время мешал.

— А вы? — спросил Г. А.

— При чем тут я? — спросила Маргарита Васильевна.

— А кто же руководить будет?

— Ну, если вы очень ошибетесь, то я поручовожу, но, вообще-то, я считаю, что вы достаточно сознательны. Вот только кому вы поручите вести собрание?

Мы растерялись.

— Вот странно, — сказала Маргарита Васильевна, — вы же знаете друг друга.

И тут поднялась Зоенька.

— Я считаю, — сказала она, — что старостой класса должен остаться Гера Александров. Вот пусть он и руководит собранием.

Мне тоже хотелось, чтобы Гера остался старостой класса и руководил собранием, потому что он очень справедливый и работоспособный — что ему ни поручат — он все выполнит, и даже если ему и не поручают, он сам берется за многое и все выполняет. Мы с ним работаем в тесном контакте — я ведь уже давно председатель совета отряда. Но когда об этом сказала Зоенька, я разозлилась и сказала, чтобы собранием руководил Петька. Все вначале удивились, а потом начали кричать:

— Петька! Петька!

Наверно, всем было интересно, что из этого получится — ведь у нас раньше собраниями всегда руководили учителя или старшие пионервожатые, а тут, пожалуйста, сами. И еще, конечно, всем было интересно, как новая классная руководительница отнесется к тому, что мы вдруг взяли и выбрали этого балбеса Петьку. А она очень спокойно сказала:

— Большинство голосов за Петьку. Показись.

— Ну, я, — сказал Зворыкин, поднимаясь. Он немного растерялся, но все-таки нахально улыбался во весь рот.

— Петя, — сказала Маргарита Васильевна, — иди за мой стол и руководи. И не стесняйся.

— А чего мне стесняться, — сказал Петька и заорал: — Эй, вы! Тихо!

А Маргоша спокойненько сидела за Венькиной партой и совсем не мешала нам выбирать свои органы самоуправления. Только потом, когда уже все были выбраны, она встала и сказала, что главное — это чувство ответственности за порученное дело, а у кого нет такого чувства ответственности, тому лучше сразу отказаться.

Но все, кого куда-нибудь выбрали, закричали, что у них есть такое чувство, хотя, мне кажется, у некоторых его вовсе не было, а кричали они за компанию. Но самое интересное, что в скором времени оно действительно у них появилось — почти у всех. Наверно, потому, что ребята друг другу не давали спуску. «Где твое

чувство ответственности?» — кричали все, и волей-неволей тебе приходилось выполнять. А Маргоша с тех пор на всех наших собраниях садилась где-нибудь в стороне и помалкивала, только иногда, когда чересчур увлекались, она нас поправляла, но так, что мы этого почти не замечали.

...Вот и сейчас она села к Веньке, а Гера стал руководить собранием. Он это здорово умел, и все шло как по маслу, быстро, потому что всем хотелось погулять с нашей веселой Маргошей. И все бы кончилось совсем хорошо, если бы Г. А. вдруг не сказал, что он хочет поговорить еще по трем вопросам. Все закричали — какие там еще вопросы, все ясно и т. д. и т. п. Но Г. А. железно настаивал, и Маргарита Васильевна поддержала его.

Но только Гера открыл рот, чтобы выложить свои три вопроса, в дверь постучали и вошел третий новенький. Вы уже, конечно, догадались, кто это. Я даже не очень удивилась — от этого ненормального телепатика всего можно было ожидать,

Он вошел и вежливо сказал:

— Здравствуйте. Вы извините, что я опоздал. У меня домашние дела.

Все удивленно посмотрели на него, а он улыбнулся так дружелюбно и сказал:

— Я новенький. Меня Семеном зовут. Семен Половинкин.

— Проходи, Сеня, — приветливо сказала Маргоша.

Семен огляделся по сторонам, увидел меня и не удивился, как будто он знал, что я именно в этом классе и в этой школе учусь. И, как нарочно, сама не знаю почему, я на этот раз сидела одна и, конечно же, он сразу подошел к моей парте и уселся как ни в чем не бывало, да еще подмигнул мне и сказал так, что все слышали:

— Ну, вот и я.

Кое-кто засмеялся, а этот трясучий Аполоний проскрипел:

— А она только вас и ждала.

Тут уже все засмеялись, а Семен посмотрел на Аполония и сказал спокойненько:

— А я знаю.

— Во дает! — заорал Петька Зворыкин.

И все опять захохотали, прямо заржали все, а я от злости не знала, куда деваться, и даже не нашлась, что ответить, как бы этого воображалу посадить в галошу. Но, между прочим, злилась-то я злилась, а про себя не то что радовалась, а как-то забавно и интересно мне было, что вот он опять появился на моем жизненном пути. Ведь не буду же я в другую школу переводиться. С какой это стати.

Ну, в общем, я тут промолчала и сделала вид, что меня это все не касается. Я только посмотрела на Веньку. Он сидел с Маргаритой Васильевной на самом краешке скамейки и исподлобья поглядывал то на меня, то на Семена. Бойтся, что ли?

Г. А. постучал ладонью по столу и начал излагать свои три вопроса.

— Первый вопрос, — сказал он, — это вот что: мы с Басовой предлагаем провести интересное и полезное мероприятие. К ним в гости приехал Герой Советского Союза, полковник, а ее папа во время войны был у него ординарцем. Он был сыном полка.

Тут все стали смотреть на меня, и я ужасно застеснялась, как будто это я была ординарцем и сыном полка. Но, в общем-то, я не думала, что Г. А. вот так, не посоветовавшись со мной, возьмет и скажет об этом.

— Мы его видели, — хором сказали Зоенька и Юлька, — он ел мороженое.

— Так вот я предлагаю, — продолжал Гера, — пригласить его к нам в класс и устроить встречу. Надо будет пригласить и Машиного папу, и пусть они нам расскажут о своих боевых подвигах и о том, как защищали Ленинград.

— Пригласить, пригласить, правильно! — закричали все, а Зоенька с Юлькой опять хором сказали:

— А мы его уже пригласили.

— Вы? — удивился Гера.

— Ну да, мы, — сказала Юлька, — а что, нельзя нам проявить инициативу?

— Можно, конечно, — недовольно сказал Г. А., — но надо это делать организованно.

— А что он вам сказал? — спросил Гера.

— Он сказал, что не может, — ответили Зоенька и Юлька.

— Он так и сказал? — спросил Гера, и мне показалось, что он чему-то обрадовался.

— Н-не совсем так, но... — проямлила Зоенька.

— Мы попросим еще раз, — решительно сказала Юлька.

— А уж это, — так же решительно сказал Г. А., — если мы вам поручим.

— А почему не нам? — спросила Зоенька. — Мы же первые...

— Это мы обсудим, — сказал Г. А. — У кого какие есть предложения?

И все начали вносить свои предложения, а мне стало обидно, и я разозлилась — ишь какие, делят моего полковника и папу, как будто они им принадлежат.

— А меня вы, может быть, спросите? — закричала я.

Все посмотрели на меня, а Семен взял меня тихонечко за локоть, наверно, чтобы я не волновалась, но я уже разволновалась, и мне было все равно. Я выдернула локоть и встала.

— А я что — совсем посторонняя, да? — кричала я. — Ишь какие — делят полковника, как будто он ваш!

— Чего ты порешь, Машка? — спросил Коля Матюшин.

— Она, по-моему, немножко права, — сказал Гриня Гринберг.

— Нет, она не права, — сказал Г. А., — и я сейчас это ей докажу. Кстати, второй вопрос, о котором я хотел говорить — это то, что некоторые наши ребята за лето утратили чувство ответственности. — И он посмотрел на меня.

— Ты это о ком? — спросила я.

— Я не буду говорить, о ком. Этот человек сам знает. Я только скажу, что это имеет отношение к приглашению полковника...

— Нет, уж раз ты начал... — сказала я.

— Я не буду говорить, — спокойно сказал Гера. — Я думаю, что этот человек уже понял, — и он посмотрел куда-то в сторону.

Я-то, конечно, сразу поняла, в чем дело, но махнула рукой — не буду же я при всем классе обсуждать наши с Г. А. отношения. Ужасно он строгий все-таки, ни одной ошибки не прощает. Хотя все-таки пожалел — не сказал, что это я потеряла чувство ответственности. Да ничего я не теряла... Я села и дала себе слово молчать, что бы ни решили.

Окончание следует

СОВЕТ ДРУЗЕЙ

Юра Кулешов из Хабаровска сообщает, что хочет стать пограничником. Андрея Трофимова из Алапаевска интересует, как служат пограничники, как они ловят шпионов и диверсантов. Других ребят занимают более общие вопросы: как жить с приключениями? когда кончается детство? Писатель В. Нечаев по просьбе «Костра» встретился с Героем Советского Союза, членом Совета друзей Никитой Федоровичем Карацупой и передал ему вопросы ребят.

— Что отличает службу пограничника? Каким должен быть пограничник?

— Служба пограничника нелегка. Она очень ответственна и требует от человека самых разнообразных качеств. Пограничник должен быть решительным, смелым, энергичным, находчивым, физически выносливым. Он должен быть хорошим следопытом. Он должен разбираться в международной обстановке. Он не только воин, но и дипломат. Малейшее его неправильное действие может привести к серьезным дипломатическим осложнениям.

— Какое приключение запомнилось вам больше всего?

— За те почти тридцать лет, что я провел в погранвойсках, событий было немало. Но я расскажу об одном. Это было после войны, на южной границе. Недалеко от заставы жил мальчик Коля. Он жил с матерью, братом и сестрой, а брат и сестра были гораздо меньше его по возрасту. Чтобы помочь матери, Коля работал летом пастухом. Как-то раз он встретил в лесу незнакомца. Мужчина поздоровался с ним и спросил, где тут застава и где граница. Коля ответил, что он издалека и ничего не знает, хотя на самом деле он все отлично знал. Тогда незнакомец вытащил из кармана пистолет и навел его на мальчика. Коля попросил не убивать его, потому что матери трудно будет одной прокормить остальных детей. Но диверсанта это мало волновало. Он знал одно: мальчика нельзя оставлять живым, чтобы тот не сообщил о своей встрече на заставу. Стрелять он поостерегся — услышат пограничники. Он схватил Колю, поднял его и бросил на землю. Потом стал топтать ногами. Убедившись, что мальчик без сознания, диверсант ушел. Через час Коля очнулся и с трудом добрал до заставы. Пограничники перекрыли границу.

Никитой Федоровичем Карацупой
«Костер»

Герою Советского Союза
Никите Сергеевичу Карацупе,
автору статьи, спасибо и
не забывать

Н. Куликов

Когда мне сообщили об этом, я выехал на лошади на место происшествия.

Я увидел нарушителя в перелеске. Нарушитель побежал. Более двух километров я мчался за ним по луговинам. Вскоре стал настигать его. Впереди было болото, диверсант этого не знал, я загнал его туда. Но моя лошадь тоже увязла передними ногами в трясине. Между прочим, пистолет я подвесил на ремень под гимнастеркой, он во время преследования сорвался с крючка, и у меня не было возможности достать его. Нарушитель уже выбрался из трясины и бежал ко мне. К моей удаче, он потерял свой пистолет, пока вылезал на сухое место. Но в его руке был зажат садовый нож. Подскочив к лошади, он попытался схватить меня за ногу, это ему не удалось. Тогда он резанул лошадь по шее. Та взбрыкнулась, и мы вырвались из трясины. Мне посчастливилось вытащить из-под гимнастерки пистолет, я выстрелил для предупреждения вверх. Я не хотел пускать его в ход, потому что основная задача пограничника задержать врага живым. Я соскочил с лошади, бросил в сторону пистолет, и началась рукопашная схватка. Противник попался мне отчаянный, злой. Я думал только о том, чтоб задержать его подольше, не дать ему уйти в лес, вот-вот придут на помощь мои солдаты. А он все стремился туда, где лежал пистолет. Мы покатались с ним по земле, и я первый дотянулся до оружия. Нарушитель схватил меня за руку и принялся выкручивать ее. Мне ничего не оставалось, как выстрелить в него. Пришли пограничники, и мы вернулись на заставу. Коля находился в здравпункте. Нам важно было выяснить, тот ли это диверсант, которого встретил мальчик, или другой. Коля сообщил, что он заметил на лице незнакомца два шрама. У моего противника тоже было два шрама. Значит, это — он! Выяснилось, что мы задержали опытного агента иностранной разведки. А задержать его помог мальчик.

— Как помогают ребята пограничникам?

— У нас с ними большая дружба. Они занимаются на заставе, учатся распознавать следы. Выращивают для пограничников собак, восточно-европейских овчарок, и передают их затем на заставу. Отличившимся ребятам вручают значки «Отличный пограничник» и «Юный друг пограничника».

— Какова судьба вашей знаменитой когда-то собаки Индус?

— Индус работал со мной семь лет и погиб от пули врага.

— Как вы считаете, когда кончается детство?

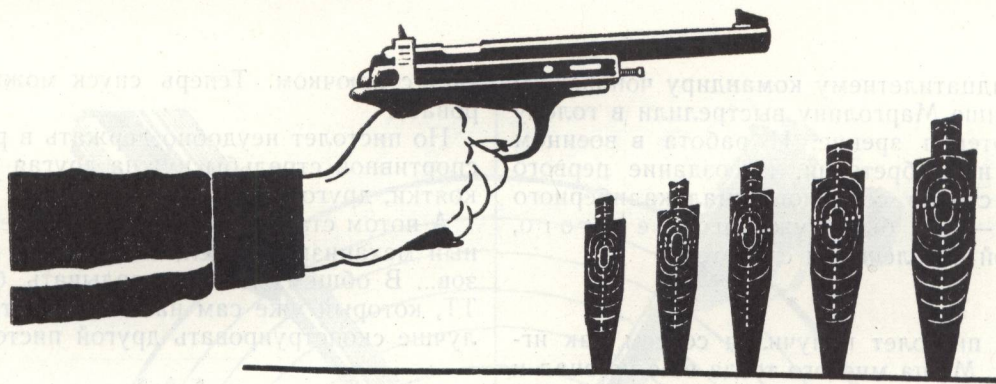
— По-разному. Бывает, оно кончается в 13 лет, бывает, и в 16. Это зависит от скорости возмужания человека, от условий жизни. Думаю, что для Коли прощание с детством началось в день первого серьезного испытания.

— Что надо сделать, чтобы жить с приключениями?

— По-моему, надо найти увлекательное занятие, тогда будут и приключения.

— Какое качество в человеке вы цените больше остальных?

— Упорство в достижении своей цели, стойкость в борьбе со всевозможными препятствиями. А большая жизненная цель должна зарождаться в детстве.

СПОРТИВНЫЙ МАРГОЛИНСКИЙ

Перенесемся на четырнадцать лет назад. Лето 1954 года. В Каракасе, столице Венесуэлы, реют флаги тридцати двух стран.

У Беннера, чемпиона прошлого первенства мира по стрельбе, результат пока лучший — и, вероятно, таким и останется. Американца уже заранее фотографируют и поздравляют.

А мы следим за стрельбой Николая Калининченка.

Вот он берет пистолет, поднимает его, кладет обратно на столик, протирает ветошью ладонь. На столике пачка патронов, отвертка, масленка. Заряжена обойма, щелк — вставлена в рукоятку пистолета, оттягивается затвор, досылается патрон в патронник. Один-два подъема руки на уровень точки прицеливания. Глухо звучит: «Готов».

«Готов!» — пять ровных хлопков — четыре секунды. «Готов!» — последний раз.

Из шестисот возможных — пятьсот восемьдесят четыре очка.

Ага, теперь уже здесь толпа!

Беннер подошел, выплюнул жевательную резинку. Взял со столика пистолет, повертел, осмотрел и удивленно спросил:

— Что за машинка? Кто делал? В какой стране?

Журналисты записывают незнакомое имя — Михаил Марголин. Советский конструктор-оружейник.

* * *

Пистолет не придумаешь, его изобрели давно. Но у нас долго не было отечественного скорострельного малокалиберного пистолета.

Стреляли из вальтера, кольта, штока. Пистолеты хорошие, но их надо покупать за границей, платить очень дорого. А стрелять хотят многие. И не только ради спортивного интереса. Пистолет нужен, чтобы готовить бойцов для армии. Какой же ты солдат, если стрелять не умеешь!

Был, правда, и свой пистолет — блюм, но он заряжался по одному патрону и для скоростной стрельбы не годился.

Миша Марголин в те далекие времена заведовал военным кабинетом в Московском ОСОАВИАХИМе (теперь ДОСААФ).

ОСОАВИАХИМ — Общество Содействия Авиации и Химии. Миша решил Содействовать в полную меру — и начал с АВИАции.

Изобрел дирижабль с самолетными крыльями, но дирижабль намного легче самолета и крылья ему только вредят — при малейшем ветре «зашвыривает».

Раз не получилось с АВИАцией, стал содействовать ХИМии. Придумал универсальный противогаз, который защищал от всех ОВ на свете. Противогаз заинтересовал специалистов. Одна беда — когда стали испытывать, оказалось, что очищенного воздуха проходит очень мало, не хватает для дыхания. Снова неудача!

В военный кабинет заходил Смирнский. Высокий строгий человек, бывший офицер царской армии, создатель первых в России малокалиберных винтовок. Всегда спрашивал: «Идеи есть? Как так нет! Оружие любишь, оружие знаешь, значит, должны быть идеи».

* * *

Михаил Владимирович Марголин дает нам рассматривать папки и альбомы с чертежами и фотографиями реконструированных им винтовок и пистолетов, а сам идет поработать в свою мастерскую.

До нас доносится визг напильника, стук молотка. Мастерская помещается в маленьком чуланчике. И хотя мы обо всем знаем, все же останавливаемся пораженные. Дверь чулана открыта, все звуки несутся оттуда, но там совсем темно!

Машинально включаем свет. Он нужен только нам...

Деятнадцатилетнему командиру чоновского отряда Мише Марголину выстрелили в голову и — он потерял зрение. И работа в военном кабинете, и изобретения, и создание первого в нашей стране серийного малокалиберного пистолета — все было уже после этого, при полной неизлечимой слепоте.

* * *

Первый пистолет получился совсем как игрушечный. Миша многого тогда еще не знал и неправильно рассчитал. Если бы из того пистолета выстрелили, его бы так шибануло, что затвор вылетел бы раньше, чем пуля из ствола. Теперь-то Михаил Владимирович знает, что вес затвора должен быть не менее двухсот граммов, а тогда он сделал его шестидесятиграммовым.

Ему помогали товарищи. Он учился.

Он узнал, как рассчитать прочность и вес конструкции, как обрабатываются металлы, что такое технология, как правильно диктовать чертежи.

А самозарядного малокалиберного пистолета в стране по-прежнему не было.

Есть боевой армейский ТТ. Марголин меняет в ТТ ствол под малокалиберный патрон. Если посмотреть со стороны дульного среза, то ствол выглядит странно — выходное отверстие не в центре, а смещено, несколько сбоку! Боевой-то патрон центрального боя, а малокалиберный — бокового огня, боек ударяет по крайней гильзы. Для того чтобы боек ударника попал в капсулю, пришлось сместить в сторону канал ствола.

Пистолет очень пригодился для подготовки спортсменов, но кучной стрельбы не давал — разбрасывал. Почему? Да потому, что конструктивной особенностью этого пистолета был «качающийся ствол». Он одновременно с откатом затвора смещался — и, возвращаясь после выстрела на место, не всегда становился точно в прежнее положение. Конечно, кучность боя качество важное, но не самое главное для боевого пистолета. По тем временам «качающийся ствол» никого особенно не беспокоил.

А спортсменам нужны очки, нужна «десятка»! И Марголин меняет конструкцию, приваривает ствол к рамке рукоятки, чтобы он оставался неподвижным.

Ну, что же, пули ложатся кучнее, хотя еще далеко не так, как хотелось бы. Спуск вот тяжелый, рука устает при нажиме на спусковой крючок, иногда получается рывок. Михаил Владимирович соединяет шарниром спусковую

тягу с крючком. Теперь спуск можно регулировать.

Но пистолет неудобно держать в руке — для спортивной стрельбы нужна другая форма рукоятки, другой угол ее наклона!

А потом стало ясно, что надо изменить ударный механизм, прицел, патронник, шаг нарезов... В общем, чем переделывать бесконечно ТТ, который уже сам на себя не стал похож, лучше сконструировать другой пистолет.

* * *

Вспоминаю время, когда у нас в команде появились плоские деревянные лакированные коробки. Каждому стрелку — коробка. Нажимаешь на две кнопки, откидывается крышка, и вдруг чувствуешь себя счастливым — ты хозяин блестящего вороненого пистолета. Берешь в руки — рукоятка удобно охватывается ладонью. Поднимаешь руку, прицеливаешься — нос не задирает и не клонит.

Одно движение — вытащить шпильку — и через несколько секунд пистолет разобран.

Груда деталей... У каждой своя форма, свои размеры. Как же мог конструктор создать все это, не имея возможности заполнить листы бумаги расчетами, не имея возможности даже вычертить схему?

Михаил Владимирович подает нам модель пневматического пистолета. Все, кроме ствола, выточенного на заводе, сделано руками стоящего перед нами человека, в этой мастерской.

* * *

Сперва Марголин делал модель. Из воска, дерева, металла. Ощупывая ее чуткими пальцами, рассказывал о взаимодействии частей. Называл каждую деталь и давал ее размеры. Потом нужны были чертежи. Чертежник сидел за доской, а Михаил Владимирович диктовал:

— Ставь в верхнем левом углу точку. Веди от нее линию, бери от этой линии дугу в шестнадцать градусов. Веди по касательной...

Решал в уме геометрические задачи. Вместо нескольких минут на задачку уходило несколько часов. Первые выкладки ярко возникали перед мысленным взором. Постепенно они нагромождались одна на другую, в голове становилось тесно. Надо оставлять основные решения, а остальное стереть, как стирают мел с доски. Затем снова накапливались горы цифр, снова оставалось главное — и так до окончательного решения.

Однажды расчеты Марголина решили продублировать. Просчитали заново — и результат не совпал. Цифры настолько отличались друг от друга, что сотрудники ахнули и долго

Мы спросили у Михаила Владимировича:
 — А кроме «спортивного марголинского» вы конструировали еще какое-нибудь оружие?
 — Конечно, — ответил он, — вот, посмотрите.

не могли уловить, в чем дело. Наконец кто-то воскликнул: «Товарищи, зачем же мы берем диаметр, когда нужен радиус!» Снова пересчитали. Устный расчет конструктора подтвердился.

* * *

Главная деталь, отличающая марголинский пистолет от других, — неподвижный прицел. Пока прицел крепили на кожухе ствола или на затворе, он хоть чуть-чуть, но перемещался. Марголин придумал соединить его с рамкой рукоятки. Это улучшало кучность боя.

Чертеж прицела делать не стали. Слесарь зажал в тиски брусок, рядом Михаил Владимирович произносит: «Семнадцать миллимет-

ров вот отсюда», — рука показывает, где просверлить отверстие. Диктуется диаметр, допустимые отклонения. И так сто с небольшим операций.

Большинство современных пистолетов создается по принципу марголинского, с прицелом, неподвижным во время стрельбы.

* * *

— Скажите, Михаил Владимирович, не пробовали вы сами стрелять из своего пистолета?

— Пробовал. Стрелял на звук. Возле мишени звонили в колокольчик. О кучности, конечно, не могло быть и речи. Но в мишень попадал. Ни одного промаха не сделал.

С. Юрьева, судья республиканской категории по стрелковому спорту

ОТКРЫТКИ из АФРИКИ

И. Войцеховский

Рисунки В. Гусева

В моей фляге — глотка три воды. Сначала ехать хорошо, дорога твердая и ровная. Потом опять ехать. Опять тащить. И, наконец, задняя камера спускает.

Сажусь под баобаб, бешено качаю, — но без толку: заплатка отлетела.

Взваливаю велосипед на плечо и тащу обратно.

Ноги вязнут, сердце стучит, как пневматический молоток, жара 50°, язык, как ращипль.

Дошел, наконец, до деревни.

На улицах ни души, все дома похожи один на другой, — где мы останавливались? Где мои товарищи?

Окончание.

Начало см. в «Костре» № 1.

Сидят под навесом. Успели высчитать по часам, что я уже подъезжаю к переправе. Выдули всю воду, которая оставалась, и страшно разочарованы моим возвращением.

Нам дарят ведро воды. Кипятим его на очаге и пьем мутный чай.

Наполняем кипятком фляги.

Рассказываем хозяевам, жестами и мимикой, что скоро здесь будет завод и дорога и большой мост через реку Сенегал.

А тем временем один прекрасный парень спешит через пески — к нашим друзьям, с нашей запиской.

Часов через пять слышим шум мотора. Едет спасательная экспедиция!

Чем ближе сезон дождей, тем чаще в нашем лагере слышится слово «Гангонтери».

Гангонтери — большая гора с крутыми склонами, изрезанная логами, поросшая лесом. На ее вершине находятся те самые месторождения, к которым мы должны подвести нашу автомобильную дорогу.

Пора нам менять лагерь. Переезжать поближе к Ган-

гонтери, чтобы меньше времени тратить на езду.

Пыль стоит столбом, похрустывает суставами на ухабах наш видавший виды газик.

На новом месте у нас мало воды: теперь мы живем далеко от Сенегала.

Не мыться вовсе после жары и пыли саванны нельзя, поэтому в узком загончике из циновок стоит на четырех столбах солдатский двадцатилитровый термос.

Из него свешивается тонкая резиновая трубка с зажимом.

Человек входит в загончик, раздевается, отпускает зажим, и на грязного, пыльного, потного человека весело бежит тоненькая струйка.

Из этой струйки ни капли не пропадает даром.

Полтора термосов обычно хватает на всех.

А когда к трубочке привязали консервную банку, пробитую в нескольких местах гвоздем, — получилось и совсем шикарно для Гангонтери.

Придя на место, устанавливаем на последней вчерашней точке теодолит и начинаем тахеометрический ход по трассе.

Юра наблюдает в теодолит, а я иду вперед с реечником-рабочим, показываю, куда ставить рейку, веду зарисовку местности.

Юра отсчитывает расстояния по дальномеру и кричит мне. Метров через двести пятьдесят — триста забиваем кол, и Юра меняет стоянку, идет к нам. А мы — опять вперед.

Так и передвигаемся целый день.

Вечером сидим, отдыхаем. Олег Анатольевич ловит приемником Москву.

Он сидит на ящике в трусах и сапогах. Вдруг видим, что по его голой ноге ползет небольшая змейка из тех, что здесь называют «пятиминутками».

Говорят, что смерть от их укуса — дело пяти минут.

Мы кричим, Олег Анатольевич подпрыгивает, приемник летит в одну сторону, змея — в другую.

Хватаем что попало — палки, топоры, вешки, но змейка удирает и прячется где-то в дерево.

Появились змеи — значит, вот-вот начнутся дожди.

Иду к холодильнику, проверяю состояние противозмеиной сыворотки, заново кипячу и дезинфицирую шприц.

Тот, кто мало ест и пьет утром только чай, очень быстро слабеет и днем не работает.

Поэтому мы съедаем за завтраком огромное количество мяса диких кабанов.

Кабанов нам приносят охотники, вооруженные длинными старинными ружьями.

Они сваливают у наших ног кабана и говорят: «Кадо!» (подарок). А мы благодарим и даем им деньги на патроны: «Кадо!»

Однажды вечером надвинулась на лагерь громадная туча, быстро стемнело, и мы увидели фантастическое зрелище — тропическую грозу.

Длинные яркие молнии кромсают небо, гром гремит без промежутков. Мы лежим под тентом на раскладушках, не спит никто.

Потом полил ливень, как из пожарного брандспойта.

Очень скоро наш обвисший брезент превратился в громадный пруд, он бурлил над нашими головами, и его удерживали от падения стальные буровые штанги, привязанные к деревьям.

Саванна расцвела под обильными ливнями. Всюду буйно поднимались травы, зеленели деревья, изо всех щелей поползли змеи, ящерицы, какие-то черви, жуки, сороконожки. Все это ползало, извивалось, заползало в вещи.

Появилось много vara-

нов — ящериц, похожих на маленьких крокодилов.

Как-то вечером, когда мы сидели под тентом и разная живность собиралась на свет нашей электрической лампочки, один из гидрологов вдруг закричал:

— Эй, кто там шланг тащит?

И мы увидели в луче фонаря не шланг, а здоровенную змею, толщиной с хорошую пожарную кишку, которая спокойно ползла к Сенегалу через лагерь.

Разумеется, никому и в голову не пришло ее задерживать.

Дима смотрит на землю и говорит:

— Ба, кто это к нам пришел?

И, перефразируя Дерсу Узала:

— Скорпион шибко хитрый люди. Его ходи тихо-

тихо — моя мало-мало слышит.

Смотрим — и видим гигантского черного скорпиона, медленно появляющегося из темноты.

Он пришел посмотреть на костер, на электрические лампочки и на нас.

Длина этого субъекта — десять-двенадцать сантиметров. Спереди большие черные клешни, а сзади, на хвосте, желтая ампула с ядом, размером с кубический сантиметр. Да, вот это зверь!

Двадцать пятое июня, последний день в лагере. Готовимся к отъезду.

Утром сворачиваем палатки и вдруг слышим отчаянный крик переводчицы Джульетты.

Джульетта сидит на земле, прижав крышкой чемодана наполовину выползшую оттуда змею.

Иду разбирать ящик с книгами. Под первой же книгой — опять змея.

Жизнь в разных формах возникла в чемоданах и ящиках, в свернутых рулонах брезентах, в темных углах палаток. В ящике с инструментами какой-то зверь вывел детенышей. Зверята маленькие, похожие на черных крысят и еще слепые.

Все-таки мы успели до дождей сделать в саванне все, что нужно.

Мы определили, что южный вариант трассы крайне неудобен: он проходит через большой лог, нужно строить высокие насыпи, мосты и водопропускные трубы.

Очень дорого, нерентабельно!

Что ж, значит, — северный.

Настала, наконец, ночь, когда мы летим над Адриатическим морем.

До Москвы осталось три часа.

Входим в толстый слой облачности, пробиваем его.

Шереметьево. Температура — плюс 13.

Очень нам холодно с непривычки.

Сегодня в тех местах, где работали советские изыскатели, уже построен цементный завод, крайне нужный молодому африканскому государству.

ДАР НЕПТУНА

А. Батуев

У берегов Уругвая тральщик ловил рыбу. По сигналу трал был поднят на палубу... Вдруг, в серебристой пульсирующей массе рыбы раздался громкий крик: «О-о-о!» Рыбаки опешили. Никогда такого не было, чтобы рыба кричала. Недаром говорят: «Нем, как рыба!»

Что же оказалось?

Вместе с рыбой трал поймал и птицу! Забавно переваливаясь и потряхивая крыльями-ластами, из груды выбрался... пингвин.

Это был еще первогодок-птенец, и по неопытности он угодил в трал.

Он доверчиво шел прямо на людей. Каждому хотелось его потрогать, погладить, а пингвин принимал эти фамильярности спокойно, с чувством достоинства. Можно было подумать, что он всю жизнь прожил на судне, настолько он был общителен.

«Пиня» был абсолютно беззлобен. Это свойство характера быстро сделало его всеобщим любимцем. Команда заботилась, чтобы их воспитаннику всегда была самая лакомая рыба и кальмары.

Целые дни Пиня важно прогуливался по палубе. Его не смущал ни шум винта, ни работа на судне. Боялся он только чаек и тогда спешил скорее под защиту людей.

Матросам нравилось, как купался пингвин в бассейне, сколько шуток и смеха вызывали его «водные процедуры!» Особенно занятно он мылся: переворачивался на спину так, что из воды торчали лапы, и тер себя ластами до скрипа.

Когда судно проходило экватор, Пиня отсиживался в рефрижераторном отделении и не страдал от душливого

зноя. Магелланов пингвин легко выдерживает очень резкие перепады температуры. Пока термометр не поднимался выше $+28^{\circ}\text{C}$, Пиня не проявлял никаких признаков беспокойства и, только начиная от $+30^{\circ}$, делался вялым и раскрывал клюв. Зато у лаза в трюм, где было $+12^{\circ}$, он мог просидеть хоть двадцать часов кряду и, по-видимому, чувствовал себя там превосходно.

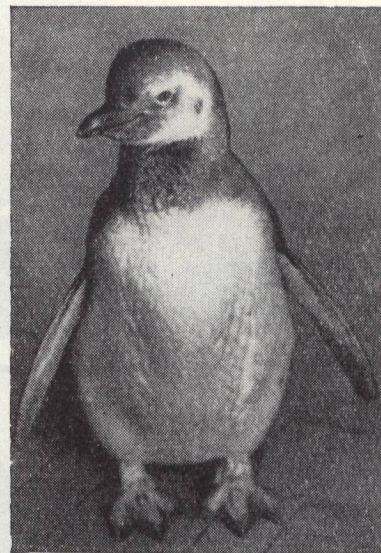
В мае тральщик вернулся в Мурманск. Пиня поселился у механика судна и часто гулял по улице со своим хозяином. Прошел месяц, механику надо было отправляться опять в плавание.

И вот уже сделан маленький контейнер для необычного пассажира. Дно контейнера заботливо выстлано мягким поролоном, чтобы Пиня не натер себе лапки. Отправляя своего воспитанника в Ленинград, механик написал трогательное письмо. Он ничего не забыл из привычек Пини. За шутливыми словами читалась большая забота и любовь к птице.

Первые дни в квартиру на улице Герцена было настоящее паломничество. Да и не мудрено: пингвин в ленинградской квартире! Но долго держать пингвина дома — нелегкая задача.

Решили обратиться ко мне. Возьму ли я пингвина?! Я даже не сразу поверил в такую баснословную удачу. Сколько лет я мечтал о пингвине, и вдруг меня спрашивают, возьму ли я! Ну конечно же, возьму, и с превеликой радостью!

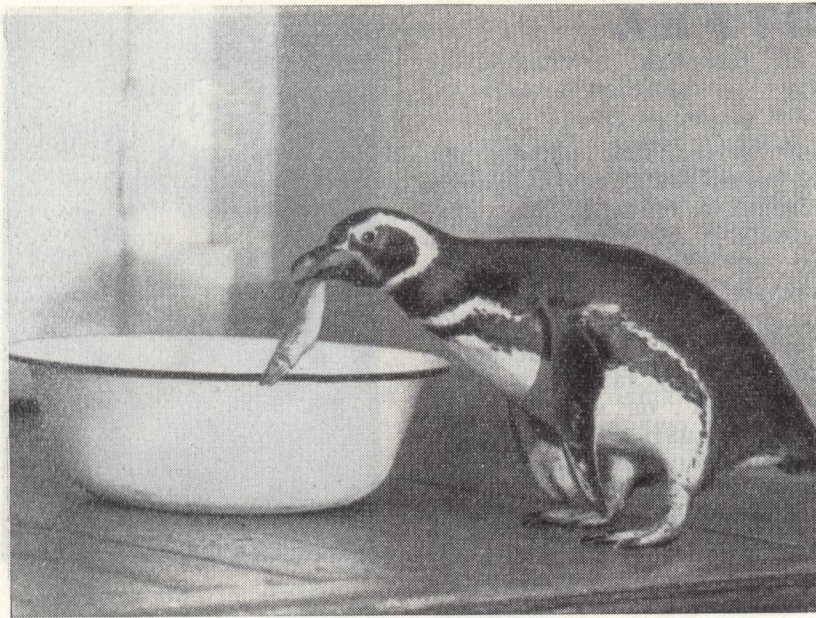
Точно в назначенное время к Дому пионеров подъехала машина. Вот выносят контейнер, в котором невозмутимо стоит Пиня. Но что это? Из

машины вынимают и детскую ванночку! Удивительно, как Пине везет на добрых людей. Может быть, оттого, что он сам — олицетворение добродушия?

Но в тесной детской ванне Пине было трудно плавать. И тогда общими усилиями ему оборудовали купальню. Кто-то достал ванну, кто-то принес шланг, нашелся и водопроводчик-любитель. Пиня с наслаждением стал купаться. Он нырял, переворачивался то на один бок, то на другой, кувыркался на спину, старательно мыл себя ластами. Он распластывался на воде и плавал, как поплавок, раскинув крылья, вытянув ноги и по-утиному потряхивал куцым хвостиком. Если в ванну бросали рыбу, он нырял за ней, ловко схватывал клювом.

Пингины едят с поразительной жадностью. Еще хвост рыбы торчит из клюва, а Пиня уже хватает следующую и глотает обязательно столово... И так до тридцати крупных рыб, не останавливаясь. Если рыба разрезана или раздавлена, то пингвин не станет есть: потеряет и бросит.

Любимая пища Пини — салака. Корюшку он ест неохотно, а плотву брезгливо отбрасывает.

Пиня одинаково доверчив ко всем и очень любопытен. Ему все надо посмотреть. Он с интересом гуляет по живому уголку, то останавливается около обезьян, то приглядывается к еноту или к свернувшейся в клубок лисице.

В одиночестве пингвин скулит. Если я сижу с Пиней, он не делает никаких попыток к бегству. Он старательно смазывает оперение жиром, чистится, прихорашивается и ложится отдыхать. Если ему жарко, то ноги вытянуты ступнями вверх, а крылья распластаны по сторонам. Если температура нормальная, то ноги и крылья он убирает под себя.

По временам Пиня подымает крылья вверх, изгибает шею дугой, словно кланяется, и в заключение чихает. Я не раз пользовался этой его особенностью, чтобы подшутить над новичками-кружковцами. Стоит только Пине потянуться и изогнуть в поклоне шею, я ему подсказываю: «Ну, чихни, не стесняйся!» — и он тотчас чи-

хает. «Вот это умница!» — поражаются новички, а юннаты дружно смеются.

О понятливости пингвина писалось не раз, но первое время я испытывал разочарование: слишком много в поведении Пини было инстинктивного. Вот он съел рыбу у одного края таза, остальная лежит с противоположной стороны. Почему же он пытается, стоя на месте, дотянуться до остатальной рыбы? Почему не догадается обойти таз вокруг?

Или, желая выйти из ванны, он делает попытки выброситься через край. Но ведь каждый раз вынимаю его из воды я. Почему же он не подплывает ко мне, чтобы я его вынул?

Оказывается, на все нужно время. Теперь Пиня деловито обегает таз, чтобы достать рыбу, и немедленно плывет к моим протянутым рукам, когда считает, что купание закончено.

Обычно Пиня съедает 600—700 граммов салаки, но вот настал день, когда он съел 1½ килограмма. На другой день я принес 2 килограмма, и за четыре часа они были

уничтожены. Пингвин буквально распух от такого количества пищи, но все равно купался и даже умудрился, согнувшись в кольцо и лежа на воде, чесать себе лапой затылок.

Прошла неделя. Ничего не подозревая, я весело окликаю Пиню, открывая дверь его комнаты, но обычного «о-о-о!» не последовало. Вхожу и вижу: Пиня лежит с безучастным видом. За ночь он стал совсем другим. Он не только не поприветствовал меня, но даже не встал мне навстречу. Я подставил тазик со свежей салакой, но пингвин и головы не повернул.

Разгадка пришла во время купанья. Впервые в ванне обильно плавали перья. Значит, наступила линька. С каждым днем Пиня становился все более печальным и вялым. Съедал он в день 5—8 рыбок и часами безучастно стоял в узком проходе между стеной и ванной. Купанье пришлось прекратить, так как во время линьки пингвины в воду не идут. Больше не слышалось веселого «о-о-о!». Если иногда Пиня и подавал голос, то теперь он звучал тихо-тихо, словно жалоба.

Перья валились клочьями, он стал неузнаваем. Раньше его гладкое, прилегавшее к телу оперение лоснилось, теперь оно стало тусклым, поружело и разлохматилось, как старая растрепанная овчина. Под клювом, над глазами — обнажилась голубовато-серая кожа. На груди образовалась проплешина в ладонь величиной, но там уже пробивались пеньки новых перьев. По краям крыльев появился ряд беловатых кисточек: это росли новые перышки.

Да, Пине предстояло тяжелое испытание. У лебедя 25 000 перьев, а у пингвинов — еще больше. Какая же нужна огромная затрата сил, чтобы заново воспроизвести весь перь-

своей покров за какой-нибудь месяц-полтора!

Теперь, входя к Пине, я каждый день испытывал тяжелое чувство: не наступило ли ухудшение? Выдержит ли он линьку?

Как же сложна и как умна программа, заложенная в животном от рождения! Неподвижность пингвина и его безразличие к окружающему — ведь это же гениальное решение вопроса! Надо экономить силы. В природных условиях птица в период линьки не может идти в воду за кормом, так как несмазанное жиром, разрушившееся оперение быстро намокнет и тело сильно охладится, а на морозе птица покроется ледяной коркой. Значит, надо терпеливо стоять на одном месте и по возможности не тратить сил, которые нужны для смены перьев. Именно так и поступал мудрый Пиня.

Через 10 дней Пиня потерял две трети оперения. Грудь, живот, спина, половина головы обнажились. Только вокруг шеи сохранился воротник из старых перьев да на плечах лохматилась порыжевшая «овчина». Теперь пингвин производил нелепое впечатление, точно он лихо заломил шапку на затылок, а на шею надел причудливое жабо. Но уже через два дня он потерял и шапку, и жабо, и от старого наряда у него остались только одиноко торчащие порыжевшие перышки да короткий хвост. «Ну, потерпи еще немножко!» — уговаривал я Пиню, точно он мог понять мои слова, а пингвин наклонял голову и задумчиво смотрел на меня печальными глазами. Он не купался, почти не ел и так исхудал, что потерял половину своего веса.

Линька уже кончалась, когда проведать своего любимца пришел к нам в кружок вернувшийся из плавания

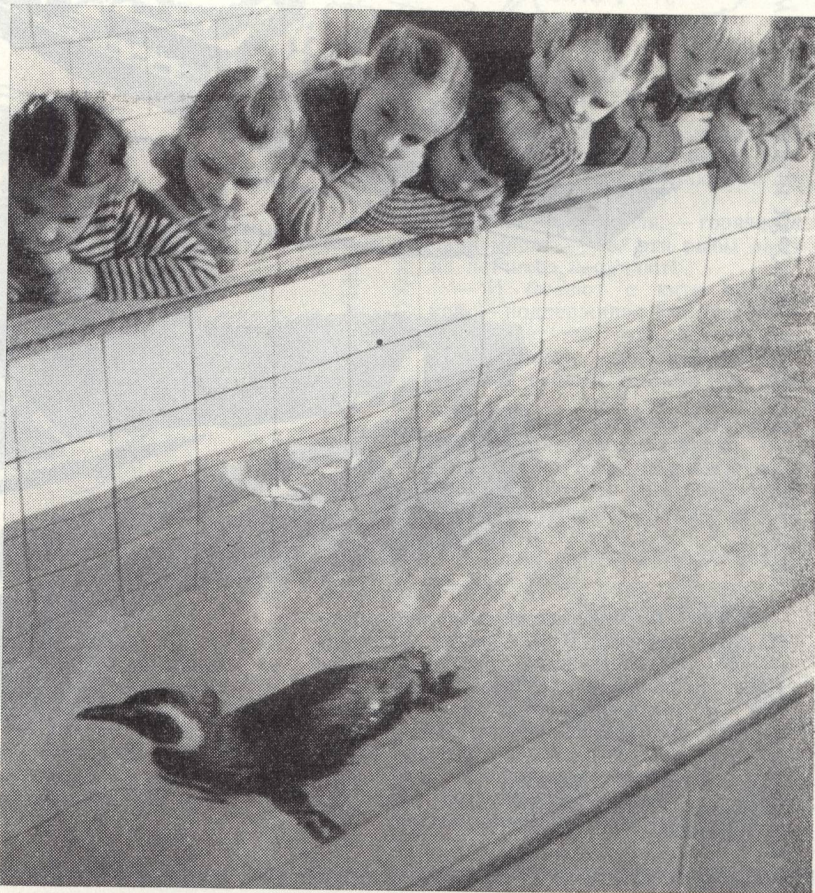
капитан судна, на котором жил Пиня. Впервые я увидел пингвина в таком взволнованном состоянии. С каким-то ворчаньем он побежал навстречу человеку, которого не видел пять месяцев. Он шлепал его ластами, хватал за руки клювом. Было очевидно, что он узнал капитана. А капитан опешил. На голове, шее, груди и по бокам у Пини появился узор из черных и белых полос, и в наряде взрослой птицы он стал неузнаваем.

Прошло полтора месяца. День ото дня Пиня становился живее, активнее. Стал возвращаться аппетит, опять звучало раскатистое «о-о-о!» и пингвин стучал клювом в дверь, требуя, чтобы его выпустили погулять.

За время своего «берегового» образа жизни он стал порядочным замарашкой, и мы с нетерпением ждали, когда же он пойдет в воду. И наконец этот день наступил. Никогда еще купание не было таким неистовым. Пиня глубоко нырял и взлетал на поверхность, как торпеда, обдавая нас каскадом брызг, вертелся через плечо, кувыркался на спину и снова нырял. Его ласты работали с такой энергией и быстротой, что напоминали скорее какой-то механизм, чем крылья. Вода в ванне побурела: шутка сказать, пятьдесят четыре дня пингвин не мылся!

Когда купание закончилось, Пиня предстал перед нами во всем великолепии обновленного наряда.

Фото С. Спиридонова

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахирнова

Год издания тринадцатый

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

В МОРЯХ И ПОРТАХ
В МОРЯХ И ПОРТАХ
В МОРЯХ И ПОРТАХ
В МОРЯХ И ПОРТАХ
В МОРЯХ И ПОРТАХ
В МОРЯХ И ПОРТАХ
В МОРЯХ И ПОРТАХ
В МОРЯХ И ПОРТАХ

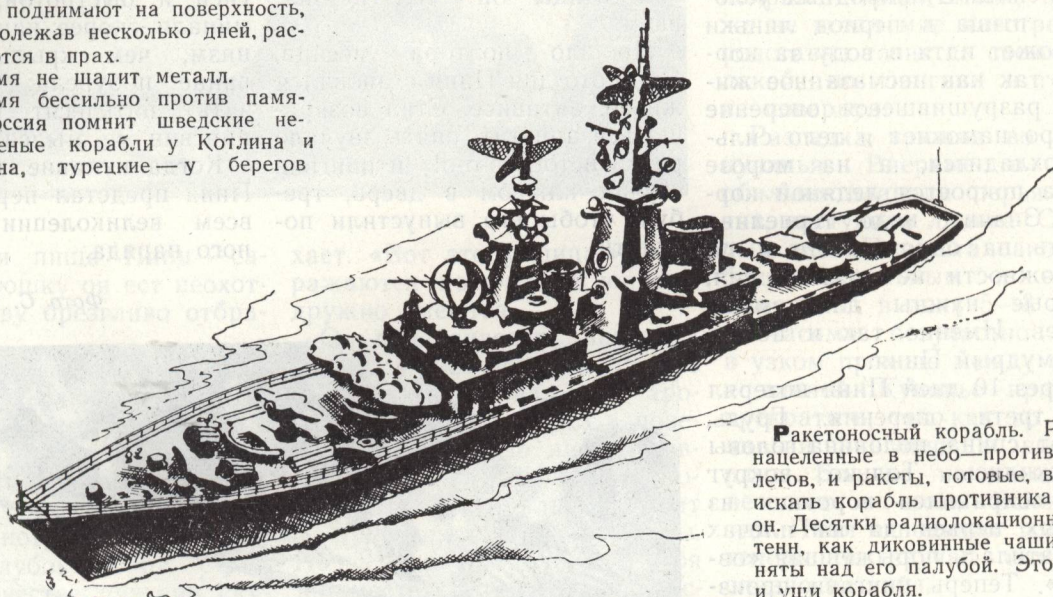
Когда водолазы опускаются на дно моря, они находят остатки затопленных кораблей. Бронзовые и стальные стволы пушек лежат, полузасосанные песком. Когда их поднимают на поверхность, они, полежав несколько дней, рассыпаются в прах.

Время не щадит металл. Время бессильно против памяти. Россия помнит шведские непрошенные корабли у Котлина и Таллина, турецкие — у берегов

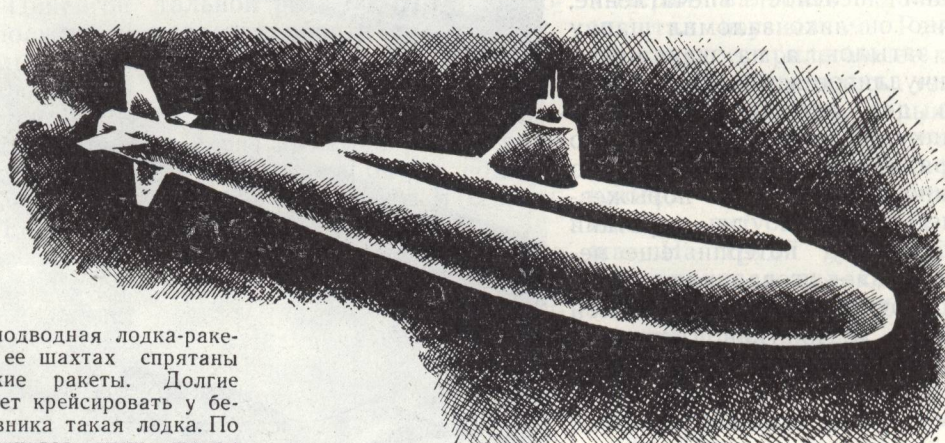
Крыма, помнит японские и американские крейсера на рейде Владивостока.

Память о войнах заставляет нас быть готовыми к бою. Вот они—

боевые плавающие машины, целые дома и города на воде, — корабли, которым доверена защита наших морей.

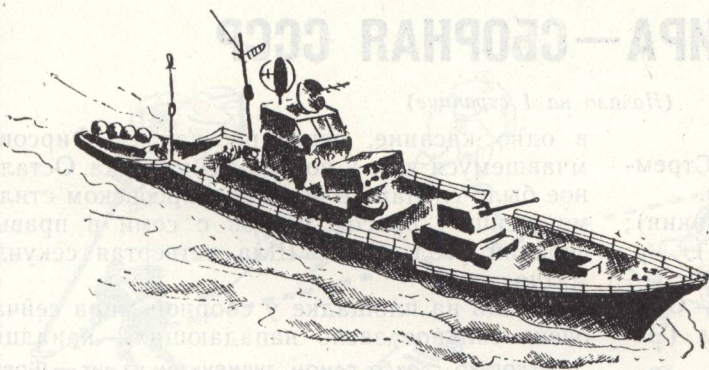

Ракетоносный корабль. Ракеты, нацеленные в небо—против самолетов, и ракеты, готовые, взлетев, искать корабль противника, несет он. Десятки радиолокационных антенн, как диковинные чаши, подняты над его палубой. Это глаза и уши корабля.

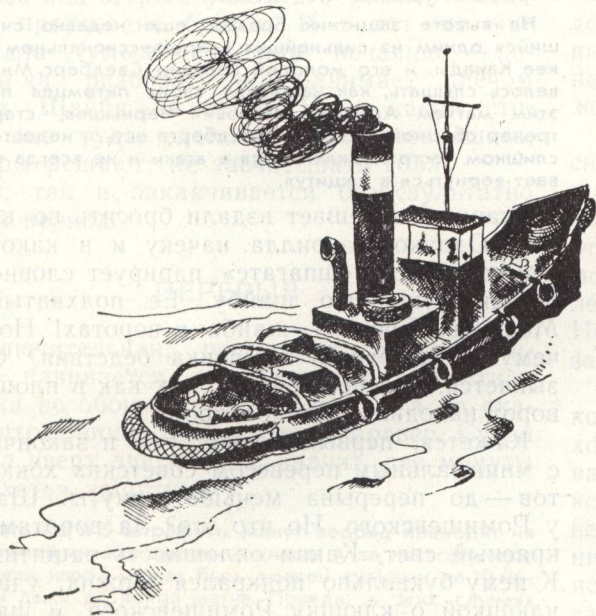

Атомная подводная лодка-ракетоносец. В ее шахтах спрятаны баллистические ракеты. Долгие месяцы может крейсировать у берегов противника такая лодка. По сигналу сдвинутся люки, шахты заполнит вода. Сжатый воздух бросит вверх первую ракету, вторую... Одна за другой уйдут они, сотрясая моторами воздух.

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

Корабль противолодочной обороны. На палубе его — торпедные аппараты, на носу и на корме — реактивные бомбометы. Стоит акустику обнаружить лодку врага, и запоют бомбометы, шлепнутся за борт торпеды. Падение бомб и сверлящий звук торпедных винтов услышит команда лодки. Этот сверлящий звук все ближе и ближе: акустическая торпеда сама ищет противника.

А это всего-навсего портовый буксир, не боевой корабль. Но без него не пришвартуется порой ракетоносец, не сможет стать в док на ремонт подводная лодка. Дни и ночи в море буксир, у его матросов на куртках соль. Он труженик и работяга.

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

— Ну, что твой Балтийский Флот? Море у него небольшое, глубины — мелкие. И развернуться кораблям негде. То ли дело наш Северный!

— Или наш Тихоокеанский!

— На худой конец, наш Черноморский.

— И верно, да не стоит забывать: первые корабли вам наш — Балтийский — прислал. От него пошли и Северный, и Тихоокеанский, и Черноморский. Ленинград — колыбель революции, Балтика — колыбель флотов.

Однажды капитан Быстроходов и боцман Румпель услышали разговор двух моряков о каких-то диковинных рыбах.

— Да знаете ли, — горячился один моряк, — что эти рыбы даже на летчиков нападают!

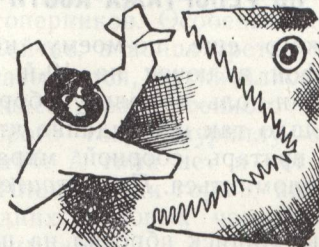
— И бывают с кита величинной, — поддерживал его второй. — У них светятся глаза, а хвост бывает длиннее, чем туловище.

— Их зубами устлано дно океана.

— От них стальными сетями защищено побережье материка...

— А-а, ну тогда нам все ясно! — решили капитан Быстроходов и боцман Румпель. — Таких рыб и мы знаем!

О каких рыбах, морские знатоки, идет речь?

СБОРНАЯ МИРА—СБОРНАЯ СССР

(Начало на 1 странице)

Объявляем составы команд.

Сборную мира тренируют швед **Арне Стремберг** и американец **Мюррей Уильямсон**.

Вратари: № 1 — **Дзурилла** (Чехословакия); № 21 — **Илонен** (Финляндия).

Защита: № 2 — **Бревер** (Канада), № 3 — **Сведберг** (Швеция); № 4 — **Сухи** (Чехословакия), № 5 — **Тикал** (Чехословакия).

Нападающие: № 6 — **Ярослав Холик**, № 7 — **Недомански**, № 8 — **Иржик** (все — Чехословакия); № 9 — **Мотт**, № 10 — **Хакк**, № 11 — **Кадье** (все — Канада); № 12 — **Нильссон**, № 13 — **Викберг**, № 14 — **Лундстрем** (все — Швеция).

Каждое из этих трех звеньев обладает своим хоккейным «почерком». Чехословацкие форварды, к примеру, возглавляемые атлетично сложенным Недомански, действуют на высоких скоростях и отличаются точными передачами. Канадцы же предпочитают обыгрывать соперника за счет индивидуальных прорывов, ведя обстрел ворот с любых позиций. Стихия шведского звена — контратака, со стремительным рывком техничного и напористого Нильссона в зону противника.

Сборная СССР — чемпион Олимпиады, мира и Европы.

Тренеры советской сборной — **А. В. Тарасов** и **А. И. Чернышев**.

Вратари: № 1 — **Коноваленко**; № 21 — **Зингер**.

Защита: № 2 — **Рагулин**, № 3 — **Давыдов**; № 4 — **Зайцев**, № 5 — **Ромишевский**.

Нападение: № 11 — **Фирсов**, № 12 — **Полупанов**, № 8 — **Викулов**; № 9 — **Майоров**, № 10 — **Старшинов**, № 6 — **Александров**; № 13 — **Мишаков**, № 14 — **Ионов**, № 15 — **Моисеев**.

(В виду того, что раздевалки «Костер-халле» не достроены, было решено сыграть в две пары защитников.)

ИЗ РЕПОРТАЖА КОСТИ ТЕРКИНА

...Такого еще, по-моему, не бывало. Наш микрофон включен на 10-й секунде, а счет уже один-ноль в пользу сборной СССР. Все произошло так неожиданно, что никто, и в том числе вратарь сборной мира Дзурилла, не успел опомниться. *Посмотрите на рисунке, как это было.*

Судья Вициск вбросил на центре площадки шайбу, от клюшки Полупанова она попала к Викулову и тот, не медля, как говорится,

в одно касание, переадресовал ее Фирсову, мчавшемуся уже к воротам соперника. Остальное было сделано в истинно фирсовском стиле: мощнейший бросок метров с семи в правый верхний угол — гол! Шла четвертая секунда матча...

А ведь на площадке у сборной мира сейчас очень сильное звено нападающих — канадцы.

Несколько слов о самом знаменитом из них — Френе Хакке. Вот что писал о нем известный хоккейный комментатор Ришар в одной из канадских газет во время Гренобльской олимпиады: «Хакк был величайшим среди великих. Он — король хоккея». Слова эти относятся к матчу Канада — Швеция. Сегодня же «величайший среди великих» уже на первых секундах упустил Фирсова...

Смена составов. Против майоровской тройки — шведы. Им удается навязать свой излюбленный, относительно невысокий темп, какой-то убаюкивающий ритм. Пока попытки тандема Старшинов — Майоров прорваться к воротам успеха не имеют.

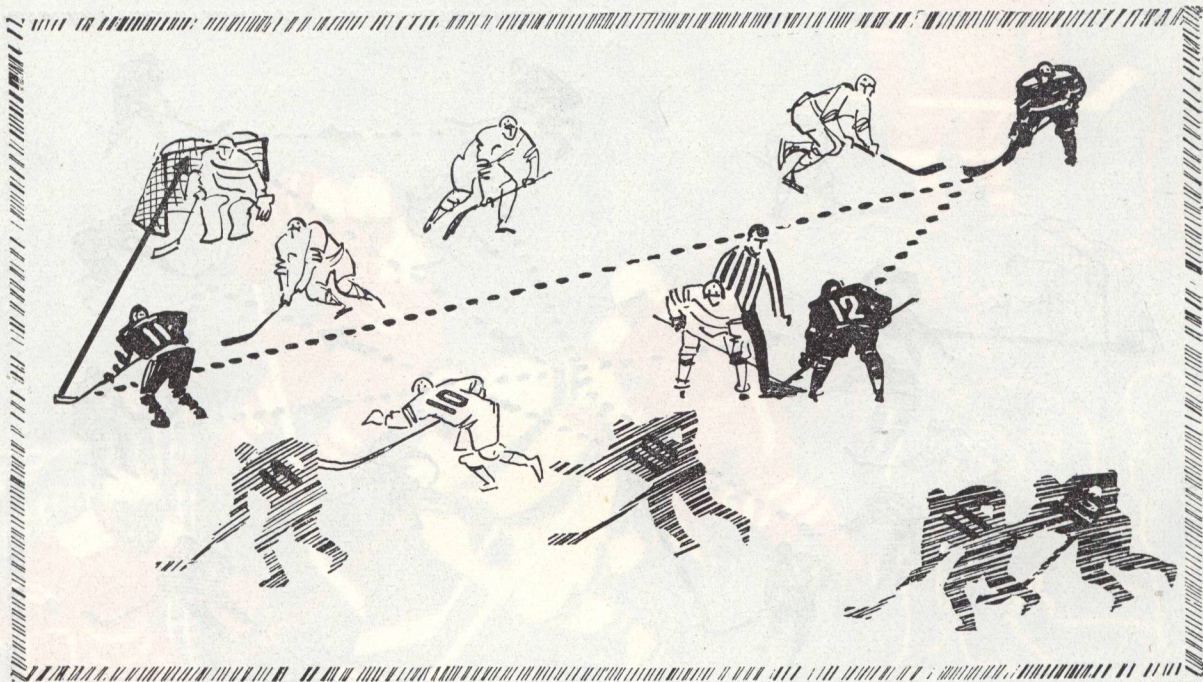
На высоте защитник Бревер, еще недавно считавшийся одним из сильнейших в профессиональном хоккее Канады, и его молодой партнер Сведберг. Мне довелось слышать, как наставлял своих питомцев перед этим матчем Аркадий Иванович Чернышев, старший тренер сборной СССР: «У Сведберга есть и недостаток: слишком часто подключается в атаки и не всегда успевает вернуться в защиту».

Старшинов решает издала бросить по воротам. Однако Дзурилла начеку и в каком-то непостижимом «шпагате» парирует словно из пращи пущенную шайбу. Ее подхватывает Майоров. Бросок — шайба в воротах! Но почему не загорается лампочка бедствия? Оказывается, гол не засчитан, так как в площади ворот находился Александров.

Кажется, первый период так и закончится с минимальным перевесом советских хоккеистов — до перерыва меньше минуты. Шайба у Ромишевского. Но что это? За воротами — красный свет. Какая оплошность защитника! К нему буквально подкрался Иржик, ударил клюшкой о клюшку Ромишевского, и шайба проскользнула мимо оторопевшего от неожиданности вратаря: 1:1.

ПЕРЕРЫВ

Второй период. Советские спортсмены предлагают ураганный темп. Между прочим, самые быстрые хоккеисты мчатся со скоростью поезда, до 50 километров в час. Шайба у Фирсова, он продвигается вдоль борта и, ока-

завшись под острым углом к воротам, неожиданно производит бросок. И в тот же миг Дзурилла (умышленно или нечаянно, — попробуй-ка разбери!) приподнимает плечом ворота. Шайба — в сетке. Но с какой стороны она туда влетела? Посоветовавшись, арбитры решают: не засчитывать гола.

Увы, так и заканчивается безрезультатно второй период.

ПЕРЕРЫВ

Заключительная, решающая двадцатиминутка начинается с... удаления. Минутная стрелка не обошла и одного круга, а на скамью штрафников отправляется Бревер. Судья поднял вверх два пальца, значит, две минуты «отдыхать» защитнику.

Бывает, что и 5 штрафных минут подряд проводит на специальной скамье провинившийся. А за неспортивное поведение игрок может быть удален судьями на 10 минут или даже до конца матча. Правда, в этих случаях его заменяет другой спортсмен.

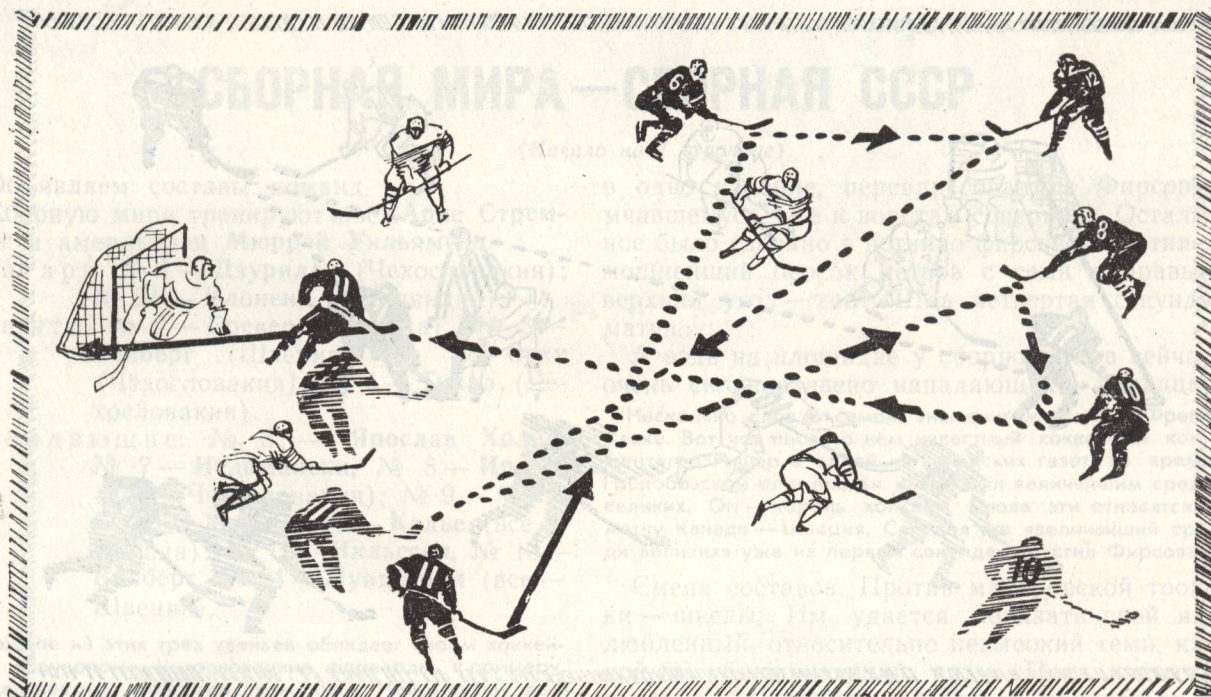
Интересно, сумеют ли советские спортсмены после удаления Бревера использовать численное преимущество? Вот это да: тренеры выпустили на площадку пять нападающих — фирсовское «трио», а с ним Александров и Старшинов. Начинается осада ворот Дзуриллы. Бросок издали — гол! Причем «автор» его Фирсов, успевший на какую-то долю секунды опередить Дзуриллу и подставить

свою клюшку под шайбу, изменив ее направление. Видимо, это была заранее отрепетированная, или, как говорят, наигранная комбинация. Рисунок на следующей странице поможет вам разобраться в ней.

2:1. И, конечно, сборная мира, которая снова в полном составе (после пропущенной шайбы провинившемуся игроку разрешается вернуться в строй), бросается в ответную атаку. Рвутся вперед нападающие. Острый момент у ворот советской команды. Коноваленко отбивает шайбу после броска Мотта. Но ее подхватывает Хакк и буквально вонзает в сетку. *Смотри цветной рисунок.*

Счет 2:2, и очередная смена составов. До конца игры — всего восемь минут. Теперь уже хоккеисты сборной мира едва успевают отбиваться. Темп достигает, казалось бы, предела, когда играет тройка Ионова, которая известна хоккейным болельщикам под названием «система». Реактивные Мишаков и Моисеев, которым под стать и Ионов, способны запутать любых соперников. Особенно, когда ребята в ударе. Сейчас, в конце третьего периода, они, что называется, раскатались. На Илонена, заменившего расстроенного после пропущенного второго гола Дзуриллу, обрушивается град шайб. А гола нет и нет. Недаром искусству Илонена так горячо аплодировали на последних мировых чемпионатах и Гренобльской олимпиаде.

«Систему» сменяет старшиновское звено. В защите — Рагулин с Давыдовым. Против

них — шведская тройка нападающих, а в обороне — Сухи и Тикал. Обстановка на площадке накалена до предела. Ясно, что теперь одна заброшенная шайба почти наверняка принесет желанную победу. И все-таки игра проходит очень корректно. Гроссмейстеры мирового хоккея демонстрируют виртуозное владение не только клюшкой, но и своими нервами.

Шайба в зоне сборной СССР. Но вот ее подхватывает Рагулин, быстро пасует на левый край Майорову. Обманное движение (финт) — и позади остается Тикал. Однако путь к воротам прикрывает другой защитник — Сухи. Майоров на всех парах несется за ворота, объезжает их и вбрасывает шайбу в ближний угол, куда не успел переместиться Илонен.

Изумительный по красоте гол, какие забивал в свое время прославленный Бобров!

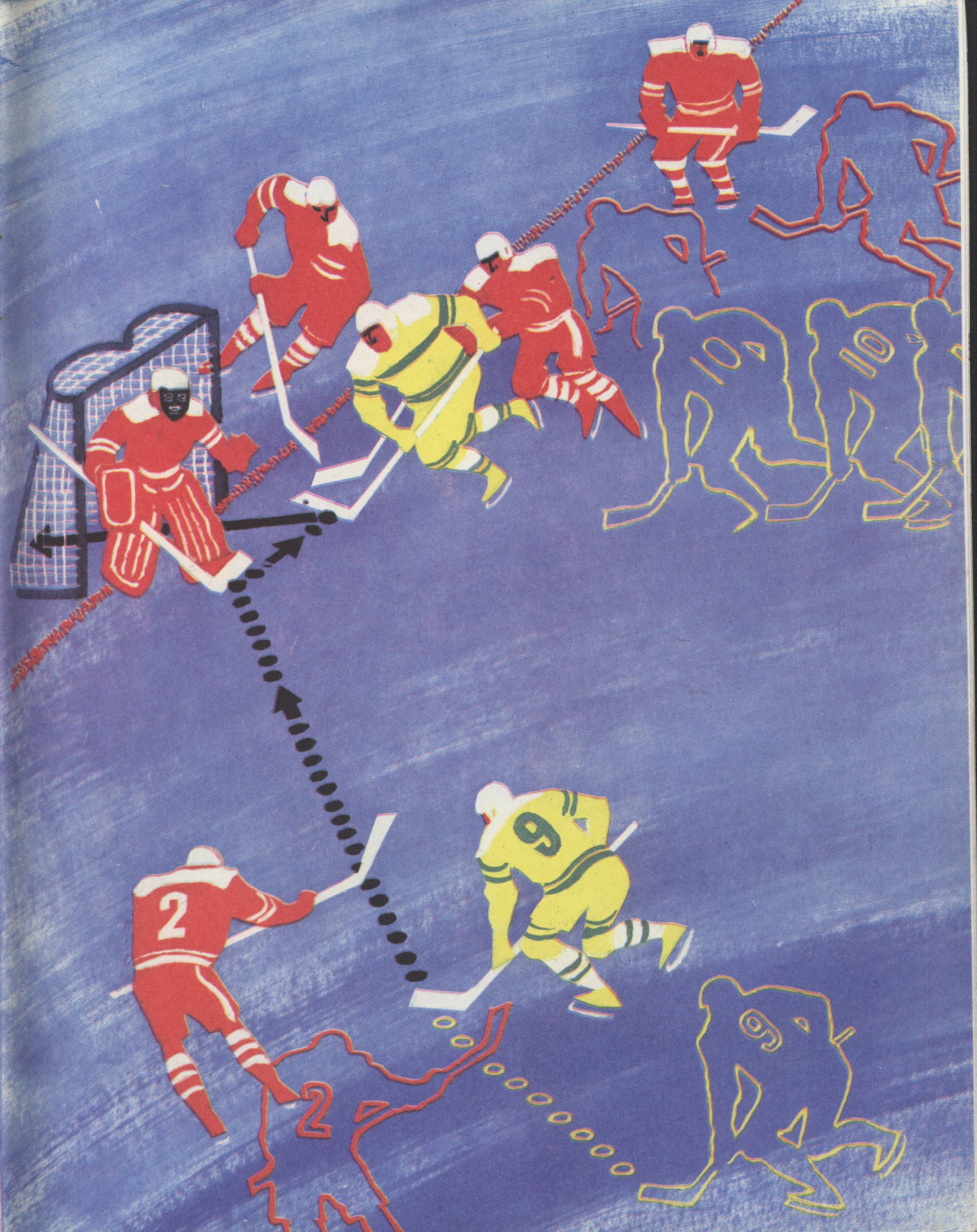
На табло — 3:2, а время истекает. И тогда, за 35 секунд до финальной сирены, тренеры сборной мира идут на риск — меняют вратаря на еще одного нападающего. За две секунды

до конца встречи шайбу перехватывает Давыдов, через всю площадку бросает ее в незащищенные ворота: шайба проходит... в нескольких сантиметрах от штанги.

Пронзительный звук сирены. Хоккеисты благодарят судей, отлично справившихся с трудным матчем. Предельно ясные жесты, четкая трактовка правил и тонкостей хоккея, объективность этих арбитров и на этот раз выдержали экзамен. Спортсмены прощаются друг с другом. Прощаемся и мы с вами, юные любители хоккея. До новых встреч, теперь уже не символических, а настоящих!

Остается добавить, что все игровые ситуации, описанные в этом символическом матче, не вымышлены, а взяты из матчей чемпионата СССР по хоккею этого сезона. Напишите нам, что понравилось и что не понравилось вам в этом матче. Как вы смотрите на то, чтобы провести в «Костер-халле» еще один символический матч? В каком виде спорта?

КВАРТЕТ

Рисунок В. Серова. 1895 г.

КУКУШКА И ПЕТУХ

Иллюстрация А. Лаптева. 1964 г.

ВОРОНА И ЛИСИЦА

Иллюстрация Е. Рачева. 1960 г.

ОБЩИЙ ДЕДУШКА

«Как, милый Петушок, поешь ты
громко, важно!»

— «А ты, Кукушечка, мой свет,
Как тянешь плавно и протяжно:
Во всем лесу у нас такой певички нет!»

Так начинается басня Крылова «Кукушка и Петух». Прислушайтесь к разговору: в первую минуту нам хочется сказать, что Кукушка и Петух говорят друг другу неправду. Но, когда призадумаетесь... почему же неправду? Петух и в самом деле поет «громко, важно», Кукушка и в самом деле «плавно и протяжно» отсчитывает свои «ку-ку, ку-ку»... И в самом деле такой певички нет во всем лесу: есть другие, лучшие — но об этом хитрый Петух умалчивает.

Итак, Кукушка и Петух не лгут — но с первых же слов Крылов дает нам понять интонацией разговора, что они все-таки обманывают друг друга. Слишком уж эти птицы старательны в своих похвалах: «милый Петушок», «Кукушечка, мой свет...» Дальше их восторги усиливаются:

— «Тебя, мой куманек, век слушать я готова».

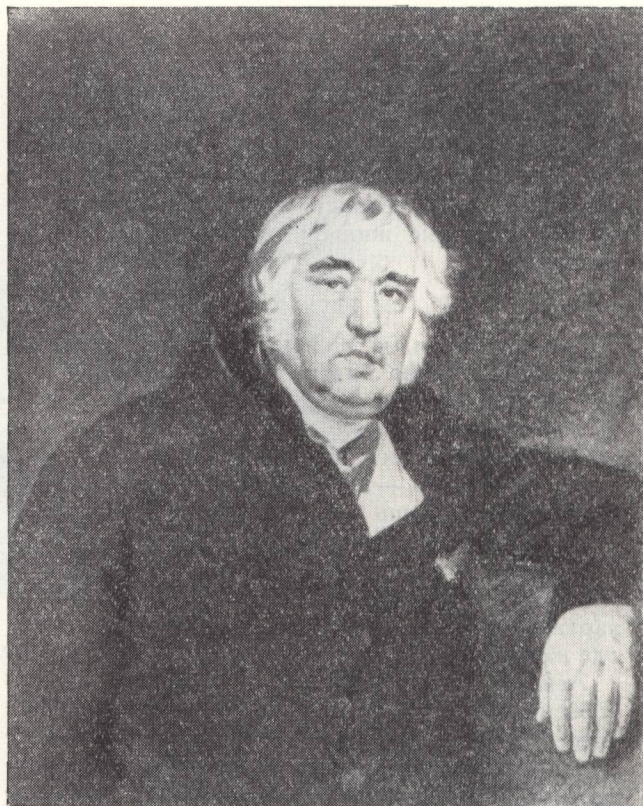
— «А ты, красавица, боюсь,
Лишь только замолчишь, то жду я,
не дождусь,
Чтоб начала ты снова...»

Стараясь похвалить Кукушку, Петух уже просто бессовестно лжет, называя ее красавицей, сравнивая с соловьем... И — в ответ на свою ложь — добивается такого же комплимента:

— «Спасибо, кум; зато, по совести моей,
Поешь ты лучше райской птички.

На всех ссылаюсь в этом я».
Тут Воробей, случась, примолвил им: «Друзья!
Хоть вы охрипните, хваля друг дружку, —
Все ваша музыка плоха!..»

Этой грубоватой речью честного Воробья можно было бы кончить басню, но Крылов кончает ее иначе:

И. А. КРЫЛОВ
Портрет работы К. П. Брюллова

За что же, не боясь греха,
Кукушка хвалит Петуха?
За то, что хвалит он Кукушку.

Что побудило Крылова написать эту басню? В начале прошлого века, в то время, когда жили и работали Пушкин, Грибоедов, Крылов, были известны два журналиста: Греч и Булгарин. Впрочем, несправедливо было бы сказать, что они только журналисты. Деятельность Булгарина была очень разнообразной: он издавал газету, писал критические статьи (например, объявил в одной из своих статей, что седьмая глава «Евгения Онегина» — слабое, беспомощное произведение), он был автором повестей, романов... и доносов на писателей. Его друг Греч тоже писал романы.

Еще Пушкин издевался над тем, как Булгарин и Греч расхваливают друг друга в своих статьях. Стоило Булгарину выпустить в свет роман, Греч откликнулся восторженной критической статьей, стоило Гречу издать роман — откликнулся Булгарин. «За что же, не боясь греха, Кукушка хвалит Петуха?»

Крылов написал басню «Кукушка и Петух» о реальных лицах: о Булгарине и Грече. Сове-

менники Крылова, читая басню, смеялись над продажными журналистами. А мы — сегодня — можем даже и не знать, что басня написана о них. Потому что ее содержание шире и глубже, чем просто насмешка над двумя плохими людьми. Это — горькое сожаление мудрого, опытного человека о неприглядных человеческих качествах, которые живы у некоторых людей до сих пор.

* * *

Есть писатели, к знакомству с которыми мы приходим в точно определенном возрасте. Живет человек на свете целых десять лет и ничего не знает, например, о Дюма или Марке Твене — но вот в жизнь его входят д'Артаньян и Том Сойер, а с ними — их создатели. Проходят еще годы — открываешь для себя Лермонтова, Толстого, Тургенева, Достоевского, Чехова...

Крылов и Пушкин — писатели, с которыми мы чуть ли не рождаемся. Трехлетний, увидев на картинке ворону и лисицу, уже восклицает: «А где же сыр?»

Ленинградцам «дедушка» Крылов знаком особенно хорошо. В Летнем саду, возле памятника Крылову, взрослые чувствуют себя помолодевшими: каждый из нас свежо помнит, как интересно было карабкаться на решетку памятника, рассматривать и узнавать изображенных на постаменте зверей: вот бедный Ягненок, который «в жаркий день зашел к ручью напиться», а вот и страшный Волк, который «в темный лес Ягненка поволок»; вон Мартышка с очками, и другая Мартышка, «проказница» из «Квартета», а рядом с ней — «Осел, Козел да козопый Мишка...»

Нам кажется: мы все знаем о дедушке Крылове — он знаком с детства, он такой привычный, свой... А между тем знаем мы о нем мало.

В этом человеке все таинственно — и разгадать его загадку не так просто. Начав писать о нем, я попробовала вспомнить, какого числа и в каком месяце он родился. Год рождения — 1769 — не вызывал сомнения. Открыла сборник басен Крылова: «Родился в 1769 году». Открыла полное собрание сочинений, учебник по русской литературе: «Родился в 1769 году». Ни числа, ни месяца. Посмотрела старое дореволюционное издание: «Иван Андреевич Крылов родился 2 февраля 1768 года». Тут я не на шутку испугалась — так что же, двухсотлетний юбилей Крылова уже прошел? И никто его не заметил? Тогда я позвонила в Институт литературы Академии наук — уж там-то знают!

— Скажите, пожалуйста, какого числа и в каком месяце родился Крылов?

— Крылов? Иван Андреевич? Легкий вопрос вы задали! Тут даже с годом не все ясно!

Гравюра В. Фаворского 1947 год

Подождите, я уточню... Вы слушаете? Позвоните, пожалуйста, через несколько дней...

Звоню через несколько дней. Оказывается: точная дата рождения Крылова не установлена. Долгое время считалось, что он родился в 1768 году. Потом пришли к выводу, что в 1769 году. Второго февраля. Но уверенности нет...

Отец Крылова был комендантом небольшой крепости Яицкий городок. Тот, кто читал «Капитанскую дочку» Пушкина, может себе представить жизнь крепости и опасность, нависшую над семьей коменданта, когда в 1773 году к крепости подступили войска Пугачева. Пушкин в «Истории Пугачева» рассказывает, что гарнизон крепости упорно защищался, Пугачеву пришлось вести долгую осаду, и он «клялся повесить» все семейство капитана Крылова. «Таким образом, обречен был смерти и четырехлетний ребенок, впоследствии славный Крылов», — добавляет Пушкин.

К счастью, Крылов остался жив и прожил длинную жизнь — погибли Пушкин, Лермонтов, Грибоедов — Крылов пережил их всех. Огромный, тучный, с громадной седой головой, шел он по Невскому в Публичную библиотеку, где служил библиотекарем, — и прохожие расступались перед ним: слава Крылова была огромна. При жизни он стал известен всей России. Все знали его как баснописца. И только немногие помнили начало его литературной деятельности.

Гравюра из книги, изданной в 1840 году

Четырнадцать лет он начал писать пьесы. В двадцать лет выступил со своим собственным журналом «Почта духов». По-видимому, все материалы этого журнала он писал один. На журнальных страницах Крылов издевался над судьями и чиновниками, над вельможами, использующими свою власть, чтобы угнетать народ. Через год журнал был закрыт, но Крылов не успокоился. У него появились друзья, единомышленники. Вместе с ними он начал издавать журнал «Зритель», такой же бунтарский.

Россией правила в то время Екатерина II. Она хотела, чтобы ее считали просвещенной императрицей, покровительницей наук и искусств. Но русские писатели огорчали императрицу. Радищев написал свое «Путешествие из Петербурга в Москву» — просвещенная Екатерина не могла стерпеть революционного духа книги и отправила Радищева в Сибирь. Журналист и общественный деятель Новиков был заключен в Шлиссельбургскую крепость. Журнал «Зритель» тоже привлек внимание императрицы: по ее личному приказу был произведен обыск в типографии, принадлежавшей Крылову. «Зритель» был закрыт. Крылов и его товарищи попытались организовать еще один журнал, но он тоже просуществовал недолго. И тогда Крылов исчез.

В течение долгих лет он не возвращался в столицу, жил у разных помещиков в их поместьях, давал уроки их детям, играл на скрипке. Он был разносторонне образованным одарен-

ным человеком — из него мог бы получиться большой музыкант, если бы не получился великий писатель.

В последнее десятилетие царствования Екатерины и в течение всего, правда, кратковременного, царствования ее сына Павла I о Крылове ничего не было слышно. Никто не знал, где он живет, пишет ли что-нибудь. А он писал. Например, шуточную пьесу «Подшипа», где изобразил глупого принца Трумфа, напоминающего императора Павла I.

Когда Павел был убит в Михайловском дворце, а императором стал его сын Александр I, многие умные люди поверили обещаниям молодого царя, что теперь в России все пойдет по-иному, будут проведены реформы, наступит свобода мысли, расцвет искусств...

Поверил ли Крылов — трудно сказать. Он вернулся в Петербург, но не вернулся к своей журналистской деятельности, не стал писать для театра. Он начал писать басни.

* * *

В «Горе от ума» Грибоедова мошенник и доносчик Загорецкий говорит:

...ох! басни смерть моя!

Насмешки вечные над львами! над орлами!

Кто что ни говори:

Хотя животные, а все-таки цари.

Что басни он прежде всего имеет в виду, трудно догадаться: уже в то время самым известным русским баснописцем был Крылов.

Нельзя сказать, чтобы он так уж подряд во всех своих баснях издевался «над львами, над орлами» — нет, Крылов стал осторожен. Он писал разные басни, в том числе и такие, которые могли понравиться царю. И — одновременно — позволял себе высмеивать не только царских слуг, но и самого императора. Например, в «Рыбьей пляске» он рассказал о том, как Лев «пустился сам свои осматривать владенья» и увидел Мужика, который, «расклавши огонек», собирался изжарить рыб. «Кто ты? что делаешь? — спросил сердито Лев». Мужик вышел из положения, объяснив, что он «старостой здесь над водяным народом», который собрался приветствовать Льва. («А рыбы между тем на сковородке бились».)

«Да отчего же, — Лев спросил, — скажи ты мне, Они хвостами так и головами машут?» — «О, мудрый царь! — Мужик отвечивал: — оне От сильной радости, тебя увидя, пляшут».

Современники прекрасно понимали, о чем идет речь: они помнили, как царь Александр I во время своей поездки по России увидел в одном из городов приближающуюся к нему толпу людей и спросил губернатора, что это за люди. Губернатор ответил: это «депутация от жителей, желающих принести благодарность за благосостояние края». На самом же деле люди шли не благодарить царя, а жаловаться на губернатора...

Но это — история. А многие другие басни Крылова, написанные больше полутора веков назад, говорят о понятиях вполне современных. Вот короткая басня «Петух и Жемчужное Зерно»:

Навозну кучу разрывая,
Петух нашел Жемчужное зерно,
И говорит: «Куда оно?
Какая вещь пустая!

Не глупо ль, что его высоко так ценят?
А я бы, право, был гораздо боле рад
Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно».

Невежи судят точно так:
В чем толку не поймут, то все у них пустяк.

«Невежи судят точно так...» Прав ли Крылов? Ведь, действительно, простые вещи: зерно, хлеб, картошка — необходимы человеку и, может быть, более полезны, чем красота жемчуга, которая ведь не приносит практической пользы!

Да, практически полезные вещи необходимы и уважать их необходимо. Но, кроме этих вещей, есть другие — объяснить, в чем их польза, не так-то просто. И все-таки жизнь человеческая

без них беднее: бесполезная, казалось бы, красота гор и моря, бесполезное наслаждение музыкой, стихами, скульптурами и живописью великих мастеров обогащает нас — это богатство не взвесишь, не высчитаешь, оно накапливается душой. И беден тот, кому оно недоступно.

Вот о чем написана басня Крылова. Вот почему она, как и другие басни Крылова, жива до сих пор; они не стареют, они учат нас тому, что ценно в жизни, какими быть людьми и, главное, какими НЕ быть.

Вот начало басни «Две бочки»:

Две Бочки ехали: одна с вином,
Другая
Пустая.

Вот первая — себе без шуму и шажком
Плетется,
Другая вскачь несется...

Послушайте, как легко и звонко читается басня, как быстро она запоминается. Почему первая строчка такая длинная, а во второй и третьей — по одному слову? Дело в том, что Крылову надо обратить наше внимание на вторую Бочку. Он и выделяет ее интонационно, сообщив о первой Бочке в длинной первой строке, а второй посвятив целых две строки: «Другая — Пустая».

Дальше ему важно показать, как осторожно движется первая бочка: мы словно слышим шорох колес, повторяются тихие звуки «П», «С», «Ш»: «Первая Себе без Шуму и Шажком Плетется» — и слово «плетется» опять выделено в отдельную строчку, оно очень важно! Зато другая Бочка (пустая!) «вскачь несется», «от ней... и гром... и пыль столбом...» Бочка торопится, гремит, и рифмы такие громкие: «гром — столбом».

А после этого следует авторский вывод:

Кто про свои дела кричит всем без умолку,
В том, верно, мало толку.

Кто делов истинно, — тих часто на словах.
Великий человек лишь громок на делах,
И думает свою он крепку думу

Без шуму.

Вот таков был и сам Крылов. Думал он свою «крепку думу» — «без шуму». Тому же учил нас — бесчисленных своих внуков и правнуков. Вот почему с такой признательностью мы вспоминаем о нашем общем дедушке. Вот почему так светло становится на душе, когда проходишь мимо большого тучного человека, в летнюю жару, в дождь и в снег сидящего с непокрытой головой среди выдуманных им животных в глупине Летнего сада.

Н. Долинина

* Лев Успенский *

РАССКАЗЫ

* ПРО СЛОВА *

Если вас спросят: как вы думаете — какая довольно длинная фраза чаще всего повторяется и выслушивается людьми, нашего века? — отвечайте смело:

«Быстрая коричневая лиса прыгает через ленивую собаку!»

Когда все успеют достаточно удивиться и накричать на вас за такие глупые слова, вы скромно добавьте:

— Это совершенно точно. Только ее надо произнести по-английски. Тогда она прозвучит так:

„Quick brown fox jumps over the lazy dog“

Все, кто понимает по-английски, изумятся еще сильнее: действительно, это — то самое и значит.

Может быть, самые дошлые англичане пробурчат: «Безграмотно! Надо тогда уж сказать: „Э квик браун фокс...“ Артикль-то у тебя где?»

Но вы пожмите холодно плечами и уроните высокомерно: «А зачем тут артикль? „Эй“ и так есть... В слове „лэйзи“ — „ленивый“».

Ручаюсь, что общее внимание вам обеспечено надолго. А в чем дело?

Дело — забавное!

САМАЯ ОБЫКНОВЕННАЯ ФРАЗА

Когда радист на новой радиостанции начинает свою работу, ему надо проверить, с одинаковой ли четкостью и он сам, и его аппаратура способны передавать любой звук из тех, что выражены буквами английской азбуки.

Таких звуков-букв, как известно, 26. Я выпишу их в алфавитном порядке в виде маленькой таблички и над каждым из них поставлю номер:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K
12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	
L	M	N	O	P	Q	R	S	T	U	
		22	23	24	25	26				
		V	W	X	Y	Z				

Теперь я пишу под этой табличкой удивительную по своей бессмысленности нашу фразу, и над каждой ее буквой тоже надписываю номер, взятый из таблички:

17 21 9 3 11 2 18 15 23 14 6 15 24
 Quick brown fox
 10 21 19 16 19 15 22 5 18 20 8 5
 jumps over the
 12 1 26 25 21 15 7
 lazy dog

Посмотрите, что получилось: ни одна буква азбуки не осталась за бортом этой волшебной фразы: все 26 налицо. Некоторые (ну, скажем, буква № 5 — «e») повторяются два раза; № 15 — «o» — даже четыре. Но не пропущено ни одной!

Вам ясно теперь, зачем придумана эта фраза?

Радист-передающий неторопливо отправляет ее в эфир. Радист-принимающий — принимает. Затем они выясняют — все ли звуки были переданы и приняты одинаково четко, какие из них подверглись при передаче искажению и, кроме того, — кто виновник этого, станция приема или передачи? И исправляют ошибки.

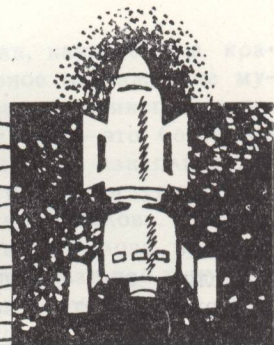
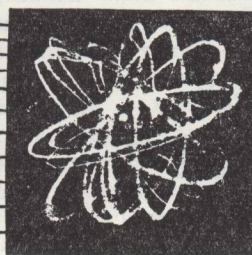
Я не специалист по радиотехнике: я могу допустить неточности, но это сейчас неважно. Такая фраза существует, радисты всего мира при международных переговорах ею пользуются. Вот что для меня главное.

Даже если существует такая же русская радиоговорка, применяемая для проверки работы наших станций, почему бы нам с вами не попробовать изобрести еще одну? А вдруг она получится у нас более «уклюжей» и более «сурезной», чем другие?

Только надо заранее знать: нам будет несколько труднее; в нашей азбуке тридцать, а не двадцать шесть знаков, каждый из которых выражает на письме тот или иной звук.

По-моему, я правильно рассуждаю, а?

Рисунки С. Острова

ТЫСЯЧИ КАДРОВ В СЕКУНДУ

П. Войтенко

Рисунки А. Януса

Мне дали настоящую винтовку. Я вогнал патрон в ствол и прицелился в стекло на специальной подставке метрах в двадцати от меня.

Борис Семенович Соловьев сказал мне, что я увижу пулю в полете. Я усмехнулся, потому что еще никому не удавалось сделать это: ведь за секунду пуля проходит 500 метров...

Сбоку застрекотала камера, и я нажал курок. Стекло разлетелось вдребезги. Обычное оконное стекло. Пуля ударила — и оно разлетелось. Ничего особенного. И никакой пули я, конечно, не увидел.

Но Соловьев попросил меня набраться терпения. Он понес проявлять пленку, а через несколько часов я сидел в кинозале и не верил своим глазам...

Я увидел на экране медленно летящую пулю. На ее свинцовом теле можно было различить даже царапины. Но сначала из ствола винтовки выплыли воздушные волны, лишь потом показалась пуля.

Вот пуля приблизилась к стеклу... и прошла его, словно иголка ткань. Стекло даже не треснуло — в нем образовалось круглое отверстие...

Через некоторое время к стеклу подошли воздушные волны и ударились в него. Стекло сначала прогнулось, но приняло свою прежнюю форму. Новый воздушный удар пустил по стеклу множество трещинок, и вот уже осколки плавно опускались на пол. Стекло, оказывается, разбила не пуля, а идущие за ней сильно сжатые волны воздуха.

— Это кинотрюк? — спросил я Соловьева.

— Нет, — ответил он. — Чистый опыт. А провести его могла кинокамера.

ОБЪЯСНЯЕТ Б. С. СОЛОВЬЕВ

Любой фильм снимается со скоростью 24 кадра в секунду. Это та частота, с которой человеческий глаз нормально воспринимает мир. В кинопроекторе пленка движется точно с такой же скоростью.

А что если снимать 200 кадров в секунду? Попробуем. Снимем бегуна на стометровой дистанции. Всего за 10 секунд летом прошлого года пробежал ее замечательный сприн-

тер В. Сапея. Но что с ним теперь произошло? На экране он еле передвигает ноги, словно к ним привесили груз.

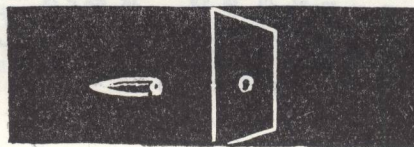
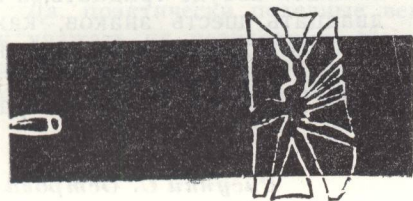
А странного ничего нет. Во сколько раз быстрее нормальной скорости снимает кинокамера — во столько раз замедлится действие на экране.

— Значит, спокойно можно сделать так, что В. Сапея пробежит сто метров за... час?

— Конечно! Для этого кинокамера должна снимать 10 000 кадров в секунду. И пулю мы сняли с такой же частотой. На экране она летела 20 секунд, а в действительности в 400 раз быстрее.

Там, где человеческому глазу и оптическим приборам не уследить за процессом, — кинокамера выручает.

Лягушек ученые изучают сотни лет, но до недавнего

времени никто не видел, как они заглатывают добычу.

Сидит лягушка на коряге, ждет комара.

У лягушки длинный язык, свернутый, как пожарный рукав. Он всегда наготове. Как только насекомое сядет в пределах досягаемости, язык вылетает изо рта лягушки, разворачивается с молниеносной скоростью и рраз... комар накрыт его липким концом и отправлен в рот. Ничего не скажешь, хитрое устройство.

Для современного ученого скоростная кинокамера так же

необходима, как скальпель для хирурга.

Недавно советские ученые возвели уникальную дамбу. На стройке не было ни одного экскаватора, ни одного бульдозера. Всю работу совершил взрыв. В одно мгновение он поднял в воздух сотни тысяч тонн скального грунта и уложил его в точно определенном месте.

Теперь у города Алма-Ата надежная защита от горных селей, которые снесли с лица земли немало поселков и городов.

— ВОЗДУХ — ВЗРЫВЧАТКА!

Порой ученые приходят к самым неожиданным результатам.

Десятки тысяч кораблей бороздят морские просторы. Каждое судно имеет гребной винт, а то и несколько. От винта зависит скорость судна, маневренность, поведение во время шторма.

Но часто случалось так, что совсем еще новый корабль в открытом море вдруг терял ход. Капитаны знали, что это непоправимая беда.

Водолазы спускались под воду и видели: от винта порой оставалась лишь сердцевина...

Считалось, что тонкие лопасти съедает ржавчина.

Судостроители ломали голову, пытались делать винты из сплавов, не боящихся корро-

зии. Аварий становилось меньше, но все равно их было слишком много. Металл, который без изменений мог пролежать в морской воде хоть десять лет, становясь винтом, разрушался.

Изучить причины разрушения помогла скоростная съемка. Для камеры изготовили подводный бокс, специальные осветительные приборы. Всю аппаратуру тщательно закрепили у винта. Судно вышло в море...

— Материалы этой съемки сохранились. Они, правда, стали уже архивными, — сказал Борис Семенович. — Но посмотреть их любопытно.

Вновь стрекочет киноаппарат. Медленно вращается винт судна. Мириады воздушных пу-

Этот взрыв долго рассчитывали с помощью математического аппарата, а вывести нужные формулы помогла скоростная киносъемка. С ее помощью в сотнях экспериментов удалось изучить все фазы взрывов, перемещение различных по структуре пород. Теперь взрывники могут спокойно «перевезти» целую гору на новое место. Без скоростной киносъемки сегодня невозможно полно изучить термоядерные реакции, сверхбыстрые движения газов и жидкостей, полеты ракет...

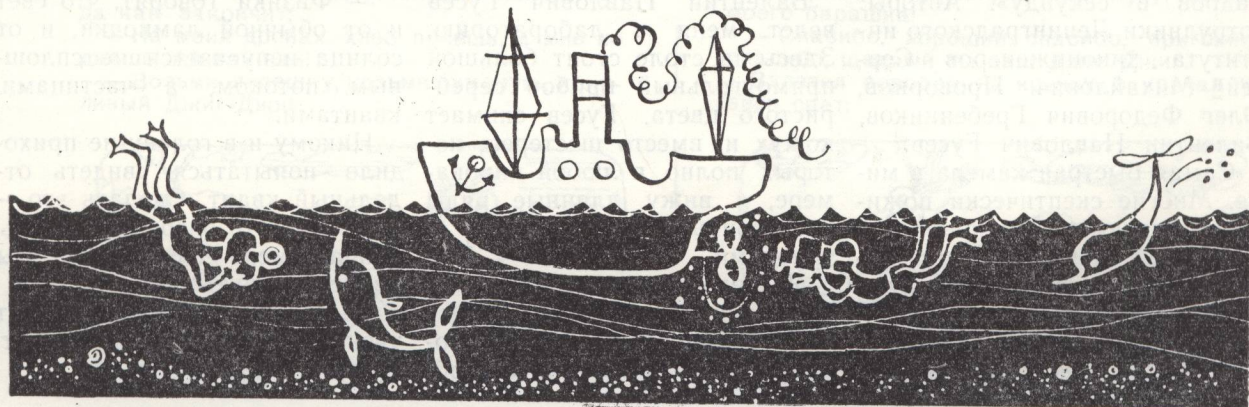
зырьков покрывают лопасти и здесь либо лопаются, либо отрываются.

— В море всегда растворено определенное количество кислорода и других газов, — поясняет Борис Семенович.

Когда корабль движется, винт вращается с большой скоростью, и за ним вода не успевает смыкаться. Образуется своего рода разреженное пространство, «воздушный мешок».

В этом «мешке» постоянно происходят микровзрывы большой силы. Это взрываются на лопастях пузырьки воздуха. Они выбивают частички металла, разрушая самый прочный сплав.

На экране — лопасть. Ее поверхность напоминает терку. Пузырьки обработали сплав

безо всяких резцов. После такой киносъемки инженерам многое стало ясно. Винтам начали придавать форму, которая

мешала образованию на лопатках пузырьков.

— Мне тоже много приходилось снимать под водой, — го-

ворит Борис Семенович, выключая проектор. — Особенно интересно снимать дельфинов. Но всех поразила муха.

МУХА — ЛУЧШИЙ «САМОЛЕТ»

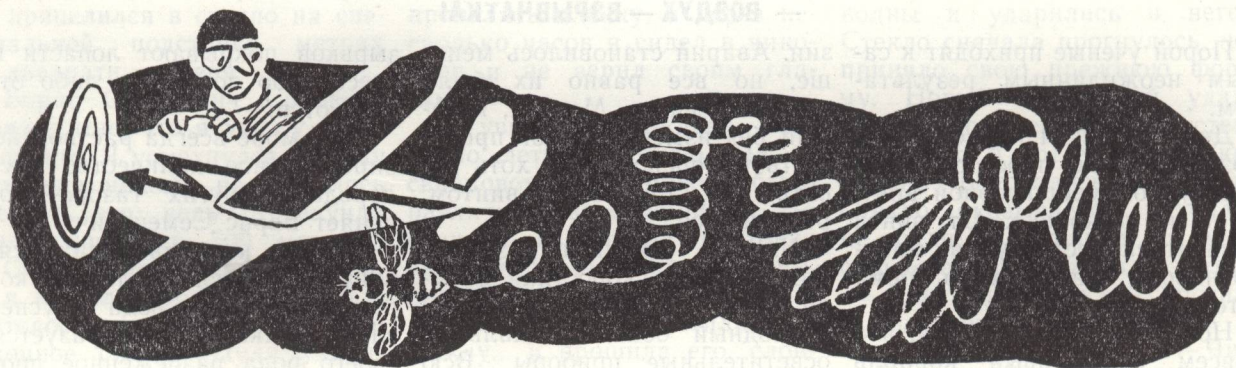
У авиаконструкторов захватило дух, когда специалисты по бionике показали им снятый на киноленту полет мухи.

Это было невероятно! Муха могла бесконечно делать мертвые петли, закладывать небывалые по крутизне виражи, делать бочки, впадать в што-

пор, летать вверх ногами и вращаться спиралью, стремительно падать вниз и тотчас взмывать вверх. Больше того, муха могла почти мгновенно останавливаться и лететь назад.

Как оказалось, это насекомое обладает идеальным летательным аппаратом. С по-

мощью скоростной кинокамеры выясняются причины феноменальных трюков мухи: крылья ее в полете могут разворачиваться под разными углами. Маленькое насекомое подсказало ученым пути дальнейших совершенствований самолетов.

500 000 000 В СЕКУНДУ

Несколько лет назад на ВДНХ появился новый экспонат. Он сразу привлек к себе внимание. В проспекте значилось:

«Растровая киносъемочная камера. Частота 500 000 000 кадров в секунду». Авторы: сотрудники Ленинградского института киноинженеров Сергей Михайлович Проворнов, Олег Федорович Гребенников, Валентин Павлович Гусев.

Самая быстрая камера в мире. Многие скептически пожали плечами и говорили, что при такой скорости съемки аппарат развалится по винтикам... А фильм, снятый за секунду, пришлось бы смотреть несколько месяцев без отдыха.

Но камера работала, и ее изобретатели получили высшую награду Выставки — золотую медаль.

Борис Семенович Соловьев дал мне адрес, и вот я в Ленинграде.

Валентин Павлович Гусев ведет меня в лабораторию. Здесь на столе стоит большой прямоугольный прибор серебристого цвета. Гусев снимает кожух и, вместо шестерен, которых полно в любой кинокамере, я вижу длинные ряды электронных ламп, блоки с триодами.

Я недоуменно смотрю на Валентина Павловича: к чему он показывает мне эту штуковину, не имеющую ничего об-

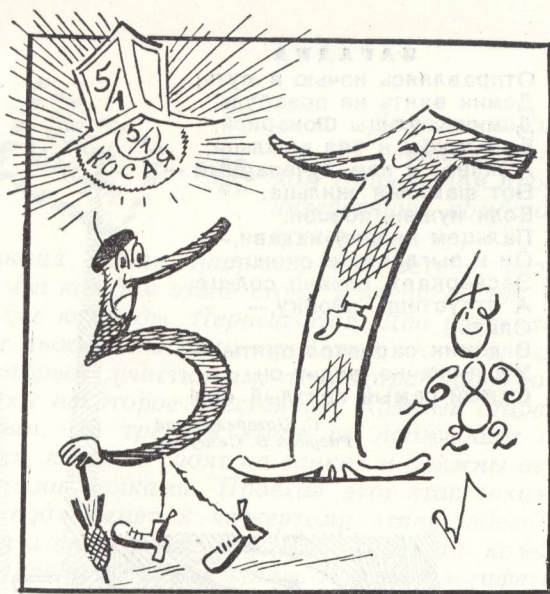
щего с киноаппаратом. Но он просто сказал:

— Вот наш аппарат, модель 2. Он позволяет увидеть самые быстрые процессы на земле, хотя съемка ведется на обыкновенную фотопластинку.

— Физики говорят, что свет и от обычной лампочки, и от солнца испускается не сплошным потоком, а частицами, квантами.

Никому и в голову не приходило попытаться увидеть отдельный квант. Сделать это — все равно что опередить мысль. Наша камера ее опередила. Мы увидели кванты.

Растровые камеры помогут ученым совершить новые открытия.

НА КОСОЙ ЛИНИИ

Встретились на косой линии пятерка и единица.

— Чего ты согнулась? — спросила единица. — Разве трудно ходить прямо, как я?

— Потрудись с мое, — сказала пятерка, — тогда и узнаешь.

И. Костыря
Рисунок В. Гальбы

8

ДЖИГ-ДЖИГ ВОРОБУШЕК

ПО МОТИВАМ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ СКАЗОК

Жил да был Джиг-Джиг воробушек, веселый воробей. Нашел соломинку, прилетел на чужой двор, увидел старуху. Она тесто месила. Кинул ей Джиг-Джиг воробей соломинку:

— Держи, бабушка, к твоим дровам и мое полено. Будет тебе на чем лепешки испечь.

— Спасибо, заботливый, спасибо, приветливый, спасибо, Джиг-Джиг!

А воробушек как надуется, как нахохлится да как закричит:

— На моих дровах хлеб печешь, а мне не даешь! Ай-вай-вай!

— Возьми лепешку, возьми румяную, крикливый Джиг-Джиг.

4

Уголёк № 2

БЕЛЫЙ ГОРОД

Шкооо Гасан

Кто в июле был три раза
На вершине Алагяза?
Я с Такаром и Рустам—
Мы в снежки играли там.
Мы построили, ребята,
Город белый, точно вата.
И теперь в нем круглый год
Баба снежная живет!

Перевел с курдского Е. Руженцев
Рисунок Б. Семенова

1

Схватил воробей лепешку. Прилетел на пастбище, увидел пастуха. Тот сидел на камне и ел овечий сыр. Бросил воробей пастуху лепешку:

— Держи, дедушка, к твоему сыру мой хлеб.

— Спасибо, воробушек, спасибо, кормилец, спасибо, Джиг-Джиг!

— С моим хлебом сыр жуешь, а мне не даешь?! Ай-вай-вай!

— Возьми барашка, возьми кудрявого, возьми жирного, голосистый Джиг-Джиг.

Взял воробей барашка, прилетел в чужой край, попал на чужой пир:

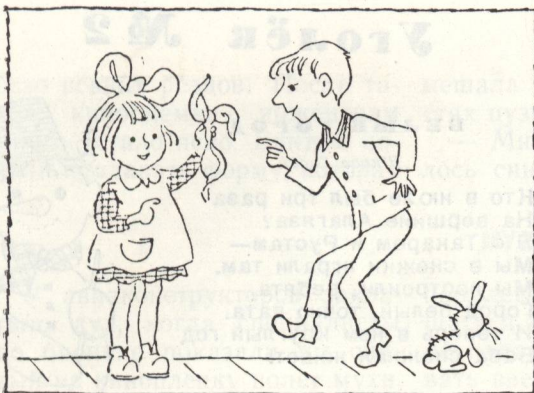
— Держите, друзья, к вашему угощению моего барашка!

— Спасибо, хороший, спасибо, пригожий, спасибо, щедрый ты наш Джиг-Джиг.

Взлетел воробей на крышу, закричал на весь свет:

5

КАК СДЕЛАТЬ ЗАЙЦА

— И не так. Я знаю, как правильно. Берешь платок, складываешь два конца. Вывязываешь ему голову. А тут будут уши.

— Ты не говори, как правильно. Ты сделай, как правильно.

— Вот. Беру платок. Складываю два конца. Вывязываю ему голову...

— Ну?

— погоди. Я знаю, как правильно. Беру платок. Складываю два конца. Вывязываю ему голову...

— Где твои уши?

2

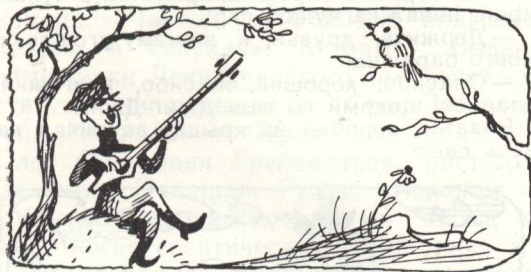
— Ай-вай-вай! У меня барана взяли, а мне ничего не дали! Ай-вай-вай!

— Ох, воробушек, что хочешь бери, только просим, очень просим, замолчи.

Воробей взял звонкий саз и полетел к молодому певцу, к ясноглазому, к звонкоглазому Али.

Али сидел под ореховым деревом и пел песню.

— Вот тебе, красивый, к твоей песне мой саз!

Засмеялся певец, щелкнул воробья по макушке, взял саз и, перебирая пальцами струны, спел нам эту песенку, песенку о крикливом Джиг-Джиг.

А. Гарф
Рисунки В. Гальбы

6

ЗАГАДКА

Отправляясь ночью в путь,
Домик взять не позабудь.
Домик с улицы Фонарной,
Без трубы и без крыльца,
А живет в нем Лучезарный —
Вот фамилия жильца.
Если нужен, позови:
Пальцем кнопку надави, —
Он и выглянет в оконце,
Засверкает, словно солнце;
А отпустишь кнопку, —
Спать
В домик скроется опять.
Уж, конечно, видит он
Самый-самый светлый сон!

С. Погореловский
Рисунок Б. Семенова

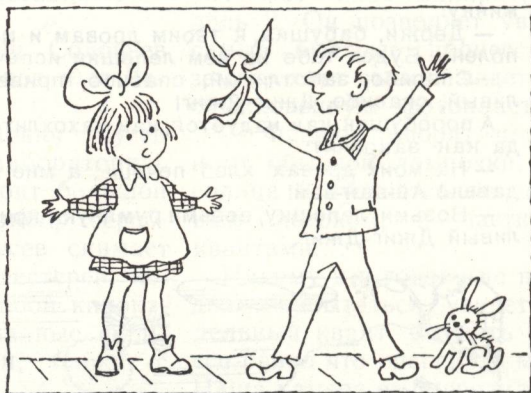
7

— Не мои уши, а зайцевы уши. Сейчас. Беру платок... Два конца... Вывязываю голову...

— Эх, ты. Давай мне...

— Я знаю, как правильно...

— Смотри. Делаю уши. Вывязываю голову. Получается заяц.

— Это неправильный заяц!

— Неправильный, зато заяц. Говорить, как правильно — это одно, а сделать зайца — совсем другое.

О. Ремез
Рисунки Б. Семенова

3

Дорогая школа!

...Мы с нашим учителем Павлом Ивановичем провели очень интересную комбинированную эстафету.

Дистанция любая, например 500 метров, разделена на 4 этапа. На каждом этапе стоят 2 ученика, так как соревнуются две команды. Первый этап. Два участника эстафеты несут лыжи с палками: пробежав этот этап, они отдают лыжи вторым участникам, те быстро надевают лыжи и проезжают некоторое расстояние. Каждый старается прийти первым. На третьем этапе их поджидают следующие участники, которые сидят на санках и должны отталкиваться лыжными палками. Проехав этот этап таким образом, ученик подъезжает к четвертому этапу, здесь его берут за палки и везут к финишу. Побеждает та команда, которая быстрее пройдет все этапы. И в этой эстафете победили мы. Нам был вручен переходящий кубок. Нашим ребятам нравится эта эстафета, но я хочу, чтобы ее знали многие ребята.

До свидания.

Со спортивным приветом Галя Панасенко

с. Шагалка

Очутившись на улице, не укрывайте плотно шею шарфом, если вы его носите, пусть между ним и шеей гуляет ветерок. На улице старайтесь согреться не за счет слишком теплой одежды, а за счет энергичных движений.

На морозном воздухе, для закаливания верхних дыхательных путей, очень полезно широко открыв рот, резко и глубоко вдохнуть холодный воздух, повременив, вдох повторить. Например, выйдя из дому и перед входом в школу.

Приучите себя чистить зубы прохладной водой. Почистив зубы, сполосните не только рот, но и как следует горло. Это закалит десны и избавит вас от мучительной ангины.

Закалку лучше всего начинать так: первый месяц — после зарядки раздеться и протираться сухим полотенцем в хорошо проветренной комнате. Второй месяц — смочить полотенце, отжать его и протираться влажным полотенцем, а затем сухим. Третий месяц — отжать полотенце с таким расчетом, чтобы при обтирании по телу текли струйки воды, затем протереться сухим полотенцем. После такой подготовки можно и под прохладный душ.

Случается и так, начал закаляться и от самой закалки заболел. Переборщил — без подготовки сунулся под холодный душ...

В этом случае закалку следует прекратить. Полностью выздороветь, пропустить еще пару дней и — снова к холодной воде. к сквозняку, к морозному воздуху, но по принципу — хорошего понемногу!

Б. Невский

ФЕВРАЛЬ СПРИНТЕРА

Занятия в зале

Зимняя разминка на воздухе

Лыжи, коньки

ЗАКАЛКА

Ох, как мы нежим наши ноги! Всегда они в носке и сапоге, а то в шерстяном носке и утепленном ботинке.

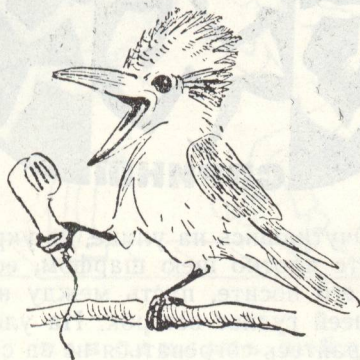
Действительно, стоит ноги слегка застудить или промочить, и по ногам, как по лестнице, в нас забирается простуда. Вот способ их закалки. Дома носить тапки на босу ногу. Зарядку делать босиком. Круглый год мыть ноги холодной водой. Летом босиком ходить по росе.

Дружи и с ветром и со сквознячком.

Увы, таких людей очень много — только откроешь форточку, как они ее тут же захлопнут. Для полноценной закалки необходимо приучить себя к сквозняку. Помывшись в бане или ванной, не вытирайтесь сразу. Сложите полотенце вдвое и резкими взмахами обсушите всего себя, после чего разотритесь.

Птица-хохотун

В позывных бразильского радио есть звуки, напоминающие раскатистый хохот. Так поет любимая бразильцами птица из породы зимородков — кукебурре.

Обычно после захода солнца концерт начинает одна певичка, потом вступает вторая, третья — и лес оглашается громким хохотом.

«Хохотун» питается змеями, клювом убивая жертву. Может быть, именно поэтому в древности кукебурре называли «ревушим дьяволом».

Секрет колоса

Замечали ли вы когда-нибудь, как гнется налитой колос под своей тяжестью? Как выдерживает тоненький стебель непосильную нагрузку?

Строение стебля несколько похоже на сооружение из железобетона: жилки очень напоминают стальную арматуру.

И все-таки под сильным ветром даже «железобетонные» колосья полегают, а убирать полегшие хлеба гораздо труднее, чем обычные.

Советские ученые вывели сорта пшеницы, стебель у которых заполнен, как древесный ствол. Эти сорта пшеницы обладают повышенной устойчивостью к дождю и ветрам.

Водородный дократ

Венгерские специалисты разработали новый способ подъема судов со дна моря.

К корпусу затонувшего корабля подводят понтоны, наполненные водой. Резервуары снабжены аппаратами, разлагающими воду на водород и кислород. Водород в 14,5 раза легче воды, поэтому он постепенно вытесняет ее из резервуара. Понтоны будут «выталкивать» «привязанный» к ним корабль.

Смычок

**и
мост**

Русский инженер-мостовик Д. И. Журавский был новатором своего дела. Это он впервые в истории мостостроения применил на строительстве моста раскосные балки и рассчитал, что они испытывают

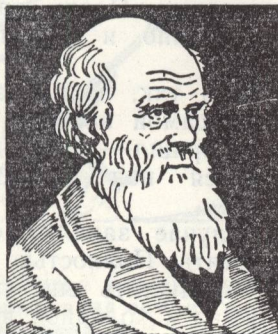
самую большую нагрузку около мостовых опор.

Утверждение инженера вызвало много споров среди специалистов. Для доказательства своей правоты Журавский догадался построить модель балки в сто раз меньше настоящей. Растяжками смогли слушать только струны скрипки.

Расчет инженера сводился к тому, чтобы по высоте звука определить нагрузку балок. Кому же неизвестно, что натянутая струна издает более высокий звук, если нагружена сильнее. Коснулись смычком растяжек в середине моста — звук получился низкий, коснулись на концах — у быков — высокий.

Доказательство приняли без спора.

В ЭТОМ МЕСЯЦЕ

12 февраля 1809 года в английском городе Шрусбери в семье врача родился Чарльз Роберт Дарвин, великий естествоиспытатель.

Его интерес к природе, к животным проявился еще в детстве. Но отец Чарльза не поощрял увлечения сына. В своей автобиографии Дарвин вспоминал, что отец упрекал его, говоря: «Ты ни о чем не думаешь, кроме охоты, собак и ловли крыс. Ты опозоришь себя и нашу семью!»

И в школе Чарльз считался нерадивым учеником. Но именно считался: его пичкали знаниями, оторванными от жизни, а Чарльз был весьма любознательным. Все свободное время он посвящал самостоятельному изучению химии, за что учитель дал ему прозвище «газ»...

БЬЮТ БАРАБАНЫ АРЧЕБЕКА

ДОНЕСЕНИЯ РАРОВЦЕВ

«Докладывает разведчик Ловкий! Шеф и его банда маскируются под шахматистов. Замышляют лететь на Пульгу, уничтожить там президента и правительство и поработить всех пульжан».

«Бандиты спешно вербуют в свою фальшивую команду всяких ответных молодчиков. Шефа видели в таверне «Под шахом». Точный».

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Ферзьбери с отрядом лучших арчебековцев прибыл в таверну.

За столом развалился верзила в темных очках.

— Шеф?— вскричал шахмат-адмирал.— Клади визы на стол! Живо! Я — Ферзьбери!

— Ах, значит, вот ты кто! Визы захотел?— верзила схватил два пистолета.— Передай дьяволу, что тебя к нему Барон направил, а не Шеф!

В эту секунду ворвались приведенные рыцаренком арчебековцы.

— Какие славные детки! — мгновенно преобразился Барон. — Тут, адмирал, не знаю как, ко мне попали какие-то визы. Не ваши? Сейчас достану,— и он полез в шкаф.— Сейчас, сейчас... Подержите эту папочку... В ней задачки... Нет, не заглядывайте, адмирал! Вам их и за сутки не решить...

Главнокомандующий остолбенел от такой наглости.

— Мне за сутки?!

— За сутки, за сутки... Особенно вот эту — белые дают мат в 3 хода. (См. диаграмму).

Барон еще бубнил что-то, а Ферзьбери уже объяснял рыцарям решения. И только после пятой задачи кто-то спохватился:

— А где же Барон?

Но Барона и след простыл, а в шкафу — никаких виз.

ПРИКАЗ № 2

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

§ 1. Всем рыцарям решить задачи из папки Барона.

Шахматистам — А) см. диаграмму. Б) белые: Крс3, Фа8, Се4; черные: Кра1, Са2. Мат в два хода. В) белые: Крг1, Лн3. п. а7; черные: Кре6, Ла5. Белые выигрывают.

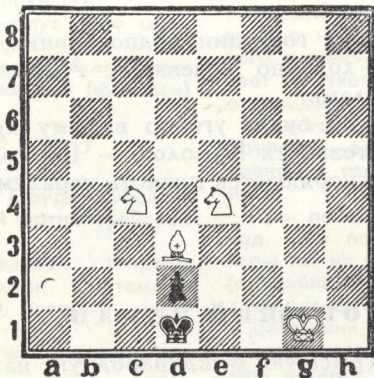
Шашистам — А) белые: с1, е1, h4; черные: а3, а5, h6. Б) белые: а1, а5, b2, с3, е3, g3, h4; черные: а7, b8, с5, d8, е5, f8, g7. В) белые: а3, b4, d4, е3, f2, f4, h6; черные: а7, b6, b8, е7, f8, g5, h4. Во всех трех позициях белые выигрывают.

§ 2. Рыцарятам — сыграть 25 партий!

§ 3. Срок присылки рапортов до 1 мая. Помечайте на конверте: АРЧЕБЕК. Указывайте свой адрес.

§ 4. Всех, дополнительно подавших заявления — принять!

Шахмат-адмирал ФЕРЗЬБЕРИ

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

По просьбе корреспондента ТАШШ шахмат-капитан Пешкоедов рассказал об итогах прошлогоднего марша АРЧЕБЕКА.

— Это было здорово. 2115! 190!! 164!!!

— Но кому же понятны эти числа, капитан?

— Неужели не ясно?! 2115 счастливец принял великий Ферзьбери в свою Армию Рыцарей Черно-Белых Клеток! 190 из них выполнили норму 4-го разряда!! 164 получили спортивный билет и новенький блестящий значок спортсмена 3-го разряда!!!

— Ну, а победители, капитан? Победители есть?

— А как же! Победители — 48 рыцарей, набравших 150 очков из 150 возможных! Не молодцы ли? Все они награждены дипломами.

— А призеры, капитан? Призеры есть?

— Есть! Шахмат-адмирал провел среди победителей тур славы, определивший главных победителей-призеров. Их фамилии читайте в «Костре» № 3.

Уголок
Бессилого архивариуса

ИМПЕРАТОР НА ПОЖАРЕ

У всякого свой вкус. Кто любит оперу, кто — танцы. А Петр III, по праву снискавший славу самого глупого из русских царей, всем зрелищам предпочитал... пожары. Чуть только в каком-нибудь конце Петербурга занималось зарево, император вскакивал на коня и мчался на пожар: распорядиться и, кстати, полюбоваться.

Однажды среди ночи дежурный офицер поднял его с постели криком:

— Государь! На Фонтанке горит!

Однако на сей раз император опоздал. Он увидел только кучу тлеющих головешек.

Царь свирепо накинулся на офицера:

— Ты, сударь мой, плохо знаешь свои обязанности! Ты должен был разбудить меня пораньше! За полчаса до пожара!..

БАРОН И ЛОШАДИ

Храброго генерала Алексея Петровича Ермолова и в мирные дни стличали бесстрашие ума и склонность к смелому, острому слову.

Как-то раз, в ту пору, когда Ермолов был еще молод и в небольших чинах, всемогущий правитель России барон Аракчеев устроил смотр гвардейской артиллерии.

Стройную картину парада нарушила нечаянная неприятность. Лошади, тянувшие пушку, внезапно чего-то испугались, забились, понесли и порвали упряжь.

— Командира батареи ко мне! — буркнул Аракчеев.

Ермолов, наружно спокойный, предстал пред водянистые очи царского любимца.

— Вас, господин подполковник, я прикажу разжаловать в рядовые, — холодно отчеканил Аракчеев, — а людей ваших — наказать шомполами.

— Как будет угодно вашему превосходительству! — без тени испуга отозвался Ермолов. — Что поделаешь, судьбами людскими подчас распоряжается прихоть неразумной скотины!..

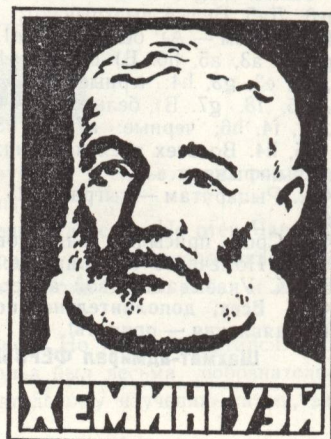

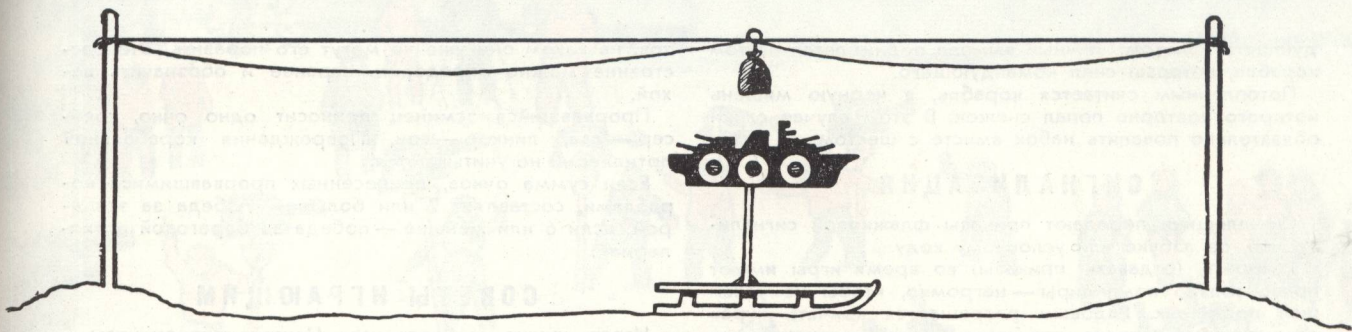
КАК НАПИСАТЬ ХОРОШИЙ РОМАН

Получив Нобелевскую премию (высшую международную награду за литературные труды), американский писатель Эрнест Хемингуэй был вынужден волей-неволей принять приглашение на большой, очень чинный и очень скучный обед. Его соседкой за столом оказалась весьма болтливая дама, которая, треща без умолку, довела писателя до изнеможения.

— Ах, что за чудесная вещь — литературная слава! Порой мне кажется, что и я могла бы писать хорошие романы, если бы знала, как это делается! Умоляю, мистер Хемингуэй, в двух словах: как вы пишете?

— В двух словах, мадам? — переспросил Хемингуэй. — Извольте: СЛЕВА НАПРАВО.

ПРОРЫВ ЭСКАДРЫ

ЗИМНЯЯ ИГРА НА МЕСТНОСТИ

В игре участвуют 53 человека, считая судей.

Найдите ровное снежное поле с двумя буграми, расположенными в 60 метрах один от другого. Можно насыпать бугры из снега.

Эти бугры — артиллерийские форты. Между ними пролив, через который должна прорваться эскадра.

Прорвется или не прорвется?

КОРАБЛИ

Корабль — это обычные санки, на которых установлен шест с силуэтом корабля.

Эскадра состоит из линкора, двух крейсеров и пяти эсминцев, причем один из эсминцев имеет на борту десант.

Экипаж корабля состоит из двух (эсминец), трех (крейсер) или четырех (линкор) человек. Один толкает санки, остальные метают снежки (машинное отделение и артиллерийские башни). Один из артиллеристов — командир корабля.

Толкать санки можно только шагом. Вести огонь — только касаясь санок ногой, рукой, туловищем.

Корабли строго соблюдают строй — идут либо один за другим, либо в ряд, либо уступами.

На линкоре идет командующий эскадрой и его флагманский сигнальщик. Командующий эскадрой (флагман) держит на линкоре личный вымпел.

ФОРТЫ

Каждый форт имеет шесть орудий. Орудие обозначается шестом с силуэтом береговой артиллерийской башни.

В орудийном расчете — один человек. Фортом командует командир форта, а обоими фортами — командующий береговой артиллерией, который имеет сигнальщика.

Вести огонь можно только касаясь шеста рукой, ногой или туловищем.

ДЕСАНТ

Десант передвигается вместе с эсминцем. Командир десанта обязан держаться за санки, а десантники (их двое, кроме командира) идут за командиром гуськом, держась друг за друга. Как только эсминец подошел к береговой линии, десант высаживается и врассыпную атакует форт.

АВИАЦИЯ

От форта к форту натянуты три тонкие проволоки или бечевки. По ним передвигаются кольца с подвешенными мешочками красного цвета, наполненными песком. Мешочек можно сбросить с любой точки проволоки.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Огонь ведется не по людям, а по мишеням. Исключение составляет только десант.

Мишени помещаются (рисуются) на силуэте каждого корабля и каждого берегового орудия. Каждая мишень состоит из двух концентрических колец: белого внешнего и красного (или черного) внутреннего. Красный цвет соответствует артиллерии, черный — машинному отделению.

Эсминец несет одну черную и одну красную мишень. Крейсер — одну черную и две красных. Линкор — одну черную и три красных. Береговое орудие — одну красную.

При попадании в черную мишень корабль теряет ход. При попадании в красную мишень выходит из игры тот из играющих, кто закреплен за этой мишенью (орудийной башней). Переходить в другой артиллерийский расчет запрещается.

Десантник считается уничтоженным при первом попадании снежка в любую часть тела или одежды. Отвечать десанту имеют право лишь три орудия форта.

Если мешочек с песком (ракета) упал на корабль или хотя бы задел его, корабль считается уничтоженным. Если в мешочек с песком попал снежок, ракета считается взорвавшейся в воздухе и ущерба эскадре не причиняет.

Командующие и их сигнальщики не имеют права ни при каких обстоятельствах вести огонь. В случае гибели линкора один из кораблей (по заранее установленной очередности) обязан подойти вплотную и снять коман-

дующего флотом. Личный вымпел поднимается на том корабле, который снял командующего.

Потопленным считается корабль, в черную мишень которого повторно попал снежок. В этом случае санки обязательно повалить набок вместе с шестом.

СИГНАЛИЗАЦИЯ

Сигнальщики передают приказы флажковой сигнализацией, по азбуке или условному коду.

Говорить (отдавать приказы) во время игры имеют право только командиры — негромко, чтобы не услышал противник. Рядовым разрешается кричать «ура» при частичном успехе, при атаке форта (десантом), при полной победе.

СУДЕЙСТВО

Судейская коллегия помещается на одном из фортов. В ее составе: главный судья, судья по мишеням на кораблях, судья по мишеням на береговых орудиях, судья по авиации. Каждый судья (кроме главного) имеет помощника на противоположном форте, чтобы определять попадания с противоположной стороны.

На силуэте каждого корабля крупно пишется его название. Береговая линия четко обозначается флажками.

Судья тотчас докладывает главному судье о попаданиях, а он объявляет в рупор решение («Подавлено орудие северного (южного) форта номер такой-то», «Повреждена кормовая башня линкора», «Потоплен эсминец такой-то», «Крейсер такой-то потерял ход», «Форт южный захвачен десантом»).

В случае нарушения правил главный судья имеет право дать первое и второе предупреждение, а затем объявить корабль-нарушитель потопленным, а береговое орудие-нарушитель подавленным. Главный судья может приостановить игру впредь до выполнения его распоряжения.

ПОБЕДА

Корабль считается прорвавшимся, если он прошел через пролив и удалился на такое расстояние от фор-

тов, на каком они уже не могут его поразить. Это расстояние можно определить заранее и обозначить вехой.

Прорвавшийся эсминец приносит одно очко, крейсер — два, линкор — три. Повреждения корабельной артиллерии не учитываются.

Если сумма очков, принесенных прорвавшимися кораблями, составляет 7 или больше — победа за эскадрой, если 6 или меньше — победа за береговой артиллерией.

СОВЕТЫ ИГРАЮЩИМ

Играть нужно не более часа. Начало и конец игры — по сигналу горна.

Перед началом каждый командующий выстраивает свой личный состав, ставит задачу, напоминает о строгой дисциплине, воодушевляет играющих.

План операции каждая сторона разрабатывает заранее. Эскадра налаживает взаимодействие кораблей и десанта, береговая артиллерия — орудий и авиации.

Мишени — плоские. Если корабль движется на форт, то для этого форта он неуязвим. Зато он легко уязвим для другого форта, форты выручают друг друга.

Командующие маневрируют огнем. В зависимости от обстановки они могут сосредоточить весь огонь на опасном корабле, на орудии форта.

Сыграйте раз-другой и разберитесь, какая сторона чаще выигрывает и почему. Потому что действует искуснее? Или нужно изменить правила игры, приспособить их к вашим условиям?

Вариантов игры может быть много. Например, целью игры может быть не прорыв всей эскадры, а доставка секретного пакета. На каком корабле находится пакет, береговая артиллерия не знает, и ей приходится обязательно топить каждый корабль, а это весьма трудно.

В зависимости от возраста играющих можно увеличить или уменьшить расстояние между фортами. Можно прибавить или убавить число кораблей и береговых орудий — лишь бы орудий у эскадры и фортов в общей сложности было поровну.

Напишите нам, как прошла игра. Пришлите фотографии, рисунки.

На обложке рисунок Т. Ксенофонтова

На 3-й странице обложки рисунок Ю. Лобачева

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Г. И. Баринова, А. А. Крестинский, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Терebinская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Рукописи не возвращаются

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Технический редактор
А. А. Двораковская

Корректор В. А. Маевская

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76

М-20008. Подписано к печати 9/1 1969 г. Формат 84×108^{1/16}. Печ. л. 8+1 вкл. 6,36 усл. п. л. 8,8 уч.-изд. л. Тираж 380 000 экз. Заказ № 1630. Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский проспект, 29.

Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати № 1.

ЭДИК П.

В 1812 ГОДУ

— Я получил тревожное письмо, — воскликнул Веселый архивариус: «Играли мы в хоккей на первенство Нарвской заставы. А дальше...

— Удар что надо! Да не в те ворота! Полез я за шайбой. Дай, думаю, кстати погляжу...

...когда и зачем эти ворота поставлены. И вдруг...
— Отроки! Ты испугал моих коней! Бери скорее бразды в длани! Мне одной не сдержаты!

Я — прыг на колесницу! А кони — порх в небеса! Летим, снижаемся, гляжу — под нами Березинская битва.

Я бухнулся в сугроб и слышу: «Товарищ, мчи с этим пакетом к маршалу. Скажи, лейтенант Барсук просит подкрепления!»

Бегу. Догоняю богатые санки. «Кто может ездить в санях номер первый? Конечно, наш великий полководец Кутузов», — подумал я...

... и чуть не угодил в плен.
— Откуда ты, малыш?
— Свой, — схитрил я. — Не верите? Поклон вам от ваших земляков с острова св. Елены.

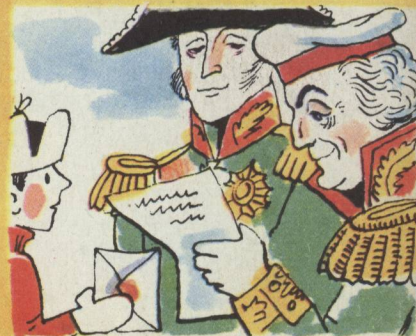
И я был таков.
А кругом — плюмажи палат, ментики строчат, кирасы летят!

Стрельба утихла. Выезжает из леса бородатый всадник и говорит: «Я иногда бывал на Пинде, но наскоком. — А Пинд, — спрашиваю, — уже отбили от французов?»

А он, усмехнувшись, отвечает: — На Пинде да на Парнасе французы нам не помеха, пусть остаются. Побежал я дальше и думаю: «Хорош партизан! Французы на Пинде, а ему и горя мало!»

И тут носом к носу столкнулся я с великим полководцем Кутузовым.
— Дорогой дедушка Кутузов, вам пакет от лейтенанта.
— От лейтенанта? Так это не мне. Никакой лейтенант подкрепления от меня не получит. А почему — догадайся сам!

Тем временем вокруг Кутузова генералы собрались. И всё знакомые лица.
Ой, — говорю, — а ведь я вас по истории проходил и по литературе. Вы — Шереметев благородный, вы — Брюс, вы — Боур, вы — Репнин, вы — счастья блявень безродный...

Не успел я кончить, а генералы — ну хохотать. А чего смешного? Не понимаю.

Дорогой много-много-глубокоуважаемый Веселый архивариус! Генералы надо мной смеются, дразнят недорослем и домой не отпускают. Вы один можете мне помочь.
Эдик П.
P. S. Прошу не печатать моей фамилии в журнале.

Чуть не плача Архивариус промолвил:
— Ну и путаник этот Эдик. Ребята, помогите ему выпутаться из этой исторической эпохи, подскажите, в чем он ошибся, и помогите бедному Эдику вернуться к хоккейным тренировкам!